

П. И. СМ ИРНОВ

Постижение России

ВЗГЛЯД
СОЦИОЛОГА

Пётр Смирнов

**Постижение России.
Взгляд социолога**

«Алетейя»

Смирнов П. И.

Постижение России. Взгляд социолога / П. И. Смирнов —
«Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-67-6

Монография содержит ответ на скрытый вызов, брошенный Тютчевым: «умом Россию не понять, аршином общим не измерить». В ее первой части, посвященной разработке средств измерения общества, изложены проблемы теоретического познания общества, введены ключевые понятия социологии, описаны основные социальные явления. В качестве общей «сажени» измерения общества предложена схема эволюции, включающая идеальные типы дикости, варварства, цивилизованного сообщества, напряженной, служебно-домашней и рыночной цивилизаций. В качестве дополнительных «аршинов» измерения введены идеальные типы государства-корпорации и государства-учреждения. В ее второй части проведено измерение ключевых обществ в истории России: Новгородской республики, Киевской Руси, Московского царства, Советского Союза, современной России. Описаны факторы, повлиявшие на эволюцию российского общества, а также проблемы, трудности и условия развития страны в настоящее время.

ISBN 978-5-907189-67-6

© Смирнов П. И.
© Алетейя

Содержание

Предисловие от автора	5
Введение	7
Часть I.	10
Глава 1. Теоретические средства познания общества	11
1.1. Общая познавательная установка	11
1.2. Моделирование – универсальный метод познания в естествознании и обществоведении	19
1.3. Формирование логически корректных и существенных по содержанию понятий «общество» и «социальное»: проблема, методология, результат	30
1.4. Деятельность человека: признаки, свойства, основные разновидности	42
1.5. Основные понятия социологии: потребности и нормы	54
1.6. Основные понятия социологии: ценность	63
Глава 2. Основные социальные явления и процессы	77
2.1. Социальные институты. Понятие и основные функции	77
2.2. Культура: понятие, элементы, основные явления, функции, конфликты	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

П. И. Смирнов

Постижение России: взгляд социолога

Предисловие от автора

Всем думающим русским людям известны слова Ф. Тютчева «Умом Россию не понять» и А. Блока «Россия – Сфинкс!». Известно также немало попыток отечественных и зарубежных авторов ответить на скрытый вызов, содержащихся в них. В исторических, художественных, публицистических, научных сочинениях даются разные версии понимания России умом и предлагаются разгадки, объясняющие природу и думы Сфинкса. В настоящей книге я предпринимаю очередную такую попытку, подводя итоги своих размышлений о судьбе России, ее прошлом, настоящем и будущем.

Признаюсь, до «перестройки» меня эти проблемы занимали постольку-поскольку, хотя и читал книги по истории России. Я наивно, как, вероятно, и многие другие, довольствовался марксистским учением в понимании общественных явлений и процессов. Но ход событий в стране (и мире) показал его несоответствие действительности. У меня и раньше вызвали недоумение отдельные ключевые положения марксизма (основной закон исторического материализма о соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, сама категория производительных сил и др.), но в перестроечный период марксизм, как основа моего мировоззрения, рухнул. И я оказался в невыносимом для меня состоянии непонимания окружающего мира. Поскольку религиозно настроенным человеком я стать не мог по причине атеистического воспитания (и особенно после знакомства с «Ветхим Заветом», удивительно злобной книгой), пришлось вырабатывать собственное миропонимание.

Исходной «точкой роста» моего нового взгляда на общество, его существование и развитие, послужила концепция социальной значимости человека как основной ценности личности, т.е. способности человека оказывать воздействие на ход событий в обществе и являющейся главным стимулом деятельности человека как социального существа. Далее потребовалось уточнить представление о деятельности, создать собственную схему эволюции общества и найти в ней место России, наконец, даже сформировать собственное понимание процесса познания. Придерживаясь, в целом, позитивистской позиции, я отказался считать познание процессом, происходящим лишь в голове человека, в его психике, придя к выводу, что познание есть запечатление во всей структуре и функциях живого организма структуры и свойств окружающего мира. Познание – необходимое условие, позволяющее организму существовать, и познание с помощью психики лишь часть, хотя и очень важная, общего процесса познания. Занимался я этим во время моей исследовательской и преподавательской работы в Ленинградском, позже Петербургском, университете.

Существенной частью предлагаемой методологии познания является деятельностно-ценностный подход к описанию социальных процессов и явлений. Считаю своим почетным долгом отметить вклад моих коллег, профессоров Санкт-Петербургского государственного университета А.О. Бороноева и Ю.М. Письмака, в разработку этого подхода. Мне особенно приятно отметить ценные идеи моих сыновей, Филиппа и Григория, по проблемам общественного здоровья и основных форм человеческой активности, которые вошли в содержание монографии.

В книге подводится итог моим размышлениям, нашедшим ранее отражение в ряде монографий, статей и учебных пособий, написанных мною лично и в соавторстве. Наиболее доступны для читателя моя книга «Самопознание общества. Метод, средства, результаты / П. И. Смирнов – Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. – 246 с. selfpub.ru» (ее текст с небольшими, но

существенными изменениями включен в данную монографию), а также статьи на сайте журнала Credo new, регулярно публиковавшиеся с 2010 года. Приношу редакции журнала и, особенно, его главному редактору С.П. Иваненкову свою искреннюю признательность за возможность публиковаться в журнале.

Петр Смирнов

Людам, благотворно повлиявшим на мою судьбу, с любовью, уважением и благодарностью:

Серафиме Михайловне Шатровой, воспитательнице Пеновского детского дома, прекрасной женщине, укрепившей во мне веру в себя,

Петру Семеновичу Емшину, старшему научному сотруднику, заведующему лабораторией НОТ Ленинградского университета, моему другу в молодости, оказавшему помощь в сложный период моей жизни,

Асалхану Ользоновичу Бороноеву, профессору, директору НИИ комплексных социальных исследований ЛГУ (СПбГУ), организатору и первому декану факультета социологии ЛГУ (СПбГУ), старшему другу и товарищу, способствовавшему моей самореализации в профессии.

*Я взглянул окрест. Душа моя страданиями **народа моего** уязвлена
стала
(перифразируя Радищева).*

*Для общества, так же как и для отдельной личности, – первое
условие **всякого прогресса** есть самопознание
(Ф.И. Тютчев).*

*Для общества, так же как и для отдельной личности, – первое
условие **достойного существования** есть самопознание
(уточняя Тютчева).*

Введение

В названии книги, предисловии к ней и в строках эпиграфа очерчены контуры сложной задачи, возможные решения которой предлагаются вниманию читателя.

Справедливо мнение, что «историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой» (Н.А. Бердяев), и «ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России» (У. Черчилль). Но разве можно нам не принять близко к сердцу слова Пушкина, который «ни за что на свете ... не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал»?

Нам, нынешним гражданам России, вслед за Пушкиным, нужно *принять*, счесть условно своей, всю историческую судьбу России, нашей общей *Родины*, уважая великие деяния предков. Но чтобы сознательно принять на себя ответственность за ее судьбу и попытаться сделать ее более счастливой, нужно также *понять смысл* грандиозных и трагических событий, сотрясавших Россию в последние 400–500 лет. А для этого необходимо выявить «внутреннюю логику» развития России, вскрыть причины ее взлетов и падений.

Каждому русскому (российскому)¹ гражданину полезно, оглянувшись в прошлое, оценить настоящее и бросить взор в будущее, чтобы предугадать, что будет со страной. Нам нужно рассмотреть перспективы существования России, выявить проблемы и трудности, которые ее ждут, оценить ресурсы, которыми она располагает для преодоления препятствий, способы использования собственных (великих!) возможностей.

В этой книге излагается авторская *версия*, объясняющая ход событий. Знакомство с ней возможных читателей призвано способствовать прояснению национального самосознания граждан России, в основе которого должно лежать ясное понимание ими своих подлинных интересов.

Что касается скепсиса относительно высказывания Тютчева о «прогессе» (как высшей цели самопознания личности и общества), то он обусловлен неясностью слова «прогесс»² и тревожными явлениями и процессами в современном обществе. Автор предпочитает выражение «достойное существование», которое нужно обеспечить народам России (и всему человечеству, если оно того захочет).

Сейчас более или менее очевидно, что «мир летит в тартарары». Причем экономические и финансовые кризисы, акты терроризма и вандализма, военные конфликты, ухудшение экологии, в частности, глобальное потепление и т.п. – вызваны функционированием современного общества. Бесконтрольный «прогесс» во всех сферах его жизнедеятельности ставит под вопрос существование разумной жизни на Земле, носителем которой до сих пор являлось человечество, да и самое существование человечества. Поэтому самопознание нужно глобальному обществу, чтобы научиться управлять собственной жизнедеятельностью. “*Savoir pour prévoir, prévoir pour agir* (Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать)” – это требование О. Конта стало подлинным велением нашего времени. Нужно понять причины глобального кризиса, в котором оказалось современное общество, а далее определить проблемы, трудности и перспективы выхода из него.

Без понимания общего хода и перспектив эволюции общества, невозможно постижение России, определение ее места в общей схеме социальной эволюции, оценка ее положения в современном мире и разработка средств, способных обеспечить ее народам достойное существования.

¹ В России мы различаем и делим себя на русских и украинцев, татар и белорусов, казахов, бурят, калмыков, якутов и т.д. Но с западной точки зрения, все мы – *Russians, т.е. русские*.

² «Все прогрессы реакционны, если рушиться человек» (А. Вознесенский).

Следует учесть, что слово «самопознание» по отношению к обществу имеет иносказательный оттенок. Общество, понимаемое как объединение людей, не может познать себя с той же степенью полноты, с какой способен понять себя человек (впрочем, тоже не способный познать себя до конца). Но люди, профессионально занятые изучением общества, должны и могут проникнуть в суть происходящих в нем процессов, увидеть его главные проблемы и опасности, угрожающие его существованию, и предложить более или менее безопасные сценарии его развития.

Вся совокупность общественно-гуманитарных наук способна внести свой вклад в самопознание глобального и российского обществ. Но главную роль в этом процессе призвана сыграть теоретическая социология (вкуче с социальной философией). Однако средства познания теоретической социологии пока недостаточны, чтобы ясно и четко отразить существо процессов, происходящих в современном мире. Социология станет подлинно теоретической наукой, когда ее основы станут доступны пониманию любого человека (как доступны ныне элементарные основы классической физики). Лишь тогда станет реальной возможность самопознания глобального (и российского) общества³. Но разработка нужных теоретических средств оказывается вторжением в сферу гносеологии, поскольку требует пересмотра привычного представления о познании как психическом процессе отражения действительности в голове человека.

В предлагаемой читателю монографии предпринята попытка решения названных задач. Они определили структуру монографии, состоящую из двух частей и шести глав, а также двух приложений.

Первая часть состоит из четырех глав. В них изложены теоретические проблемы и средства познания общества, описаны важнейшие социальные явления и процессы, предложены решения глобальных проблем современного общества.

Вторая часть, состоящая из двух глав, посвящена постижению российского общества в целом, измерению его ключевых обществ, описанию проблем современной России.

В первой главе первой части излагается авторская концепция познания как запечатления в структуре и реакциях систем субъектного типа событий и свойств окружающего мира, а также общая позитивистская установка автора на познание общества. В ней представлен комплекс важнейших понятий социологии: общество, социальное, деятельность, потребности, ценности, нормы.

Во второй ее главе изложено представление о важнейших социальных явлениях: социальных институтах, культуре, личности, группах.

В третьей – дана авторская универсальная схема эволюции общества, описаны основные проблемы человечества, предложены ориентиры эволюции глобального общества.

В четвертой главе описаны основные проблемы устойчивого развития общества и средства решения этих проблем.

В пятой главе второй части сделано измерение ключевых обществ России. Отмечено наличие в Новгородской республике, Киевской Руси и Московского государства начал рыночной цивилизации и государства корпоративного типа. Указаны причины складывания в Московском государстве общества с признаками *служебно-домашней* цивилизации и государства-учреждения. Прослежено изменение признаков цивилизованного сообщества, являвшегося основой российских обществ. Проведено сравнение обществ царской России и СССР, показано их сходство и различие. Оценена роль русской сельской общины в жизнедеятельности страны, проанализирован симбиоз служебно-домашней цивилизации в России и русской общины.

³ В.О. Ключевский заметил когда-то, что «каждый ... должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином» [Ключевский. 1995. Т.1., с.32]. Ныне каждый должен быть немного социологом, понимать общий ход событий в мире, чтобы стать сознательным и добросовестно действующим человеком (и гражданином).

Шестая глава второй части посвящена описанию особенности эволюции российского общества. В ней раскрыта взаимосвязь этих особенностей с национальной идентичностью, указаны важнейшие факторы формирования идентичности. Рассмотрены причины случившейся в стране на рубеже веков катастрофы, проанализированы, с точки зрения российских национальных интересов, произошедшие реформы, описаны проблемы и задачи, решение которых необходимо для создания достойной жизни в России, предложены способы решения названных проблем и задач.

Критическое обсуждение профессиональными обществоведами (и просто думающими людьми) предложенного в монографии комплекса теоретических средств, трактовок социальных процессов и явлений, а также выводов, позволит российскому обществу (как надеется автор), продвинуться по пути самопознания.

Автор считал бы, что его труд достиг цели, если бы ему удалось внести этой книгой хоть малую лепту в бесконечный процесс постижения России.

Часть I.

Познание общества: проблемы, средства, решения

Познание России, как сказано во «Введении», возможно лишь при понимании общего хода событий в обществе. А для этого необходимо изложение теоретических проблем и средств познания общества, описание важнейших социальных явлений и процессов, включая эволюцию общества, возможные пути и средства решения глобальных проблем современного мира и т.д. Рассмотрение названных вопросов составляет содержание этой части.

Глава 1. Теоретические средства познания общества

В главе излагается познавательная установка, принятая автором, а также его трактовка базовых понятий социологии. Предложенные теоретические средства используются далее для описания важнейших социальных явлений, включая эволюцию общества. От читателя требуется внимание и терпение при освоении материала этой главы, ибо в ней содержатся своеобразные алфавит, словарный запас и грамматика, необходимые для дальнейшего понимания содержания книги.

1.1. Общая познавательная установка

Уровни развития социологии и естественных наук. Для постижения России в рамках социологии нужен комплекс теоретических средств, которого нет в арсенале теоретической социологии в настоящее время. Разработку этого комплекса полезно начать с оценки общего уровня развития социологии, сравнив для этого ее методологию с естественнонаучной методологией.

О. Конт, основоположник социологии, в свое время поставил задачу сблизить методологию этой науки с методологией естественных наук. Неслучайно он вначале назвал науку об обществе «социальной физикой». Поставленная им задача нашла частичное (и более или менее приемлемое решение) в сфере эмпирической социологии. Статистическая обработка опросов общественного мнения и «следов» человеческого поведения в информационном пространстве (метод «больших данных»), позволяют прогнозировать групповое и индивидуальное поведение людей: результаты выборов, возникновение конфликтных ситуаций, покупательский спрос и пр.

Иная ситуация сложилась в сфере теоретической социологии, где до сих пор царит хаос. Представленные в ней школы, направления, подходы, отдельные теории образуют сложный (но лишенный внутреннего единства) конгломерат различных подходов и школ, частных дисциплин (социологий), авторских концепций и позиций.

Для социологов привычны выражения «теория социальной эволюции О. Конта», «марксистская социология», «школа структурно-функционального анализа», «понимающая социология М. Вебера», «социокультурная динамика П. Сорокина» и т.п. Но обозначаемые ими теоретические конструкции существуют сами по себе, взаимосвязь между ними, не говоря уж о теоретическом единстве, не установлена.

Эта ситуация напоминает ситуацию, сложившуюся в искусствоведении. Применительно к литературе в нем пишут о «классицизме, романтизме, реализме, модернизме и постмодернизме». Рассматривая живопись, рассуждают о «реализме, импрессионизме и абстракционизме». Выделяют различные направления и жанры в музыке и т.п. Используют при этом и более конкретные выражения, например, «живопись Рафаэля», «иконы А. Рублева», «школа русских передвижников», «французский импрессионизм», «скульптура Родена» и т.п.

Дополнительно отметим: упоминание авторских концепций в теоретической социологии принципиально отличается от аналогичной практики в естественных науках, хотя в них тоже употребляются подобные выражения, например, «теория тяготения Ньютона», «таблица Менделеева», «уравнения Максвелла», «закон Ома» и т.п.

В естественных науках упоминание имени автора теории, концепции, закона чаще всего связано с соображениями удобства. Проще сказать «законы Ньютона», чем «законы классической механики о движении материальной точки». Кроме того, упоминание имени свидетельствует об уважении научного сообщества к человеку, установившему некую истину. Эта истина может быть ограничена определенными областями применения, уточнена с течением вре-

мени, но ее принципиальная применимость для объяснения и практического использования в конкретных сферах реальности не подвергается сомнению.

В теоретическом обществоведении (в том числе, в социологии) истинность конкретной концепции или теории отнюдь не столь безусловна, как в естественных науках. Едва ли кто-нибудь в социологическом сообществе рискнет теперь высказать фразу, аналогичную ленинской: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Критике, причем весьма обоснованной и справедливой, можно подвергнуть любую теорию и любой подход в теоретическом обществоведении. Упоминание в общественных науках имени автора концепции свидетельствует всего лишь о том, что в его теоретических построениях имеется смысл, что к его рассуждениям следует относиться с уважением, но отнюдь не считать, что выводы, вытекающие из данной теоретической конструкции, столь же истинны, как выводы естественнонаучной теории.

Почему же теоретическая социология пока неспособна строить теории, истинность которых была бы принята хотя бы в определенных границах? Отвечая на это, можно дать разные объяснения.

Во-первых, прибегнуть к банальной ссылке на «сложность» общества как объекта изучения. В этом утверждении есть смысл, но разве различные природные объекты так уж «просты»?

Во-вторых, сослаться на то, что трудности изучения общества связаны с включенностью самого человека в социальную систему, и он, с его свободой и сознанием, нарушает жесткую причинную обусловленность хода событий в обществе. В этом тоже есть смысл. Но ведь человек включен и в природу. Его действия во все большей степени оказывают влияние на ход природных процессов, особенно ныне, однако это не отменяет действие природных законов. Человек способен влиять на природные процессы, используя эти законы.

В-третьих, объяснить трудности в исследовании общества тем, что в этом случае человек становится одновременно и субъектом и объектом исследования. В результате возникает неопределенность исследовательской позиции, не всегда ясно: характеризует то или иное высказывание общество как объект познания или же это высказывание относится к нему как познающему самого себя субъекту? И с этим объяснением можно отчасти согласиться. Человек не может полностью освободиться в познании общества от своих субъективных установок.

Однако не следует забывать, что обществоведы, в частности, социологи, выступая в качестве исследователей, изучают, как правило, не самих себя, а других людей. И точно также действуют и психологи, и психиатры. Другой человек предстает перед ними в качестве объекта исследования. И хотя трудно назвать психологию строгой и точной наукой в полном смысле слова, все же следует признать, что в некоторых своих направлениях она существенно приблизилась к уровню естественных наук.

Наиболее адекватно чрезмерное многообразие авторских теорий и концепций в теоретической социологии можно объяснить тем, что в социологии до сих пор не удалось найти или выработать элементарные исходные представления, более или менее разделяемые всеми социологами, которые составляют основу той или иной науки, или, по крайней мере, крупной теории. Представляется, что большинство социологов даже не задумывалось о необходимости выявления подобных простейших представлений. А тем более они не задумывались о поиске правил взаимодействия (простейших постулатов), которые устанавливаются между элементарными представлениями.

Что же имеется в виду? Для пояснения следует обратиться к наиболее древней из наук – математике, в частности, геометрии. Геометрия Евклида начинается с ввода элементарных представлений о точке и множестве. Далее вводится представление о линии как множестве точек, упорядоченных определенным образом, представление о прямой линии и т.д. Хорошие учителя в школах обращают внимание учеников на то, что точка, множество и линия в геометрии не определяются, поскольку это невозможно сделать.

Ведь когда говорят, что точка не имеет длины и ширины, то пользуются намного более сложными представлениями, чем представление о точке. Утверждая же, что кратчайшее расстояние между двумя точками является прямой линией, задают правило взаимоотношения между точками. Причем эти правила считаются интуитивно ясными (не нуждающимися в доказательстве).

Знаменитый постулат о параллельных прямых (самому Евклиду представлявшийся сомнительным) относится к правилам взаимоотношения между точкой и прямой. Без таких правил невозможно было бы построить систему доказательств в евклидовой геометрии.

Аналогичная ситуация складывалась в теоретической физике. С элементарного представления о материальной точке, обладающей бесконечно малыми размерами и неопределенно большой (но конечной) массой, начинал построение теории всемирного тяготения Ньютон. При этом он также установил закон гравитационного взаимодействия между материальными точками, согласно которому тела притягиваются друг к другу прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния.

Позже физики, введя представление об атомах как о чем-то неделимом, абсолютно упругом и движущемся и установив законы механического взаимодействия между ними, создали понятия об идеальной жидкости или идеальном газе, абсолютно твердом теле и пр. В конечном счете, это позволило, используя законы Ньютона для материальной точки, изучать поведение этих абстрактно созданных моделей, а далее построить теоретическую механику для различных фазовых состояний вещества. И хотя реально небесные тела, равно как реальные жидкости, газы и твердые тела ведут себя не совсем так, как это предсказывают их теоретические модели, подобный подход позволил выявить многие существенные закономерности реальных процессов и явлений в материальном мире и получить их достаточно точные количественные описания.

К сожалению, в социологии пока нет ничего похожего на геометрию Евклида или небесную механику Ньютона. Социологотеоретики предлагают разные исходные понятия, чтобы построить свои теории. Но эти понятия настолько сложны, а правила взаимодействия между ними так неопределенны, что следует говорить не о строгих теориях, а о более или менее осмысленных теоретических конструкциях (концепциях) отдельных авторов. На их основе можно обсуждать на качественном уровне ту или иную социальную проблематику, строить различные гипотезы и прогнозы, но степень надежности конкретных результатов, полученных таким образом, оказывается, как правило, весьма низкой. С этой точки зрения уровень современной теоретической социологии не выше достигнутого в доньютоновской физике.

Неудовлетворительное состояние теоретической социологии осознается многими социологами [Романовский. 2016. С.3–13]. Высказывается даже сомнение, что социология может стать наукой в собственном смысле слова. Выход из подобного состояния кое-кем усматривается в ее превращении «в критическую неоклассическую социологию», опирающуюся на традицию Маркса-Вебера. Лишь тогда социология вновь сможет задаться «большими вопросами», бросая вызов экономике и политическим наукам [Szelenyi. 2015. PP. 4–7].

Очевидно, однако, что только критики недостаточно для того, чтобы социология вновь смогла заняться большими вопросами (т.е., проблемами, стоящими перед всем человечеством). Недостаточно для этого и упомянутого выше эмпирического метода обработки «больших данных», позволяющего проследивать поведение человека по следам в информационном пространстве [Дудина. 2015, с.16–17 и др.]. Это метод, напоминающий знаменитую камеру Вильсона, с помощью которой физики проследивали движение заряженных частиц, полезен в эмпирических исследованиях рыночного поведения людей, их общения в информационном пространстве и пр. Но найти с его помощью ответы на глобальные вызовы в принципе невоз-

можно. И, конечно же, недостаточно для этого разного рода «дискурсов», тем более, что это слово понимается далеко неоднозначно⁴.

Социология сможет выявлять общечеловеческие проблемы и предлагать пути их решения, лишь став подлинной наукой, создающей собственные теории, отражающие общий ход событий в мировом масштабе. В целом дилемма такова: или XXI век станет веком социологии, или этот век положит конец более или менее благополучному существованию человечества. Обществоведению нужна методология, сближающая по степени строгости ее теоретические построения с естественнонаучными. Требуемую методологию можно построить, вернувшись к принципам позитивизма, обновив их содержание. В свою очередь, возвращение теоретической социологии на позиции позитивизма возможно при выполнении ряда предварительных условий. В частности, необходимо:

1. пересмотреть традиционную трактовку процесса познания,
2. предложить методологию, сближающую позиции теоретического естествознания и обществоведения,
3. указать понятийные средства из арсенала обществоведения, аналогичные средствам естественных наук.

Предлагаемая автором трактовка процесса познания. В широко распространенной философской трактовке познание есть «высшая форма отражения объективной действительности». В нем принято различать «чувственное познание, мышление, эмпирическое и теоретическое познание» [Познание. 1983, с.506]. Однако сведение познания лишь к психической форме отражения действительности, высший уровень которой свойственен человеку, не вполне адекватно и слишком узко, поскольку в процессе познания можно выделить его другие, «материальные», формы.

Исходное критическое замечание относительно адекватности изложенной трактовки касается ленинской метафоры *отражение*, которой в советский период любили пользоваться отечественные философы для пояснения процесса познания. Но с позиции, которая будет излагаться ниже, познание адекватнее уподобить *запечатлению*. Отражение не предполагает внутренних изменений (*отпечатка*) в явлении (зеркале, например), тогда как результатом запечатления является именно изменение воспринимающего явления (субъекта) в соответствии со структурой воздействующего явления (объекта). При этом субъект не обязательно пассивно воспринимает (отражает) воздействие. Он может изменять или создавать свои структуры (органы), а также совершать некие действия в ответ на воздействия со стороны внешнего мира.

Далее, чтобы аргументировать метафору *запечатление* (более адекватную для трактовки познания), необходимо внимательно рассмотреть базовые философские категории «субъект» и «объект».

Традиционно эти категории употребляют по отношению к двум классам явлений, которые различают по свойствам «пассивность-активность». Предполагается, что субъект – некое активное начало, направленное на объект, познающее объект, воздействующее на объект. Объект же – начало пассивное, испытывающее воздействие, познаваемое, преобразуемое и пр. [Лекторский. 1983, с. 453; с. 661]. Однако более пристальное рассмотрение реальных явлений показывает, что свойств «активность» – «пассивность» недостаточно для различения субъекта и объекта (солнце – активно, но кто назовет его субъектом?).

В рамках предлагаемой концепции принципиальное различие между объектом и субъектом заключается в том, что первая категория относится к самодостаточным явлениям (т.е. спо-

⁴ Так, этим словом обозначают: 1) «речевые практики, в которых «понятия... постоянно обыгрываются посредством выстраивания ассоциативных рядов», 2) практики «манипулирования знаками, которые формируют символические структуры, образующие для людей мир явлений и событий, понимаемых как социальная реальность» [Социология. 2005, с.311], 3) системы мышления «в определенной области общественной жизни» [Гидденс. 2005, с. 605], и т.д.

собным существовать без потребления окружающего мира), а вторая – к несамодостаточным (т.е. неспособным существовать без потребления окружающего мира) [Бороноев и др. 1996, с. 82]. Поэтому фундаментально различаются и их способы пребывания в мире («существования»). Субъекты (к ним относятся все живые существа, но не только) существуют, а объекты (их можно обозначить словом «вещества») веществуют. «Существование» стола принципиально отлично от существования человека (или растения). Известное декартовское выражение «*Cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно, существую), следовало бы заменить выражением «*Consumam ergo sum*» (потребляю, следовательно, существую).

Признание двух различных способов пребывания в мире служит теоретической предпосылкой для построения упорядоченной совокупности понятий, отражающих формы человеческой активности, включая процесс познания. Искомая совокупность позволит расширить представление о процессе познания, включив в него процессы, происходящие в материальном мире. Исходной категорией для ее построения служит категория «существование», а строится предлагаемая совокупность на ряде простых и почти очевидных допущениях.

Первое допущение состоит в том, что в существовании субъекта можно выделить два основных состояния: *активность* и *покой*. Активность характерна интенсивной добычей и тратой энергии (и вещества). Она вызвана внешними (угроза безопасности) и внутренними (изначальная несамодостаточность субъекта) стимулами. В период покоя энерготраты субъекта сводятся к минимуму, субъект «отключается» от мира и восстанавливает работоспособность своих структур, он «отдыхает».

Второе допущение заключается в предположении, что активность может быть как хаотической, так и, большей частью, целесообразной. Наличие ясно осознанной цели особенно свойственно человеку. Целесообразную активность имеет смысл назвать *поведением*.

Примем в качестве *третьего допущения*, что целесообразным может быть поведение, по крайней мере, двух видов в зависимости от его направленности со стороны субъекта.

Во-первых, оно может быть направлено на контакт с миром, на его познание, использование или преобразование. Назовем этот вид поведения *инициативным поведением*. В частном случае, инициативное поведение может быть направлено субъектом на самого себя. В этом случае субъект относится к себе как к части внешнего мира (объекту).

Во-вторых, целесообразное поведение возможно как минимизация контакта с миром, уклонение от некоторых факторов мира, способных принести вред. Этот вид поведения может быть назван *уклоняющимся поведением*, например *бегство* и *защита* (сопротивление вынужденному контакту).

Четвертое допущение заключается в том, что предполагается наличие в мире как субъектов, так и частных объектов (сторон мира, вещей, явлений). Соответственно, инициативное поведение по отношению к объектам и субъектам обретает две основные формы – *деятельность* и *общение* [Смирнов, Смирнов. 2007, с.83–87]..

Деятельность направлена на объекты, субъект с ее помощью их познает, преобразует, использует, причем одновременно в процессе деятельностного взаимодействия с миром может меняться и сам. В зависимости от того, чья структура (объекта или субъекта) меняется по преимуществу, можно выделить две ведущие формы деятельности: *преобразование* и *познание*.

В результате преобразования изменяется объект в соответствии с целями субъекта. Объект меняет свою структуру, облик и свойства в соответствии со структурой субъекта. Для человека основным видом преобразования (преобразовательной деятельности) является *труд*.

Познание, напротив, состоит в изменении структуры (анатомии) и типичных реакций (физиологических и психических) субъекта в соответствии со свойствами объекта. По сути, оно есть адаптация субъекта к объекту, позволяющая субъекту существовать.

Важнейшими факторами, влияющими на познание (адаптацию) субъектов являются свойства объекта (веществ) и события в окружающем мире.

В частности, организмы знают о свойствах веществ и способах их усвоения, что отражено в их анатомии и физиологии. Они также знают о важнейших событиях, благоприятных или неблагоприятных для их существования.

События бывают разных классов: постоянные и неизменные (сила тяготения), постоянные, но колеблющиеся в неких рамках (наличие кислорода в воздухе или воде), периодические (смена времени суток или годовых сезонов), вероятные (наличие источников пищи и угроз), случайные, о которых субъекты не знают (извержение вулкана или падение метеорита). Незнание случайных событий обусловлено тем, что их частота не соотносена с продолжительностью жизни отдельного организма.

Знание, запечатленное в структуре и типических реакциях субъекта, получается путем эволюции (мутации и естественный отбор) конкретного вида в типичных для его существования условиях. Скелет животного знает о силе тяжести, а легкие наземных животных и жабры рыб знают о наличии кислорода в воздухе и воде, организм медведя знает о смене сезонов и т.п. Органы и клетки живых организмов знают о свойствах кислорода, воды, белковых соединений структуре и свойствах других организмов и пр. Аналогичное материализованное знание социальных субъектов хранится в технических средствах, технологиях, социальной структуре.

Необходимость в знании о вероятных, но нерегулярных событиях (появление добычи и возможных врагов, стихийные угрозы) стимулировала появление двух видов знания. Первый вид, условно говоря, традиционный, запечатлевал это знание в структуре и типических реакциях организма: будь то панцирь черепахи или быстрые ноги зайца как средства защиты от врагов. Второй вид – знание не материальное, а получаемое с помощью форм психики. Благодаря механизмам ощущения, восприятия, представления и памяти организмы обрели способность запечатлевать сами события, их следы, взаимосвязи между отдельными событиями, между событиями и их следами и т.д. Существование и хранение знания о таких событиях, их следах и пр. стало основой способности моделировать явления окружающего мира и прогнозировать события, используя представления (чувственно-наглядные образы явлений и процессов).

У человека появляется дополнительная способность моделировать явления мира с помощью слов, в которых содержатся не только представления, но и понятия (о значениях слов речь подробнее пойдет ниже). Комбинируя представления и понятия, закрепленные словами, человек строит идеальные модели отдельных явлений, создавая обыденную и научную картины мира (образ мира) в своей голове. Способность к самопроизвольному изменению образа мира (фантазирование) приводит к тому, что человеческому познанию свойственны два важнейших свойства: *предвидение* и *заблуждение* (ошибочное предвидение).

Общением следует считать взаимодействие между субъектами, которые «признают» друг друга равными себе. В общении субъекты воспроизводят (порождают и воспитывают) друг друга. Основными формами общения, аналогичными преобразованию и познанию, является *ознакомление* (*предъявление, информирование*) и *понимание*.

Ознакомление заключается в том, что субъект А воздействует на структуру субъекта Б с тем, чтобы запечатлеть в ней свой образ (его часть, сторону, поведение), нужный для него. *Понимание* состоит в том, что в структуре субъекта Б формируется образ субъекта А. Ознакомление (в зависимости от целей субъекта А), может быть правдивым (искренним), но может быть обманым. Равным образом, понимание у субъекта Б может быть действительным (адекватным) или ложным. При всем различии между познанием и пониманием, что послужило Веберу основанием для вывода о методологической разности общественных и естественных наук, общим у них остается моделирование образов сторон (участников) взаимодействия.

Помимо общения субъекта с субъектом, возможна деятельность одного субъекта по отношению к другому, поскольку классы субъектов по своему развитию находятся на разных уровнях. Обычно субъект более высокого уровня относится к субъекту более низкого уровня как

к объекту. Так, человек осуществляет деятельность по отношению к биологическим организмам, к которым он относится как более низким по отношению к себе (таковы ее разновидности как охота, рыболовство, животноводство и пр.).

Кроме того, субъекты, индивиды или группы людей, могут осуществлять деятельность по отношению к другим индивидам и группам, которых они считают ниже себя, на основе комплекса превосходства, используя «низших» в своих целях. Такая установка порождает разные формы эксплуатации: от рабства, когда человек превращается другим в «говорящее орудие», до изоэренной манипуляции человеческим сознанием на мировоззренческом уровне. Суть установки в том, что одна из сторон относится к другой как средству. В живой природе близкими подобиями таких отношений между субъектами выступают хищники (по отношению к добыче) и паразиты (по отношению к организму хозяина).

Впрочем, существует возможность, когда субъекты (люди) признают принципиальное равенство по отношению к другим субъектам, но первые считают вторых более «слабыми» (не равными себе) в каком-то отношении в конкретной ситуации. Поэтому первые по отношению ко вторым также осуществляют некую деятельность (как к объектам), однако имея в виду благо «слабых» субъектов. Таковы, например, воспитание, образование, врачевание, опека. Главное в деятельности такого рода то, что более сильный субъект относится к слабому именно как к цели, а не средству.

Предполагается также, что с учетом сложности строения живых существ общение между ними может происходить с использованием разных сторон их природы. Общение на основе конкретной стороны (или совокупности сторон) этой природы порождает разных виды общения (или типы взаимодействия) между субъектами. В целом, для совокупности живых существ, включая человека, возможно общение, основанное на обмене генетической информацией, передаче чувств и сигналов (знаков и смыслов), обмене результатами деятельности (продуктами и услугами), принятыми решениями. Ясно при этом, что отдельным видам живых существ некоторые разновидности общения несвойственны. Так, коммуникация между людьми осуществляется, в основном, с помощью речи, а между муравьями с помощью химических веществ. У пчел существует так называемый «язык танца», когда пчела с помощью движений показывает направление и расстояние до растений-медоносов, и т.п. У людей возможно природное, чувственное, коммуникационное (в том числе, рече-коммуникационное), деятельностное, правовое общение. Подробнее обоснование этого перечня типов взаимодействия (видов общения) будет сделано ниже при рассмотрении проблемы формирования логически корректного и существенного по содержанию понятия «общество».

С точки зрения природного взаимодействия люди мало отличаются от других живых существ. Но, начиная с чувственного уровня, названные виды общения между людьми настолько усложняются, что становятся качественно отличными от аналогичных видов общения между животными, общественными насекомыми и пр. На основе видов общения (типов взаимодействия) возникают особые объединения людей, о чем подробнее также будет сказано ниже.

Изложенный подход к разработке взаимосвязанной совокупности форм человеческой активности позволяет помочь в решении некоторых проблем теоретической социологии:

- 1) избавиться от метафоричности и тавтологичности в определениях важнейших понятий, характеризующих формы активности человека;
- 2) помочь в построении простейших моделей (идеальных типов) различных человеческих объединений, что, в конечном счете, послужит основой для применения естественнонаучных (теоретических) методов к исследованию социальных систем;

Предложенная совокупность основных форм человеческой активности нуждается в критике, уточнениях и пр., возможно, даже в отмене и выдвижении другой. Но представляется несомненным, что лишь путем разработки совокупности взаимосвязанных понятий удастся

придать языку теоретической социологии необходимые строгость и точность при описании многообразных форм человеческой активности [Смирнов, Смирнов. 2007, с.85–89].

В эту совокупность (для простоты) не включены виды активности, направленные субъектом на самого себя. Но в ней можно было бы найти место *самопознанию и самопониманию, самопреобразованию и самовоспитанию*. С учетом целей и результатов взаимодействия между субъектами в ней можно было бы отразить такие формы общения, как лечение, эксплуатация, воспитание, обслуживание и др.

Итак, проблему о месте познания среди других проявлений человеческой активности можно решить, исходя из представлений о категории «существование» как способе пребывания в мире субъектов. На этой основе формируется следующая совокупность категорий, отражающих человеческую активность:

1. собственно активность⁵ как самая широкая категория (в отличие от покоя),
2. поведение как целесообразная активность,
3. инициативное (направленное на контакт с миром) и уклоняющееся (направленное на отказ от контакта с миром) поведение,
4. деятельность – инициативное поведение субъекта направленное на взаимодействие с объектом. Основными формами деятельности оказываются преобразование и познание,
5. общение – инициативное поведение субъекта, направленное на другой субъект. Основными формами общения оказываются ознакомление (презентация) и понимание.

Следует подчеркнуть, что предложенные категории (особенно, деятельность и общение) являются абстракциями. В реальном поведении слиты и меняются приоритетами процессы, обозначенные данными категориями. Так отдельный субъект, общаясь с другим субъектом, может прийти к пониманию, что они оба являются врагами по отношению друг к другу. Далее каждый из них способен поступать с другим как с объектом (вещью), используя его в своих целях или даже уничтожая его.

Рассмотрение основных форм активности, аналитически полученных из категории «существование», приводит к трем принципиальным выводам относительно процесса познания:

Неверно сводить весь этот процесс лишь к познанию, происходящему на основе психических процессов в человеческой голове. По-видимому, это фундаментальное заблуждение привело Канта к мысли о «вещи в себе», якобы не поддающейся познанию. Для субъекта всегда существует только «вещь для него», и он познает ее всей своей материальной структурой, типичными физиологическими и поведенческими реакциями, психическими процессами. Нужно лишь признать как факт, что субъект в силу собственной ограниченности не может познать мир во всей его целостной сложности.

Познание и понимание, при всей специфике взаимодействующих сторон, имеют принципиальное сходство в том, что и то, и другое имеют результатом изменение структуры субъекта, включающее изменения в анатомии, физиологии, поведенческих реакциях, психических процессах⁶.

Важнейшим способом познания и понимания с помощью психики является создание ею (и в ней) самых разнообразных образов явлений, процессов, отдельных сторон окружающего

⁵ Смысл этого слова может быть выражен русскими словами «оживленность» или «возбужденность».

⁶ Дополнительно стоит заметить, что преобразование аналогично ознакомлению, ибо результатом становится запечатление в структурах обеих «пассивных» сторон целей действующего субъекта.

мира. Создание образов кратко можно назвать *моделированием*. О моделировании в теоретическом познании речь пойдет в следующем разделе.

1.2. Моделирование – универсальный метод познания в естествознании и обществоведении

Названный метод познания общепризнан в науке [ФЭС 1983, с.381–382]. Конкретные проблемы, принципы, попытки моделирования социальных явлений и процессов отчасти уже освещались в литературе [Бороноев и др. 1996, с.81–92]. Рассматривались общие принципы моделирования в теоретическом естествознании и обществоведении [Смирнов. 2004, с. 12–22; 2016, с.133–141]. Но более адекватное применение этого метода в обществоведении требует решения ряда дополнительных задач. Необходимо: 1) обосновать моделирование как универсальный принцип поведения человека, 2) предложить начальное описание важнейших видов теоретических моделей в обществоведении, 3) уточнить принципы и правила их построения, 4) описать принципы передачи теоретических моделей в научном сообществе. В данном разделе предложено решение этих задач.

Моделирование как принцип человеческого поведения. Создание идеальных образов будущего результата деятельности (моделирование) издавна рассматривалось известными мыслителями как основополагающее начало человеческой деятельности [Блаженный. 1969, с.585; Маркс. Т. 23, с.189]. Очевидно, что эта способность к моделированию возникает не на пустом месте. Выше уже говорилось, что моделирование, как способ познания окружающего мира с помощью психики, свойственно не только человеку, но и животным. Оно есть следствие необходимости для живых организмов учитывать вероятные, но нерегулярные события, к которым нельзя заранее полностью адаптировать их анатомию и физиологию. Познание с помощью психики (моделирование) оказывается одной из форм адаптации живых существ (см. выше), определяющих их поведение. Деятельность, наряду с общением, является одной из форм человеческого поведения, поэтому моделирование оказывается универсальным принципом человеческого поведения в целом. Идеальные образы отдельных сторон, явлений, процессов окружающего мира строятся по принципу восхождения от простого к сложному. При этом создание образов (моделей) идет при опоре на исходные формы познания, присущие психике.

Психические формы человеческого познания как элементы моделирования. Результатом моделирования, очевидно, является некая модель (образ), и в разных словарях содержится шесть-семь значений этого слова. Для теоретического обществоведения наибольший интерес представляет значение, согласно которому модель понимается как «схема, изображение или описание какого-либо предмета, явления или процесса в природе или обществе, изучаемые как их аналог» [Современный словарь.. 1993, с.388]. Модели подобного рода создаются сознательно, но очевидно, что их сознательное создание возможно лишь при условии, что человек изначально обладает природной способностью произвольно создавать некие простейшие, исходные, образы предметов, явлений и процессов. В число их входят ощущения, восприятия и представления.

Ощущение понимается как запечатление свойств явлений и процессов объективного мира, возникающее в результате их воздействия на органы чувств и возбуждения нервных центров коры головного мозга. Ощущение – исходный пункт психического познания в нем «схватывается» качество предмета. Имеется множество ощущений – осязательные, зрительные, слуховые, температурные, болевые, обонятельные и др. Особенность тех или иных ощущений называется их модальностью. Ощущения могут осознаваться, хотя существуют и неосознанные ощущения.

Весьма важен вопрос о том, насколько и как в ощущениях передаются свойства объективного мира. Существуют разные философские точки зрения на этот сложный вопрос. Не

рассматривая их, будем для простоты в дальнейшем исходить из допущения, что человек способен с помощью мозга создавать модели свойств вещей и свойств окружающего мира, которые не являются снимками или копиями в буквальном смысле слова. Сладость, горечь, цвет и пр. не присущи вещи самой по себе как некое объективное качество. Люди могут по-разному воспринимать вкус того же самого вещества или видеть мир в разной цветовой гамме. Но ощущения не являются и произвольно созданными иероглифами, условными знаками вещей. В ощущениях закодированы структура свойства вещей и процессов. Причем важно не столько отдельное ощущение само по себе, сколько соотношенность всех ощущений с общей структурой явления или процесса, которая суммируется в восприятии, отражающем в кодированном виде структуру и свойства явления.

Происходит процесс, вероятно, подобный процессу цифрового кодирования в телепередаче.

Восприятие обычно понимается: 1) как *процесс* отражения⁷ вещей и процессов в психике человека, результатом которого является их чувственные образы [ФЭС, 1983, с.92], и 2) как сами эти *образы* [Кондаков.1971, с.79] или, иначе, их *идеальные модели*, являющиеся первичной основой теоретизирования.

Восприятие (как идеальная модель явления или процесса) может быть использовано двояким образом. Во-первых, на его основе можно создать материальное подобие явления во внешнем мире (вторичной материальной модели), каковыми являются рисунки, макеты, фигуры, воссоздающие внешний облик явления. Во-вторых, на основе восприятия, с помощью памяти и других психических процессов, возможно создание представления (вторичной внутренней модели) о предмете или явлении.

Представление чаще всего понимается как целостный образ предмета или явления, получаемый без непосредственного восприятия предмета [Кондаков.1971, с.414]. Однако возможно представление и об отдельном элементе предмета, т.е. представление об ощущении.

Целостное представление возможно двух видов: 1) представление как образ ранее воспринятого предмета или явления и 2) представление как образ, созданный творческой работой мозга, т.е. представление о вещи, ранее не воспринимавшейся. Представления второго вида создаются путем комбинации свойств и черт отдельных предметов или явлений, куда могут включаться и представления об ощущениях. Весьма важной особенностью представления по сравнению с восприятием является то, что оно способно отражать не отдельную конкретную вещь, а серию однотипных предметов в их обобщающем образе.

Опираясь на представление, можно перейти к моделям разного рода. Во-первых, (как и в случае восприятия) можно двинуться в сторону чувственно воспринимаемых материальных моделей, создавая макеты или действующие модели. Во-вторых, можно начать строительство абстрактных идеальных моделей, создавая описания, понятия, теории и т.п., которые и представляют интерес для теоретического мышления. Однако построение более или менее адекватных теоретических моделей предполагает решение, по крайней мере, трех проблем. Во-первых, необходимо уточнить роль и значение слова как средства моделирования реальности, в частности, уточнив его возможные значения. Во-вторых, выяснить взаимоотношения слова и понятия. В-третьих, решить проблему первичности таких форм мысли, как понятие и суждение.

Элементы теоретических моделей. Слово, суждение, понятие. *Возможные значения слова.* Слово – звуковая материальная оболочка, в которой язык регистрирует и закрепляет результаты познавательной и практической деятельности человека. С помощью слов (шире –

⁷ Привычную для отечественных философов метафору «отражение», характеризующую процесс познания, лучше бы заменить метафорой «запечатление», о чем уже говорилось.

знаков) становится возможным обмен мыслями между людьми, а также выражение чувств и отношение людей к действительности (ее оценка).

Для выполнения этих функций используются различные элементы содержания слова, в силу чего в конкретной ситуации оно обретает требуемое значение. Во-первых, слово может обозначать ощущение, восприятие, представление и понятие. Во-вторых, одно слово может иметь в своем содержании несколько восприятий, представлений и понятий, используемых при описании действительности, что ведет как к игре слов, так и к логическим ошибкам. В-третьих, слово способно отразить отношение человека к отдельным сторонам реальности, его чувства – любовь, симпатию, страх, ненависть и пр. Для этого (в частности, в русском языке) используются различные части слова (префиксы и суффиксы). В-четвертых, слова, особенно модальные и качественные, отражают оценку человеком различных вещей: хорошее – плохое, должное – не должное, прекрасное – безобразное, доброе – злое и т.д. Дальнейшее строительство моделей предполагает установление связей между словами, благодаря чему возникают понятия и суждения.

Взаимоотношение между понятием и суждением. В логике (и в философии) существует еще окончательно нерешенная проблема о том, что считать первичной, а что вторичной формой мышления – суждение или понятие [Кондаков, 1971, с.397; с.505].

С одной стороны, понятием называют целостную совокупность суждений, т.е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которого являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта [Кондаков, 1971, с.393].

С другой стороны, суждением иногда называют форму мысли, отражающую связь между понятиями (субъектом и объектом) [Головин. 1998, с.248], важнейшим свойством которой является ее истинность или ложность [Кондаков. 1971, с.503]. Тогда оказывается, что понятие обычно встречается не само по себе, а в составе суждения, в связи с другими понятиями, входящими в суждение, следовательно, понятие – более простая, элементарная форма мысли по сравнению с суждением.

Непротиворечивый выход из возникшего затруднения может быть найден, если признать, что суждения бывают, по крайней мере, двух классов.

Первые – элементарные суждения – образуются на базе восприятий или представлений, т.е. в суждении связываются между собой чувственные образы предметов, их свойств, связей и отношений. Все подобные суждения можно рассматривать с точки зрения истины или лжи, проверяя их истинность или ложность эмпирическим указанием на предмет, свойство, отношение. Например, эта ручка – красная. Ею можно писать. Она пишет грязно. Целостная совокупность элементарных суждений может образовать элементарное понятие об отдельном предмете (явлении). Например, эта ручка красная, ею можно писать, но плохо.

Вторые – сложные суждения – состоят из элементарных понятий, образуя сложное понятие как их целостную совокупность. Так образуются понятия разных фигур в геометрии. Но процесс усложнения понятий пока не описан корректно. Можно лишь признать, что каким-то образом образуются все более сложные понятия из все более сложных суждений. Понятие тогда становится итогом познания предмета, явления [Кондаков. 1971, с.394].

В целом же, суждение – более элементарная первичная форма мышления по отношению к понятию, поскольку оно может базироваться на представлении или восприятии. Наличие суждений, восприятий, представлений и понятий позволяет перейти к описаниям различного рода, которые входят в число передаваемых идеальных моделей.

Основные передаваемые идеальные модели: простое описание, концепция, учение, теория. Идеальные модели явлений и процессов создаются и передаются людьми, чтобы согласовать возможные коллективные действия, поэтому крайне важно сделать модели доступ-

ными для восприятия, усвоения и понимания. Средством для достижения взаимопонимания служат различные виды описаний.

Собственно описание и его функции. Описание – это более или менее целостная совокупность суждений, используемая людьми в процессе речевого взаимодействия. Любое описание несет, по крайней мере, две функции: 1) оно представляет собой воспроизведение в словесной форме части действительности, некую *модель* ее и 2) оно является *сообщением*, предназначенным другому лицу.

В зависимости от признаков, присущих тому или иному описанию, можно выделить несколько крупных классов описаний: 1. *описания, различающиеся базовыми идеальными моделями, отраженными в значениях слов*, т.е. опирается ли описание на восприятие, представление или понятие, а также передает ли оно отношение автора к описываемому. Как правило, в любом описании есть все три рода базовых моделей, соотношение которых меняется в зависимости от вида описаний. В зависимости от рода описания соотношение базовых моделей меняется. Самые начальные описания (при обучении речи в детстве) составляются на основе восприятий. Позже в описаниях о реальных или вымышленных событиях опираются на представления. Далее все большую роль играют понятия, которые составляют основную массу в научных описаниях.

В этом процессе, по-видимому, уменьшается роль субъективного отношения автора к описываемому;

2. *описания, различающиеся средствами передачи информации*. Возможны чувственно-наглядное (картина, план, пьеса, кинофильм), устное, письменное, комбинированное, математическое и др. описания;

3. *описания, отличающиеся смыслом своего содержания*.

Возможны фактологические описания и описания поясняющие;

4. *описания, различающиеся степенью своей достоверности*.

В крайних пределах это истинное и ложное описания;

5. *описания, отличающиеся целями, которые преследует субъект*: выражение личных чувств автора и стремление вызвать некие чувства у адресата сообщения, донесение до партнера истинной информации, ввод его в заблуждение, нравственная оценка события или человека, провозглашение ценности (часто высшей ценности – Бога, идеала и пр.).

Выделенные виды описаний полезны для уточнения содержания наиболее распространенных классов описаний, обозначаемых словами: естественное описание, концепция, теория, учение.

Естественное описание – это описание, формируемое с помощью средств естественного языка (сказка, рассказ, песня, роман и т.д.). Оно опирается в основном на восприятия и представления. При этом для уточнения и выразительности мысли, а также для выражения отношения рассказчика к описываемым событиям используются формы слова, иносказания, сравнения, гиперболы и пр.

Концепция. Это слово имеет два основных значения – 1) система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов; 2) единый, определяющий замысел, ведущая мысль какого-либо произведения, научного труда и т.д. [ФЭС. 1983, с.278]. Применительно к анализу проблем построения идеальных моделей лучше подходит первое значение этого слова.

Научная концепция, содержащая конкретный набор исходных представлений или понятий, позволяет установить некий смысловой ряд в первоначальном хаосе явлений: построить типологию или даже классификацию явлений, уловить направленность развития явления и т.п. В социологии имеется неопределенное количество подобных концепций. В качестве примеров можно назвать концепцию о культурно исторических типах Данилевского, концепцию Вебера об эволюции общества в зависимости от преобладания в нем одного из четырех основ-

ных видов действий, концепцию Сорокина о циклической флуктуации основных типов культур и т.п.

Имеются концепции, разделяемые в той или иной мере всеми или почти всеми обществоведами. В частности, таковой является концепция о разделении труда как основе общества и важнейшем факторе его эволюции, дифференциации и интеграции. О ней писали Платон, Дюркгейм, Маркс, Спенсер и т.д., и с нею, по-видимому, согласно большинство социологов⁸.

Концепции могут служить исходными пунктами или предпосылками для построения теорий, правда, большинство теоретических построений в социологии не «дотягивают» до уровня теории, а остаются на уровне концепции или «застревают» где-то на пути к теории, нередко превращаясь в учения.

*Теория*⁹. В широком смысле это слово понимается как комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений (или отдельного явления). В этом значении слово «теория» весьма близко по смыслу к слову «концепция». В более узком и специальном значении слово теория понимается как высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области реальной действительности – объекта данной теории. По своему строению теория представляет собой внутренне дифференцированную, но целостную систему знания, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость содержания теории из некоторой совокупности утверждений и понятий – исходного базиса теории – по определенным логико-методологическим принципам и правилам [ФЭС. 1983, с.676–677].

В этом толковании слова «теория» установлены признаки, наличие которых позволяет назвать ту или иную систему взглядов теорией. Важнейшие из признаков суть следующие:

- 1) наличие исходных представлений и понятий – базиса теории,
- 2) наличие правил оперирования с этими представлениями и понятиями (из этого следует выводимость содержания теории дедуктивным путем),
- 3) установление неких закономерностей внутри объекта теории с помощью средств теории (что позволяет прогнозировать изменения в объекте за счет изменения условий существования объекта).

Наличие этих признаков позволяет судить, насколько то или иное теоретическое описание, предлагаемое конкретным автором, является теорией в собственном смысле слова. Теории можно условно разделить на два класса: феноменологические (теоретически описывающие явления преимущественно с помощью понятий) и математические (описывающие явления с помощью количественных характеристик). Но в основе любых теорий лежит минимальный набор исходных представлений, которые на начальном уровне построения теории понимаются интуитивно (точка и число в математике, первоначальное представление об атоме в физике и химии и пр.).

Учение (доктрина). Эти слова часто взаимозаменяемы. Так доктриной называют учение, научную или философскую теорию, политическую систему, руководящий теоретический или политический принцип [Современный словарь.. 1993, с.211], а также некоторое систематизированное учение (философское, политическое или идеологическое), связную концепцию, совокупность принципов. Слово «доктрина» в отличие от почти синонимичного ему слова

⁸ Забегая вперед, скажем, что точнее следовало бы говорить о деятельностном взаимодействии, т.е. обмене результатами деятельности – продуктами и услугами как основе общества.

⁹ Теория строится на умозрительных понятиях и суждениях, которые, вообще говоря, могут быть двоякого рода: «спекулятивными (не проверяемыми на опыте) или теоретическими (проверяемыми на опыте). Проверяемые суждения—в зависимости от результата их проверки— оказываются истинными или ложными» [Караваев. 2018, с.350]. Следовательно, принцип проверяемости – неперемное условие построения теории. Одной логичности построения и выводимости содержания теории из ее базиса недостаточно для создания полноценной теории.

«учение» чаще встречается при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма [ФЭС. 1983, с. 174].

Бесспорно, учение, может содержать некую совокупность принципов и быть более или менее связной концепцией, но подобная трактовка не вполне раскрывает суть учения, не отражая его важнейший признак. Таковым признаком является наличие в учении (облаченном в форму концепции или религиозного верования) некоей высшей ценности. Она представляет собой основу нравственности, поэтому эту ценность нужно защищать, сохранять или воплощать в жизнь. В христианском или марксистском учениях, учениях либералов и т.п. всегда подразумевается такая высшая ценность, долженствующая определить смысл всех действий человека. Для придания этой ценности большей достоверности используются логические аргументы, а для большей привлекательности используются весьма эффективные духовные ловушки.

В христианстве одна из ловушек заключается в выборе между страхом смерти, включая боязнь вечных адских мук, надеждой на вечное блаженство и необходимостью затратить в реальной жизни небольшое количество усилий для достижения блаженства. По аргументации Паскаля, признать существование Бога предпочтительнее, чем быть атеистом. Ибо «если вы выигрываете, то выигрываете все, а если теряете, то не теряете ничего» [Паскаль, 2011, с.172]. Чтобы снять душевное напряжение, лучше и проще, поверив в Бога, совершить требуемые церковью религиозные ритуалы. В христианстве привлекателен и принцип любви как основа межчеловеческих взаимоотношений, а также ряд других известных принципов, запрещающих преступные действия.

В марксистском учении высшей целью объявлялось построение бесклассового общества, поэтому «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за построение и укрепление коммунизма [Ленин, Т.41, с.313]. В нем привлекательны принципы справедливости, стремление устранить эксплуатацию человека человеком и др.

В либеральных учениях прямо или косвенно высшей ценностью признается человек с его свободой воли, что служит соблазном для людей индивидуалистского типа.

В учениях для привлечения сторонников могут использоваться как светлые, так и темные (низменные) стороны человеческой души. В марксизме для возбуждения ненависти к «буржуям» опираются на зависть как свойство человеческой души, а для усиления привлекательности бесклассового общества обещается все более полное удовлетворение всевозрастающих потребностей без чрезмерного труда (от каждого по способностям, каждому по потребностям). В либеральных учениях содержатся прямо или косвенно принцип вседозволенности, отрицающий понятие греха или преступления в действиях «свободного» человека и т.д. Но в марксизме и в либерализме (в большей степени, чем в христианстве) есть элементы научного знания, которые использовались при пропаганде этих учений. В христианстве больше опираются на принцип веры (как и в любой религии).

Возможно, для лучшего понимания конкретных социологических построений было бы полезно выявлять в них элементы концепции, теории и учения (даже веры).

Классы идеальных моделей в естествознании и обществоведении. Помимо рассмотренных выше описаний в теоретическом познании можно указать еще два класса идеальных моделей.

Во-первых, идеальные модели, предназначенные для изучения *фундаментальных свойств* отдельных классов явлений – жидкостей, газов, тел (идеальный газ, идеальная жидкость, абсолютно твердое тело пр.).

Во-вторых, идеальные модели, предназначенные для изучения *закономерностей взаимодействия* в отдельных классах явлений (атомов, клеток, организмов и пр.), т.е. теории. Собственно говоря, любая классическая теория является подобной идеальной моделью. Опираясь на исходные представления и понятия (базис теории), с помощью правил оперирования с

этими представлениями и понятиями (из этого следует выводимость содержания теории дедуктивным путем), теория устанавливает некие закономерности внутри объекта теории с помощью средств теории. В конечном счете, теория позволяет прогнозировать изменения в объекте за счет изменения условий существования объекта. Классический пример – ньютоновская теория тяготения материальных тел.

Идеальные типы как средство познания в обществоведении. Построение идеальных моделей явлений и процессов возможно в естественных и общественных науках. Причем в обществоведении они были созданы даже раньше, чем в естествознании (идеальное государство Платона, чистые типы государства Аристотеля). Позже М. Вебер дал имя теоретическому средству, общему для методологии социологии и естествознания, введя понятие «идеальный тип», признав при этом, что это средство (идеальная модель) употреблялось в общественных науках задолго до него [Weber, 1949, p.43, 96–98].

Вебер, пытаясь внести в обществоведение необходимую степень научной строгости, полагал, что социологии для этого необходимо выработать понятия, позволяющие ориентироваться в многообразии исторического материала, не вгоняя вместе с тем этот материал в предвзятую схему. Фактически он стремился вновь (как ранее сделал Аристотель) ввести в обществоведение абстрактно простейшие модели для изучения социальных явлений, подобные тем, что используются в естествознании («идеальная жидкость» и т.д.).

Идеальная модель в естествознании и веберовский идеальный тип в обществоведении, различаются, по сути, лишь словесными оболочками. И та, и другой являются некими абстракциями («утопиями», если воспользоваться терминологией Вебера). Другое дело, что в социологии в ближайшее время едва ли удастся построить столь же простые и строгие модели, но создание даже неточных и несовершенных их образцов может быть полезно для познания общества.

Сравнительно совершенными идеальными типами, используемыми в качестве средств познания в обществоведении, можно считать упомянутые чистые типы государства Аристотеля (логически вполне корректные). Менее совершенными оказываются общественно-экономические формации, представленные в учении Маркса (логически построенные не вполне корректно).

Логическая корректность чистых типов государства Аристотеля обеспечена тем, что для их построения философ использовал два заданных изначально признака: количество носителей власти и благо тех, во имя кого власть осуществляется. Маркс же, строя свои формации, вынимал, как фокусник из кармана, нужные ему признаки, взятые из общественной практики: общественную и частную собственность, рабовладение, насильственный или экономический способы эксплуатации человека человеком, товарно-денежные отношения и т.д. Эти признаки, сами по себе реальные, отражающие действительность, не составляют логически взаимоувязанной совокупности. Тем не менее, марксистское учение способствовало познанию ряда общественных проблем и учету их в жизнедеятельности общества.

Как логическое средство идеальный тип соответствует обычному понятию в формальной логике. Оба они суть идеальные модели каких-то явлений. Разница между ними в том, что обычное понятие отражает серийные явления (например, вещи), а идеальный тип – уникальные или абстрактные, которые с трудом поддаются или вообще не поддаются количественному измерению (исторический период, капитализм, социальное действие, господство). Но в обоих случаях эти логические средства являются идеальными моделями каких-то явлений [Смирнов. 2012, с.158–159].

Главное достоинство моделей состоит в том, что, меняя их параметры, можно изучать возможное поведение отдельных явлений, не прибегая к экспериментам. Сравнение теоретически предсказанного поведения с реальным позволяет оценить пригодность конкретной модели для описания того или иного явления.

Второе важное достоинство моделирования в том, что оно устраняет проблему жесткого детерминизма, который якобы присущ естествознанию и не оправдывает себя в общественных науках.

В некоторых моделях (идеальных типах) естественных явлений жесткий детерминизм отсутствует. Функциональная зависимость возможного состояния явления от изменяющихся параметров определяется по усложненной формуле большой посылки условно-категорического силлогизма.

В простейшем виде большая посылка этого силлогизма выражается в формуле: «Если А, то В». В усложненном виде – формулой, если А и В, и С..., то Д. Таков, например, закон Авогадро, утверждающий, что в равных объёмах различных газов, взятых при одинаковых температурах и давлениях, содержится одно и то же число молекул. Очевидно, что одно и то же число молекул может оказаться в газах, различающихся по объему, температуре и давлению, по формуле, если А1, В1, С1..., то Д.

В обществоведении аналогичное утверждение, но учитывающее два параметра, высказано Лениным (в разных формулировках) относительно революционной ситуации, которая возникает, когда низы не хотят «жить как прежде», верхи не могут «хозяйничать и управлять, как прежде». Но возможен обратный случай, чреватый революционной ситуацией, когда «верхи не хотят, низы не могут» [Мацкив. Электронный ресурс]. Теоретически возможны еще два кризисных (если не революционных) состояния общества: «верхи и низы не хотят» и «верхи и низы не могут».

В обществоведении вообще (и в социологии, в частности) в настоящее время можно строить феноменологические модели (описания), используя ограниченный набор исходных представлений о важнейших характеристиках (параметрах) явления. Главная проблема состоит в том, чтобы выбрать эти представления из массы возможных, четко задать их, построить на их основе базовые понятия и использовать полученные теоретические средства для описания конкретного явления или процесса.

Принципы построения теоретических моделей в обществоведении. Два взаимосвязанных теоретических положения необходимо учитывать при построении теоретических моделей (описаний) социальных явлений в обществоведении.

1. Принцип сопряжения двух методов, образующих единый познавательный процесс: а) метод постепенного углубления в содержание интуитивно ясного представления и б) метод постепенного углубления в структуру явления.

2. Принцип использования единственного типа взаимодействия между людьми для выбора исходных представлений, отражающих ограниченный набор характеристик явления.

Принцип сопряжения метода постепенного углубления в содержание представления и метода постепенного углубления в структуру явления призван решить проблему, поставленную Б. Паскалем.

Великий мыслитель, рассуждая о положении человека в мире, отмечал, что человек расположен между двумя бесконечностями – бесконечно большим и бесконечно малым, он «ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием» [Паскаль, 2011, с.115]. Поэтому человек « бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной» [Паскаль, 2011, с.116].

Учитывая бесконечность малого, Паскаль с иронией относится к тем мыслителям, кто писал о «началах философии» или «началах вещей». По его мнению понятия, «которые кажутся последними, не держатся сами собой, а опираются на другие, у которых есть еще другие для опоры, и последних для них никогда не бывает. Но мы считаем последними те, что представляются нашему разуму; так мы поступаем с миром вещественным, где называем неделимой точку ту, за которой наши чувства не воспринимают ничего...» [Паскаль. 2011, с.115–116].

Если полностью принять точку зрения Паскаля, у нас нет опоры, чтобы начать теоретический процесс познания. Любое исходное понятие требует определения, которое содержит другие понятия, требующие, в свою очередь, определения и т.д. Однако процесс познания как-то надо начинать. Как выйти из замкнутого круга?

Выход невозможно найти, если придерживаться мнения, что понятия всегда определяются через понятия. Но он возможен, если признать, что понятия очень часто определяются через интуитивно ясные на данном уровне рассмотрения представления (чувственно наглядные или умопостигаемые).

Выражение «представления, интуитивно ясные на данном уровне рассмотрения» означает, что их содержание не анализируется, а рассматривается как нечто простое и ясное. Это не значит, что в дальнейшем содержание представления не может быть уточнено через другие представления, равным образом, считающиеся интуитивно ясными, а содержание последних, в свой черед, не может быть рассмотрено через новый набор интуитивно ясных представлений.

Метод постепенного углубления в содержание представления сопряжен с методом постепенного углубления в явление, издавна используемым в естествознании. Известно, атом сначала понимался как некая простая неделимая частица. Далее, однако, полученные экспериментальным путем данные заставили отказаться от идеи абсолютной неделимости и признать сложность строения атома. Поэтому была предложена планетарная модель атома, основанная на интуитивно ясных представлениях о ядре и электронах как простых частицах, составляющих атом. Затем подверглись рассмотрению структуры ядра, электронов и т.д. При всем понимании сложности внутреннего строения атома как явления, тем не менее, атом конкретного химического элемента оставался неделимым с точки зрения совокупности свойств, присущих этому элементу¹⁰.

Таким образом, метод постепенного проникновения в содержание представления означает теоретический переход от первоначальных интуитивно ясных представлений к их дальнейшему рассмотрению, анализу содержания вновь появившихся интуитивно ясных представлений и т.д., а тем самым означает углубление в некое явление. В результате сопряжения этих двух процессов появляется теоретическая модель явления.

Разница между теоретическими моделями в естествознании и обществоведении коренится в причинах, обуславливающих необходимость перехода к новому, более абстрактному уровню интуитивно ясных представлений. В естествознании она вызывается, по преимуществу, вновь полученными экспериментальными данными. А в обществоведении – кризисными процессами в обществе и его отдельных частях и, соответственно, недостаточностью объяснительной и прогностической мощи той или иной теории. В теоретическом обществоведении метод постепенного погружения в содержание интуитивно ясных представлений играет ведущую роль. Он будет последовательно применяться в дальнейшем при формировании важнейших понятий социологии, описании отдельных явлений и т.д.

Принцип использования единственного типа взаимодействия между людьми для выбора исходных представлений в обществоведении имеет целью ограничить число представлений, которые кладутся в основу теории. Этот принцип в неявном виде содержится в утверждении П.А. Сорокина о том, что на основе качественно различных типов взаимодействия между людьми возникают качественно различные человеческие объединения. При этом он различал интеллектуальное, волевое и чувственное взаимодействия [Сорокин. 1991, с.26–29]. Сорокин

¹⁰ Метод постепенного проникновения в содержание представления в чем-то аналогичен математическому процессу деления единицы на все меньшие и меньшие части. Единицу, к примеру, можно разделить на две или десять частей, затем разделить каждую полученную часть и т.д. Разница между простым делением и проникновением в содержание заключается в том, что получаемые вновь интуитивно ясные представления не обязательно равны между собой, а их количество не обязательно заранее известно. Некое целое может быть разделено на две равные трети, оставшаяся треть еще на три части, равные или не равные, и т.д. Причем может существовать некий остаток, не улавливаемый простым делением, но дополняющий целостность.

сформулировал это (недостаточное оцененное им самим и другими социологами-теоретиками) положение в позитивистский период своего творчества.

Положение о качественно различных типах взаимодействия влечет необходимость выделить в каждом взаимодействии наиболее существенные признаки, которые также могут отражаться в интуитивно ясных представлениях, характерных для более глубокого уровня явления (процесса). Кроме того, это положение открывает возможность сблизить теоретические описания природных явлений и процессов с теоретическими описаниями явлений и процессов в обществе. Ведь в естествознании (для простоты построения) в основу теории издавна клался какой-то один из возможных типов взаимодействия между объектами, без учета других [Смирнов. 2016. С.133–141].

Выше уже упоминалась ньютоновская теория всемирного тяготения, построенная на особом, гравитационном, типе взаимодействия между материальными точками, обладающими свойственными им признаками. Но ведь между реальными объектами природы существуют и другие типы взаимодействия, скажем, магнитное, механическое, тепловое. Позже физики, выделив электромагнитное взаимодействие между телами, отдельно изучали его, «забыв», что между реальными магнитами существует и гравитационное взаимодействие. Химики принялись за изучение взаимодействия между атомами и молекулами, биологи изучают взаимодействие между видами растений и животных в биоценозах, и т.д.

Ничто не мешает обществоведам выделять особые типы взаимодействия между людьми и строить на них относительно простые теории взаимодействия между людьми и возникающие на их основе качественно различные человеческие объединения. Задача заключается в том, чтобы выявить относительно простые типы взаимодействия, ввести (или выявить) в них признаки, запечатленные, опять-таки, в интуитивно ясных представлениях, а далее попытаться построить абстрактные объединения людей и подвергнуть их теоретическому рассмотрению. При этом следует иметь в виду, что любое конкретное взаимодействие между людьми теоретически является целостным, в нем синтезированы все типы взаимодействия. Но для удобства построения простых (и абстрактных) объединений людей можно, выделив ведущий тип взаимодействия, оставить вне поля зрения сопутствующие. Определяется ведущий тип взаимодействия по предмету обмена, характерному для него, о чем еще будет сказано ниже.

Принципы передачи научных описаний. Концепция, теория, учение в качестве описаний, вне зависимости от меры их научности, т.е. достоверности (истинности), непротиворечивости и доказательности, нуждаются (как сообщения) в том, чтобы их адекватно понимали адресаты. Поэтому научные сообщения должны удовлетворять ряду минимальных требований.

Первым из таких требований является следование уже упоминавшемуся принципу *минимального перечня исходных представлений (категорий)*, которые должны интуитивно ясными для всех членов научного сообщества. Это требуется для адекватного понимания ими предлагаемой теории.

Кроме того, необходимо соблюдать еще два требования:

1. однозначности слова в сообщении,
2. выполнения законов формальной логики.

Однозначность слова в сообщении (чаще всего предназначенное другому лицу, но может пониматься как *припоминание* в процессе мышления одного лица), является еще одним важнейшим требованием для адекватного понимания сообщения. В любом отдельном сообщении слово должно иметь только одно значение, т.е. отражать только один реальный или мыслимый объект. Об этом писал еще Аристотель, справедливо полагавший, что отсутствие однозначности слов ведет к непреодолимым логическим трудностям, делающим невозможным обмен мыслями между людьми и даже последовательное мышление отдельного человека. Хотя слово может иметь множество значений, но для каждого значения можно подобрать особое имя [Аристотель, 1976, с. 127]. Применительно к научным сообщениям мысль Аристотеля отра-

жает требование однозначности интуитивно ясных представлений или исходных понятий. Но до сих пор научные тексты пестрят выражениями, что такое-то понятие (или даже пуще того – термин) многозначно. А ведь логики давно пишут, что термин – слово или словосочетание, являющееся точным названием строго определенного понятия науки, техники и др. [Кондаков. 1971, с.518]

Выполнение законов формальной логики необходимо и в моделировании, и в передаче моделей. В этих процессах законы логики играют разные роли, для оценки которых требуется предварительно уточнить понимание традиционной (формальной) логики.

Эта логика, как утверждается, изучает общечеловеческие законы логики (тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания), без соблюдения которых невозможно никакое мышление... общечеловеческие формы мысли (суждение и понятие) и формы связи мыслей в рассуждения (умозаключения) [Кондаков. 1971, с.248–249]. В целом, с этой точкой зрения можно согласиться, хотя она представляется несколько односторонней. Ибо мышление человека, даже истинное мышление, не исчерпывается законами логики. Люди фантазируют, используют чувственно-образное познание и проявляют интуицию для постижения реальности, совершая научные открытия именно этим путем.

Вопрос о логике и ее законах возникает в двух случаях. Во-первых, это менее важная ситуация, когда человек самостоятельно пытается проверить и закрепить новое знание для себя, вступая в диалог с самим собой («тихо сам с собою я веду беседу»). Во-вторых, что важнее, когда ему нужно передать результаты своего познания другому человеку. Поэтому лучше понимать логику не как науку о мышлении вообще, но как науку о *коллективном мышлении*.

Логика призвана сделать знание одного человека доступным для другого, передав это знание как можно точнее. Важно не только построить в своей голове более или менее верную модель реальности (что достигается путем внутреннего диалога, в который могут быть мысленно включены суждения других людей, обсуждающих данную проблему), но и превратить эту модель в сообщение, доступное и, по возможности, однозначное для другого человека. Потому-то и нужно соблюдать законы формальной логики, в число которых входят:

Закон тождества, согласно которому каждая мысль, которая приводится в данном умозаключении, при повторении должна иметь одно и то же определенное устойчивое содержание. Он представляет собой расширение принципа однозначности слова в сообщении, поскольку необходимая логическая связь между мыслями устанавливается лишь при условии, что всякий раз, когда в рассуждении появляется мысль о каком-либо предмете, мы мыслим именно этот самый предмет и в том же самом содержании его признаков. В традиционной логике закон тождества записывается в виде формулы: $A \text{ есть } A$, хотя есть и другие его формулы.

Закон противоречия, гласящий, что не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время в одном и том же отношении. Символически этот закон записывается в виде: неверно, что A и не- A . Четко этот закон сформулирован Аристотелем, хотя уже у Платона есть близкие по смыслу высказывания.

Закон исключенного третьего, согласно которому из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно. Символически он изображается формулой: $A \text{ есть либо } B, \text{ либо не-}B$. Как всякая формула, она огрубляет существо закона, так как из нее не видно, что закон исключенного третьего запрещает противоречащие высказывания только в том случае, если речь идет о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении.

Закон достаточного основания утверждает, что всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана. Символически закон достаточного основания изображается формулой: Если есть B , то есть как его основание A . Открытие этого закона и его формулировка приписываются Лейбницу (правда, его предшественниками считаются Левкипп и Демокрит). Лейбниц утверждал: «Все существующее имеет достаточ-

ное основание для своего существования». Это означало, что ни одно явление не может быть истинным или действительным, ни одно утверждение не может истинным или справедливым без достаточного основания, почему дело обстоит так, а не иначе. Закон достаточного основания Лейбниц считал принципом всех опытных истин, в отличие от закона противоречия, который истолковывался им как принцип всех истин разума [Кондаков. 1971, с.520–523 и др., с.425–427, с.183–184, с.143].

Применительно к проблемам создания и передаче моделей можно высказать предположение (опираясь на Лейбница), что первые три закона в большей мере относятся к процессу передачи сообщения (передачи адекватной модели), а четвертый (закон достаточного основания) имеет целью достичь адекватности создаваемой модели описываемому явлению.

Итак, моделирование как метод познания в теоретическом обществоведении основан на исходном принципе человеческого поведения – психической способности человека моделировать явления и процессы в окружающем мире. С помощью речи человек создает различные описания (идеальные модели явлений и процессов), среди которых особое место в процессе познания занимают теории. Для их создания в обществоведении желательно опираться на ряд принципов: исходить из минимального перечня интуитивно ясных представлений, использовать единственный тип взаимодействия между людьми, сопрягать метод постепенного проникновения в содержание представления и метод постепенного углубления в структуру явления. Для передачи теории как сообщения в научном сообществе следует строго соблюдать законы формальной логики. В частности, это относится к формированию логически корректных и существенных по содержанию базовых понятий общественных наук. Для социологии таковыми, очевидно, являются понятия «общество» и «социальное».

1.3. Формирование логически корректных и существенных по содержанию понятий «общество» и «социальное»: проблема, методология, результат

Непосредственная цель раздела указана в его названии: это создание совокупности основных и взаимосвязанных понятий социологии. Для достижения ее потребуется рассмотреть проблему логической корректности понятий «общество» и «социальное», определить методологию построения таких понятий и предложить их конкретные образцы. В дальнейшем они будут использованы для теоретического описания важнейших социальных явлений и процессов.

Проблема логической корректности понятия «общество». Ее решение является необходимым исходным пунктом для всей теоретической социологии. Ранее эта проблема уже рассматривалась, и при этом указывались типичные логические ошибки, совершаемые при определении этого понятия в социологической литературе, а также предлагались корректные с точки зрения автора определения этих понятий [Бороньев, Смирнов. 2003, с.3–11]. Однако для удобства читателя она вкратце излагается ниже, тем более, что и в новых работах социологов повторяются те же логические ошибки.

Предварительно уточним, зачем в науке вообще и в социологии, в частности, нужны понятия. Ведь в обычной речи мы пользуемся словами, опираясь на представления, т.е. чувственно-наглядные образы явлений, и нам их вполне хватает, чтобы понимать друг друга. Детей учат языку, указывая на какой-то предмет или процесс («это окно», «машина идет», «вода течет» и пр.). Произнося слово «общество», мы также опираемся на цепочки образов в нашем сознании: стоят дома, в которых живут и между которыми снуют люди, дымят заводы и фабрики, где они что-то делают, шумят машины и трамваи, движущиеся туда-сюда, людские толпы собираются на стадионах, в концертных залах и т.д. У разных людей эти цепочки образов чем-то отличаются, в чем-то совпадают, но для взаимопонимания их достаточно. Более

того, в общении между собой даже профессионалы-социологи опираются на представления об обществе и процессах в нем.

Тем не менее, понятия (теоретические модели явлений и процессов, отражающие их существенные свойства) нужны в науке, поскольку их наличие дает человеку новые возможности в познании мира вообще, и, в частности, более точного прогнозирования хода событий. Люди в определенной мере способны прогнозировать события и на основе представлений (человек, прыгнув с десятого этажа, почти всегда погибнет). Но опираясь на существенные свойства явлений, отраженные в понятиях, можно делать прогнозы более точным, а на этой основе просчитывать возможные состояния вещей или процессов и контролировать последствия, учитывая влияние определенных факторов.

При этом у людей появляется возможность, выбирать варианты действий, искать средства воздействия на явления, прибегать к защитным мерам и пр. Возможности человека прогнозировать и контролировать события увеличиваются, если на основе простейших моделей, отраженных в понятиях, строятся более сложные модели, *теории*. Правда, для построения теорий, помимо понятий, крайне необходимы правила или законы взаимодействия между явлениями, также отраженными в представлениях или в понятиях.

В социологии проблема с фундаментальными понятиями не решена, хотя отчасти осознана. Так, отмечалось, что «со словом «общество» не связаны никакие однозначные представления», а «то, что обычно называют «социальным», вовсе не обозначает какой-то один объект» [Луман. 1999, с.196]. Иначе говоря, профессионалам в точности не известно ни что такое общество, ни что такое социальное. Кроме того, и пути решения этой проблемы не вполне ясны, поскольку утверждалось, что «ученые с трудом определяют сущность» понятия «общество» [Смелзер. 1994, с.84]. Выходит, что социологи даже не знают, как определить понятие «общество» (если бы они знали, как это сделать, затруднений не возникло бы).

Трудности с определением понятия «общество» закономерны. Дать «полное и всестороннее понятие» общества, как это иногда пытаются сделать, невозможно, как невозможно дать понятие Вселенной. Но можно на базе логически корректных понятий «общество» построить разноуровневые теоретические модели общества, в которых отражались бы его существенные свойства и процессы, наиболее интересные для исследования и практических нужд.

В целом, проблема формирования логически корректного понятия «общество» раздваивается на две проблемы: 1) проблему нахождения и соблюдения четкой методологии формирования логически корректных понятий и 2) проблему нахождения теоретической основы для их построения, включающей исходные представления и понятия.

Общая методология формирования логически корректных понятий. Определяя понятие «общество» следует: 1) четко выбрать путь определения этого понятия, 2) воспользоваться давно известными правилами формальной логики и 3) избежать типичных логических ошибок.

В науке возможны два пути определения фундаментального понятия (понятий).

Во-первых, можно попытаться перейти к такому понятию, используя интуитивно ясные (на данном уровне рассмотрения) первичные представления. На их основе можно сформировать понятие о роде, ближайшем роде и видовом отличии как признаках конкретного явления.

Во-вторых, можно заимствовать в качестве родового понятия уже готовое понятие, принятое в более широкой теоретической конструкции. Для построения же понятия ближайшего рода в этом случае можно воспользоваться как интуитивно ясным представлением, так и дополнительным общенаучным понятием. Аналогично можно найти и видовое отличие (с помощью интуитивно ясных представлений или уже принятых понятий частного характера). В целом, оба пути обозначаются привычным выражением *определение понятия через ближайший род и видовое отличие* (*per genus proximum et differentiam specificam*). Ясно при этом, что при определении понятий не следует допускать логических ошибок.

Идя первым путем, нужно, прежде всего, решить проблему выбора интуитивно ясных представлений, причем большинство социологов не задумывались о необходимости их выявления, хотя для построения теории выбор первоначальных интуитивно ясных представлений является первейшей задачей (см. **раздел 1.1.**).

Идя вторым путем, нужно выбрать родовое понятие, заимствовав его из более широкого теоретического контекста (помня, что само заимствованное понятие образовано на основе неких интуитивно ясных представлений). В современной социологии в качестве такового по отношению к понятию «общество» может выступить понятие «система». Его используют как отечественные, так и зарубежные авторы, но не вполне корректно, ибо употребляют его в качестве понятия ближайшего рода, в чем позже будет можно убедиться при разборе конкретных определений понятия «общество» на основе понятия «система».

Ниже будут рассмотрены и использованы оба пути определения понятия «общество», но прежде укажем (без детального разбора, сделанного в другом месте [Смирнов. 2012, с.22–26]), несколько работ, в которых нарушены элементарные требования формальной логики при определении понятия «общество».

В частности, при его определении ряд авторов [Смелзер. 1994, с.86; Штомпка. 2005, с.28; Социология. 2005, с. 181] и др. забывают правило, согласно которому любое понятие следует определять через *ближайший* род и *видовое* отличие. В результате, не уточнив понятие ближайшего рода и даже родовое понятие, можно прийти к весьма странным выводам. Например, что обществом является «все население Земли [Штомпка. 2005, с.25].

Нередко в определениях понятия «общество» допускается скрытая тавтология, которая особенно недопустима в учебниках или пособиях по социологии. Так, утверждают, что общество есть совокупность социальных явлений и процессов [Социология. 2005, с.181], что оно есть система социальных отношений [Головин. 2016, с.17], или что во всех обществах их члены подчиняются четкой системе социальных отношений [Гидденс. 2005, с.33] и т.п. Тавтология маскируется тем, что слово «общественное» заменяют словом «социальное».

Интуитивно ясные представления как основа определения понятия «общество».
Краткий перечень. Логически корректно описать родовое понятие и выявить ближайший род к понятию «общество» можно, опираясь на представления, обозначаемые словами: «человек», «взаимодействие», «множество» и «скоррелированность» («соотнесенность»). На данном уровне рассмотрения они считаются интуитивно ясными. Истинность и полнота предлагаемого перечня – вопрос дискуссии, но в данной монографии он принят как исходный.

Родовым понятием к понятию «общество», в этом случае, окажется «множество взаимодействующих людей». Понятием ближайшего рода к упомянутому понятию будет «множество людей, находящихся в скоррелированных взаимодействиях», ибо именно корреляция взаимодействий превращает множество в некое единство. Для краткости понятие ближайшего рода к понятию «общество» можно обозначить выражением «объединение людей».

Подобная трактовка близка к определению общества, данному в словаре В.И. Даля [Даль. 2003, с.428], а также Ортегойи-Гассетом [Ортега-и-Гассет. 2003, с. 465]. Подчеркнем, реально эти авторы не дают определение понятия «общество», они всего лишь формулируют понятие о ближайшем к нему роде. Чтобы определить понятие «общество» нужно еще найти видовое отличие (существует множество объединений людей, находящихся в скоррелированных взаимодействиях, но о видовом отличии будет сказано ниже, когда речь пойдет о значениях слова «социальное»).

Понятие «система» как основа определения понятия «общество». Это понятие можно использовать в качестве родового понятия к понятию «общество». Однако его неправильно используют в качестве понятия ближайшего рода, например, утверждая, что «под обществом понимается система взаимоотношений» [Гидденс. 2005, с.33]. Подобных примеров употребления понятия «система» можно привести множество.

Суть логической некорректности заключается в том, что понятие «система» в этом определении используется в качестве понятия ближайшего рода к понятию «общество», хотя оно является понятием родовым¹¹. Системы бывают разных классов или видов (например, открытые и закрытые). Определяя понятие «общество», предварительно следует выяснить, система какого класса или вида является ближайшим родом к понятию «общество». Иначе говоря, необходимо выявить возможные виды систем и определить систему, которая может выступить в качестве ближайшего рода к понятию «общество».

Два возможных вида систем выявляются при учете свойств «самодостаточность» и «несамодостаточность», характерных для явлений, описываемых категориями «субъект» и «объект». Общество, в рамках предлагаемой концепции, явление несамодостаточное, и его следует отнести к классу систем субъектного типа (или открытых систем). Но в теоретической социологии есть позиция, согласно которой «общество является самоописываемым объектом», а достаточно строгое построение социальной теории требует применения понятий «система» и «коммуникация». В целом же, логически наиболее корректно определять общество как «оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [Луман. 1994, с. 28, с.31–32 и др.]. Толкование общества как оперативно закрытой системы логически корректно задает ближайший род к понятию «общество». Если же «понятие коммуникации становится решающим фактором для определения понятия «общество» [Луман. 1994, с.31], то оно является видовым отличием. В результате мы получаем логически корректное понятие «общество» на основе категории «объект»¹². Чтобы получить логически корректное определение понятие «общество», используя понятие «система субъектного типа», нужно выяснить возможные видовые отличия, характерные для таких систем и пригодные для описания общества.

Конкретизации методологии определения понятия «общество». Поиск видовых отличий. Эти отличия для отдельных объединений людей можно сформировать, как заимствуя готовые понятия (например, понятие «коммуникация»), так и на основе интуитивно ясных представлений. Вторую возможность найти совокупность видовых отличий открывает уже упомянутое положение П.А. Сорокина о том, что на основе качественно различных типов взаимодействия возникают качественно различные объединения людей. Сорокин, выделяя интеллектуальное, волевое и чувственное взаимодействия, считал их интуитивно ясными.

Но принятие этой позиции Сорокина влечет два взаимосвязанных вопроса:

1. На основе какого конкретного, качественно своеобразного, взаимодействия между людьми возникает объединение, называемое «общество»?
2. Все ли типы взаимодействия между людьми названы Сорокиным?

Ответ на первый вопрос находится после решения двух задач.

1. Допустим, имеются две группы понятий. В первую группу входят: «гражданин», «личность», «человек», «индивид», «верующий». Во вторую – «общество», «государство», «человечество», «род» (или «вид»), «церковь». Требуется соединить попарно категории из обеих групп так, чтобы понятия из первой группы, «единицы», оказались бы в связке с понятиями второй группы, образующими объединения. Обычно респонденты, опираясь на интуицию, образуют следующие пары: индивид – вид, гражданин – государство, верующий – церковь, личность – общество, человек – человечество.

¹¹ Неточно сказать, что Земля есть планета, а Москва – столица. Земля – планета солнечной системы, а Москва – столица России.

¹² Возникает, правда, проблема, насколько оно удачно для понимания и решения основных проблем общества. Но она будет рассмотрена позже после выявления других возможных видовых отличий, нужных для того, чтобы понятие «общество» было включено в группу близких понятий, с которыми оно соотносится как вид к другим видам, составляя общий ближайший род «объединение людей».

2. Необходимо пояснить, почему возникли именно эти пары? Почему понятие «гражданин» связано с понятием «государство», а понятие «индивид» – с понятием «вид»? Напрашивающийся ответ: «Потому, что эти единицы составляют соответствующие множества», – не годится. Как раз необходимо объяснить, почему именно данные единицы составляют именно эти множества. Интуиция сработала правильно, но на чем она основывалась?

Для выяснения основ интуиции можно прибегнуть к методу ближайших ассоциаций, т.е. попытаться построить ассоциативный ряд (подобрать близкие по смыслу понятия) к уже образованным парам. Тогда понятийный ряд «гражданин – государство» естественно продолжить понятиями «право», «закон». Понятийный ряд «индивид – вид» понятиями «природа», «биология» и т.п.

Ассоциативные ряды указывают на наличие особого типа взаимодействия между людьми, который в данном объединении людей оказывается ведущим. Между индивидами существует *природное* (генетическое) взаимодействие, на основе чего возникает биологический вид. Гражданин между собой и государством взаимодействуют на основе *правового* взаимодействия. Связь между верующими и церковью возникает на основе взаимодействия, которое можно назвать *духовно-мистическим*. Целесообразно принять для простоты, что между людьми и человечеством существуют разнообразные типы взаимодействия (с учетом сложности человеческой природы).

В целом, можно сделать принципиальный вывод, что между названными «единицами» и соответствующими множествами людей существуют качественно различные типы взаимодействия, на основе которых возникают качественно различные человеческие объединения. Если четко определить эти типы взаимодействия, то они явятся видовыми отличиями к особым объединениям людей.

Заметим, выявленные выше типы взаимодействия отличаются от тех, что предложил Сорокин, а, кроме того, возникла пара «общество – личность», тип взаимодействия между которым не указан. Какое же взаимодействие связывает личности и общество? Попытка прибегнуть к помощи ассоциаций в этом случае может оказаться не слишком успешной. Продолжение понятий «личность – общество» понятиями «общественное», «социальное» или «лично» не указывает на специфику этого взаимодействия. Нелепо же утверждать, что между гражданами и государством существует «государственное» или «гражданское» взаимодействие. Более осмысленно указать качественное своеобразие взаимодействия между ними, назвав его «правовым» [Бороноев и др. 1996, с.82–83].

Значение слова «социальное», пригодное для теоретических построений. Для выявления типа взаимодействия, который связывает людей в общество, необходимо выяснить значения слова «социальное», которые а) будут годны для теоретических построений и б) обозначать искомый тип взаимодействия.

В обыденной речи значение слова «социальное» чаще всего равносильно значению русского слова «общественное» и является неким неопределенным указанием на общество в целом или не вполне ясной характеристикой его отдельных структур. Говорят о социальной сфере как о чем-то отличном от производства и государства, включая в нее культуру, быт, организованное проведение досуга и отдыха. Называют социальными крупные группы (классы), выполняющие особые функции в общественном разделении труда, а также взаимодействие между ними и пр. Означает оно и нечто «бесплатно-благотворительное», когда речь идет о социальной работе, социальном пакете, социальном обеспечении, социальных льготах и т.п.

В научной литературе выделяют широкий и узкий смыслы слова социальное, но нередко толкования этих смыслов оказываются неудачными.

Во-первых, смысл слова «социальное» неясен, когда им обозначают «связи, взаимозависимость» между «экономическими, политическими, правовыми, религиозными и подобными им явлениями» [Социология. 2005, с.11]. В данном толковании не раскрыт механизм, с помо-

щью которого осуществляются упомянутые связи и взаимозависимость, а без раскрытия механизма верный сам по себе принцип взаимозависимости социальных явлений оказывается бес-содержательным.

Во-вторых, иногда его толкование оказывается тавтологичным. Так, в свое время утверждалось, что в «узком» смысле это понятие означает наличие *социальных* связей между людьми, возникающих при взаимодействии индивидов и групп, преследующих *социальные цели* [Рабочая книга... . 1983, с.8]. Социальная связь поясняется через социальную цель, но что такое *социальная цель* остается глубокой тайной.

В-третьих, случается, что толкование слова «социальное» (в узком смысле) грешит произволом. Например, социальным признается только стремление к солидарности, стремление принадлежать к общности [Социология. 2005, с.11]. Исходя из подобной трактовки, нельзя понять, почему стремление к богатству и власти, вызывающее конкуренцию людей между собой, нельзя назвать социальным. Неужели конкуренция между людьми не является социальным явлением?

Широкий смысл слова «социальное», пригодный для теоретических построений при описании взаимодействия людей, выявляется при рассмотрении выражений «социальное действие» Вебера и «социальный факт» Дюркгейма.

По Веберу, действие становится социальным в том случае, если его субъективный смысл соотносится с действием других людей и ориентируется на него [Вебер. 1996, с.497]. Тем самым, почти любое взаимодействие между людьми оказывается социальным.

Дюркгейм обозначал выражением «социальный факт» разные явления реальности: духовное течение в обществе, характер и форму жилищ и путей сообщений, некий надындивидуальный образец поведения или деятельности, называя последний физиологическим социальным фактом [Дюркгейм. 1995, с.30 и др.]. Учитывая признаки, которым он наделяет физиологический социальный факт (принудительность, устойчивость, коллективность), ныне его можно обозначить выражением «социальная норма».

Рассмотрение смыслов, которые придают слову «социальное» Дюркгейм и Вебер, приводит к крайне важному в теоретическом отношении выводу. Выражения «социальное действие» и «физиологический социальный факт» соотносятся со словом «скоррелированное», которое было признано интуитивно ясным при формировании ближайшего рода к понятию «общество». Ведь как «ориентация на субъективный смысл действия другого человека», так и следование «надындивидуальному образцу поведения» оказываются двумя разными механизмами корреляции (соотнесения) человеческих взаимодействий.

Люди соотносят свои действия как ориентируясь на смысл действий друг друга, так и подчиняясь ранее установленным нормам. Разница в том, что ориентация на субъективный смысл позволяет коррелировать взаимодействия между ограниченным числом участников. Корреляция на основе норм позволяет множествам людей коррелировать свои взаимодействия. В обоих случаях возникают некие объединения людей, участвующих в совместном действии. При этом совсем не обязательно участники взаимодействия должны быть солидарными. Они могут быть соперниками и стремиться победить или даже уничтожить друг друга, как боксеры на ринге или СССР и США в период холодной войны.

Таким образом, широкий смысл слова «социальное», пригодный для теоретических построений, может означать «скоррелированное», раскрывая механизм возникновения человеческих объединений. «Социальное взаимодействие» есть любое «скоррелированное взаимодействие» между людьми.

Но легко заметить, что признак «скоррелированность» присущ качественно различным объединениям: исследовательской группе, паре влюбленных, трудовому коллективу, бандитской шайке, государству, обществу в целом и пр. Поэтому вновь возникает проблема узкого значения слова «социальное», в котором отразилось бы видовое отличие (тип взаимодей-

ствия), пригодное для формирования логически корректного понятия «общество». Какой же тип взаимодействия удобнее всего обозначить словом «социальное» в узком значении последнего?

Предварительно эту задачу можно решить, воспользовавшись простейшей аналогией.

Человеческое общество нередко уподобляют объединению общественных насекомых – муравейнику или улью. Подобная аналогия совсем не случайна. Действительно, эти объединения очень похожи на общество, во всяком случае, больше, нежели некие объединения животных: стая, стадо, табун т.п. При этом важнейшим признаком сходства оказывается «разделение труда», на которое указывает наличие особых функциональных групп в объединении насекомых. Эти группы (муравьи рабочие, солдаты, пчелы уборщицы и т.д.) напоминают социально-профессиональные группы в обществе – классы, сословия и пр. Разделение труда основано на обмене результатами деятельности (продуктами или услугами) между представителями функционально различных групп и в объединении общественных насекомых, и в обществе. Можно назвать этот обмен результатами деятельности *деятельностным взаимодействием*. Предположительно (но это потребует дополнительно обосновать), *деятельностное взаимодействие* связывает отдельные личности в общество и является видовым отличием, позволяющим построить логически корректное определение понятия «общество».

Формирование логически корректных понятий «общество». Предварительный результат. На основе интуитивно ясных представлений и заимствованных понятий можно сформировать логически корректные понятия «общество» (Табл. 1).

В первой колонке таблицы отражены ступени логически корректного определения понятия «общество». Сначала формируется родовое понятие, затем понятие ближайшего рода, а далее дается определение понятие с учетом видового отличия.

Таблица 1.

Ступени определения логически корректного понятия «общество»

Ступени	Подходы		
	На основе интуитивно ясных представлений	На основе заимствованного понятия	
Родовое понятие	Множество взаимодействующих людей	Система (по Луману)	Система (по Бороноеву и др.)
Понятие ближайшего рода	Множество людей, находящихся в скоррелированных взаимодействиях (объединение людей)	Оперативно закрытая система (объектного типа)	Система субъектного типа (оперативно открытая система)
Определение с учетом видового отличия	Объединение людей, основанное на их скоррелированном деятельностном взаимодействии	Оперативно закрытая система, производящая коммуникации из коммуникаций	Система субъектного типа, основанная на деятельностном взаимодействии ее элементов

Во второй колонке дается решение проблемы определения понятия «общество», опираясь на интуитивно ясные представления, в число которых включаются: человек, множество, взаимодействие, скоррелированность (соотнесенность), деятельностное взаимодействие (обмен результатами деятельности – продуктами и услугами).

В третьей и четвертой колонках в качестве родового понятия используется общенаучное понятие «система». Ближайшим родом оказываются соответственно системы объектного или субъектного типов. Предположительно, видовыми отличиями, позволяющими определить место общества в узком смысле слова среди других видов – объединений людей или систем – оказываются: а) коммуникационное взаимодействие, связанное с передачей информации для систем объектного типа, и б) деятельностное взаимодействие для объединений людей и систем субъектного типа.

Все три определения представляются логически корректными, но сама по себе логическая корректность не гарантирует отражение существенных онтологических свойств явления. Поэтому, чтобы отразить эти свойства, необходимо решить ряд дополнительных задач.

Во-первых, нужно выбрать в качестве ближайшего рода по отношению к обществу систему объектного или субъектного типа (когда родовым понятием является понятие «система»). Теоретически можно рассматривать общество как самоописывающийся объект. Но, вероятно, более целесообразно рассматривать его как самосохраняющийся субъект [Смирнов. 2007, с.19].

Во-вторых, необходимо выбрать тип взаимодействия (или, как уже раньше говорилось, вид общения) между людьми в качестве существенного признака и видового отличия, причем указанием на существенность данного типа взаимодействия была бы его способность прояснить важнейшие проблемы человечества и способствовать их решению. В приведенном выше примере это означало бы выбор между деятельностным и коммуникационным взаимодействием.

В-третьих, целесообразно выявить и другие объединения людей, возникающие на особых типах взаимодействия, причем эти типы взаимодействия явились бы видовыми отличиями для конкретных объединений. Решение этих задач дается ниже.

Понятие «общество»: ближайший род и видовое отличие как существенные признаки его содержания. Первая задача относительно понятия *ближайшего рода* к понятию «общество», когда в формировании логически корректного понятия «общество» применяется понятие «система», решена в общем виде при рассмотрении позитивистской трактовки процесса познания, где субъектами именуются несамодостаточные, а объектами – самодостаточные явления. Ясно, что общество – несамодостаточное явление.

Противоположная позиция (в частности, концепции Лумана, в которой общество понимается как «самоописывающийся объект»), очевидно, основана на неявной и ошибочной посылке, что различие между субъектом и объектом существуют лишь в теории познания. В реальном же мире оба они суть независимые и равноправные явления, и субъект лишь по каким-то случайным причинам исследует, описывает объект и воздействует на него, а объект, опять-таки, по непонятным причинам терпит любопытство и воздействие субъекта. Следуя этой посылке, любой объект в возможности познания ничем не отличается от субъекта, по крайней мере, он способен заняться исследованием самого себя. Но поскольку субъект и объект отличаются способами пребывания в мире, вывод ясен: понятие ближайшего рода по отношению к понятию «общество» – понятие «система субъектного типа». Существование общества невозможно без потребления окружающей среды.

Вторая задача – поиск видового отличия к понятию «общество» – является общей при рассмотрении всех трех логически корректных понятий «общество» и решается выбором типа взаимодействия между людьми, на основе которого возникает общество.

В истории обществоведения удалось выявить четыре типа взаимодействия между людьми, которые разными авторами клались в основу общества: *деятельностное, рече-коммуникационное, чувственное и правовое*. Уточним сразу же. Указание того или иного автора на некий тип взаимодействия (вид общения) как основу общества нельзя рассматривать в качестве теоретической установки, ясно осознанной им самим. Как правило, это мимоходом брошенное замечание, что не имеет значения для выявления возможных типов взаимодействия. Важно, что указаны качественно различные и конкретные типы взаимодействия, лежащие в основе общества, каждый из которых можно считать видовым отличием и наиболее существенным признаком в содержании понятия «общество». Подробное рассмотрение соответствующих высказываний делалось ранее [Смирнов. 2010. № 2. С.64–81; Смирнов. 2012, с. 39–53 и др.].

Деятельностное взаимодействие (обмен результатами деятельности – продуктами и услугами). Это взаимодействие было выявлено и использовано выше при формировании логически корректных определениях понятия «общество». Но его клали в основу общества и другие представители обществоведческой мысли, рассуждая о возникновении общества.

В частности, деятельностное взаимодействие клал в основу общества Платон, связывая его с несамодостаточностью человека в удовлетворении своих потребностей [Платон. 1971. Т.3. Ч.1, с.145]. Этой же точки зрения неявно придерживаются те, кто кладет в основу существования общества разделение труда (Дюркгейм, Маркс и др.). Ясно при этом, первичным следует считать деятельностное взаимодействие, на основе которого возникает разделение труда, а не наоборот.

Рече-коммуникационное взаимодействие (обмен значениями, смыслами с помощью естественных и искусственных языков). Его кладут в основу общества Аристотель и немецкий социолог-теоретик Н. Луман. Аналогичной позиции неявно придерживаются представители символического интеракционизма и те авторы, кто пишет о «виртуальном или информационном обществе»¹³, «интеллектуальной или интеллектуальноинновационной революции» и т.п. [Иванов. 2000, с.10 и др.; Яковлев, 2000, с.33 и др.; Суббето. 2008, с.277 и др.].

Суть этого типа взаимодействия как основы общества, в целом, раскрыта Аристотелем и Н. Луманом.

Аристотель, вообще говоря, знает о разделении труда (обмене результатами деятельности с помощью денег) как основе общества [Аристотель. 1983, с.155–157]. Но он также считает, что «человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные», поскольку «один только человек из всех живых существ одарен речью. ... А «речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, ... что справедливо и что несправедливо». Поэтому «человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [Аристотель.1983, с.379].

Три наиболее важных вывода следуют из позиции Аристотеля:

1) он, полагая, что речевое взаимодействие превращает человека в существо более общественное по сравнению с другими живыми существами, отчетливо намекает, что оно может лежать в основе общества;

2) кроме того, он указывает, что благодаря речи в основе общества лежат отраженные в абстрактных понятиях такие явления, как добро, зло, справедливость, несправедливость и т.д. Эти явления мы бы назвали сейчас ценностями;

¹³ Выражение «информационное общество» вошло в широкий научный оборот в шестидесятые годы прошлого столетия в связи с успехами кибернетики, развитием вычислительной техники, СМИ и т.д. Выдвигались разные теории относительно существенных свойств этого общества, трактовки его как нового этапа эволюции общества и пр.

3) позиция Аристотеля открывает принципиальные возможности: 1) построения теоретических моделей общества на основе представлений о коммуникации (речи), в которой передаются знание, смыслы и т.п., 2) построения моделей общества, в которых в основу кладутся не потребности, а ценности.

Сторонники коммуникационных концепций общества, одним из виднейших представителей которых является Н. Луман, опираются на первую из возможностей, намеченных Аристотелем.

Напомним, по мнению Лумана, для построения социальной теории требуются понятия «система» и «коммуникация», а логически корректно можно определять общество как «оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [Луман. 1994, с.31–32]. Конкретные люди оказываются не частью общества, а частью окружающей среды [Луман.1994, с.31–33].

В целом, «общество состоит исключительно из коммуникаций» [Луман. 2007, с.247].

Строя теорию общества на основе понятий «система» и «коммуникация», Луман надеется избавиться от ряда трудностей в процессе познания, в частности, от необходимости включать в рассмотрение человека, излишне разнокачественное образование, с его «руками, ногами, мыслями и энзимами» [Луман. 1994, с.27–28].

Понятно желание Лумана упростить описание общества, исключив из него столь сложное явление, как человек. Но принятое им решение излишне радикально, поскольку, чтобы включить человека в описание общества, можно рассмотреть его в отвлеченном виде как некоего *деятеля* или *личности*. При этом признаки, с помощью которых человек описывается как деятель, вполне могут оказаться совместимыми с признаками, которыми описывается общество, и в перечень этих признаков нет нужды включать руки, ноги, энзимы и пр.

Сомнительна также попытка построить достаточно адекватную модель общества на понятия «коммуникация», хотя в чистой теории возможно толкование общества как «оперативно закрытой ... системы» [Луман. 1994, с.30]. Вероятно, подобную модель можно использовать для изучения отдельных процессов в обществе (информационных или денежных потоков), но едва ли она будет адекватна основным проблемам, стоящим перед современным обществом, например, экологической.

По-видимому, главный недостаток концепции Лумана состоит в том, что он пытается смотреть на коммуникацию как на чисто информационное событие или процесс, не нуждающиеся в притоке энергии из внешней среды. Подобная установка лишь затушевывает необходимость включения человека в описание общества, и просто создает иллюзию, что удалось отделить систему от среды. Логичнее рассматривать коммуникацию как энергоинформационное (и даже, отчасти, вещественное) событие или процесс. В коммуникации информационный аспект вышел на первый план, и поэтому лишь в чистой теории можно строить систему коммуникаций как оперативно закрытую.

Признание коммуникации энергоинформационным событием делает создание оперативно закрытой системы принципиально невозможной, ибо черпать энергию для любых внутренних операций система может только из внешней среды. Могут существовать лишь временно закрытые оперативные коммуникационные системы, действующие за счет резерва энергии, усвоенной ранее.

Чувственное взаимодействие (обмен чувствами, их передача друг другу). В истории обществоведческой мысли встречаются утверждения, что в основе общества лежит чувство доверия [Августин. 1969, с. 597; Фрезер. 1989, с.208; Хейзинга. 1992, с.318], любовь [Соловьев. 1991, с.73], а также почитание героев [Карлейль. 1994, с.14–15].

Правовое взаимодействие (обмен решениями), как основа общества представлено в известных концепциях Гоббса, Локка, Руссо об общественном договоре как исходном пункте образования общества или государства [например, Локк. 1988, с. 317].

Имеются частные критические замечания относительно отдельных типов взаимодействия как основы общества [Смирнов. 2012, с. 39–53 и др.]. Но есть и общий аргумент в пользу того, что именно деятельностное взаимодействие следует считать основой общества.

Большинство людей, вероятно, согласится с тем, что экологическая проблема является ключевой для дальнейшего существования общества. Можно, конечно, попытаться объяснить ее неразвитостью или гипертрофией природного, чувственного, рече-коммуникационного или правового взаимодействия. Но очевидна нелепость подобных объяснений, с одной стороны, а с другой, очевидно, что эта проблема есть результат человеческой деятельности. Поэтому деятельностное взаимодействие следует считать наиболее существенным признаком, который должен быть отражен в содержании понятия «общество».

Соответственно, будем считать, что *скоррелированное деятельностное* взаимодействие есть *социальное* взаимодействие в узком смысле слова. Иначе говоря, оно является *видовым отличием для общества как объединения людей*. Поэтому *постижение деятельности* оказывается одной из *ключевых задач теоретической социологии*.

Рассмотрение типов взаимодействия, которые в истории обществоведческой мысли клались в основу общества, позволяет решить третью задачу: построить другие объединения людей, среди которых общество (объединение, основанное на деятельностном взаимодействии) окажется одним из видов. Ясно, это будут абстрактно построенные объединения, которые явятся теоретическими моделями некоторых конкретных и реальных объединений людей. В целом, представления о типах взаимодействия и объединениях людей отражены в **таблице 2**.

В таблице указан тип взаимодействия, являющийся видовым отличием данного объединения людей. Его специфику определяет предмет обмена.

Любое реальное объединение возникает на основе комплекса взаимодействий, но для простоты теории объединение любого уровня сложности можно рассматривать через призму определенного типа взаимодействия, изучая расовый состав, языковые особенности, принципы экономического или государственного устройства.

Таблица 2

Типы взаимодействия и объединения людей, возникающие на их основе

Ведущее взаимодействие	Объединение	Предмет взаимодействия (обмена)
<i>Природное</i>	Популяция	Гены
<i>Чувственное</i>	Общность	Чувства
<i>Рече-коммуникационное</i>	Сообщество	Значения и смыслы ¹
<i>Деятельностное</i>	Общество (в узком смысле слова)	Результаты деятельности (продукты и услуги)
<i>Правовое</i>	Государство	Решения
Совокупность всех типов взаимодействия, основное — деятельностное	Социум (общество в широком смысле слова)	Все предметы обмена, но основные — продукты и услуги

Примерами объединений людей, возникших на основе природного взаимодействия, являются популяции и расы. В качестве реальных общностей могут рассматриваться первобытная орда или толпа, охваченная общими чувствами. Наиболее близко под понятие сообщества подходит племя или народ (в древнерусском языке слово «язык» обозначает как собственно язык, так и народ). Применительно к обществу или государству в качестве примеров могут быть взяты любые конкретные общества или государства.

В рассматриваемой таблице даны два основных значения слова «общество» (в широком и узком смыслах), которые можно использовать в научном языке. Так, слово «общество», понимаемое в широком смысле (*Социум*), пригодно для обозначения общества как объекта всех общественных наук. Предметом же социологии целесообразно считать *общество в узком смысле*, т.е. объединение людей, в котором деятельностное взаимодействие (общение) считается основой.

Кроме того, слово «общество» может отражать самый широкий смысл, который свойственен обыденному языку (в таблице не отражен). В этом смысле обществом считается любое множество людей, взаимодействующих между собой, когда тип взаимодействия не принимается во внимание.

Итак, типом взаимодействия (видом общения), который должен быть отражен как видовое отличие и важнейший признак в содержании понятия «общество», является деятельностное взаимодействие. На этой основе (с учетом двух путей корректного определения понятий) можно сформулировать четыре логически корректных понятия, в которых отражен этот существенный признак: два узких и два широких.

Первое узкое понятие. Общество – *объединение людей, возникшее на основе скоррелированного деятельностного взаимодействия.*

Второе узкое понятие. Общество – *система субъектного типа, возникшая на основе деятельностного взаимодействия людей (вообще, социальных субъектов).*

Первое широкое понятие. Общество – *объединение людей, возникшее на основе всех скоррелированных типов взаимодействия, ведущим из которых является деятельностное.*

Второе широкое понятие. Общество – *система субъектного типа, возникшая на основе всех типов взаимодействия людей (а также социальных групп и социальных институтов), ведущим из которых является деятельностное.*

Полученные понятия общества можно использовать в разных научных целях. В частности, понятия, взятые в узком смысле, удобно использовать для выявления других важнейших понятий социологии (например, потребности, ценности, нормы), а далее для описания относительно простых общественных явлений и процессов (например, отдельных социальных институтов). Понятия в широком смысле целесообразно использовать для описания более сложных явлений и процессов (например, эволюция общества, общественное здоровье, культура и др.).

Представление о типах взаимодействия между людьми позволяет построить типологию общественных наук, в которой каждый тип был бы предметом соответствующего комплекса наук, а само взаимодействие характеризовалось бы особым предметом обмена. В частности, комплекс дисциплин, условно обозначаемый словом «демография», базировался бы на исследовании природного взаимодействия, где основным предметом обмена являются гены. Чувственное взаимодействие стало бы уделом социальной психологии, а предметом обмена – чувства. Рече-коммуникационное взаимодействие, характерное обменом значениями и смыслами, явилось бы предметом коммуникологии. В правовом взаимодействии, которое призвано изучать правоведение, предмет обмена – решения. Вся же совокупность общественных наук с полным правом называлась бы «обществоведением».

Признание скоррелированного деятельностного взаимодействия как собственно социального приводит к ряду других проблем, первой и главной из которых состоит в том, чтобы прояснить представление о деятельности, углубившись в его содержание, для чего необходимо:

- во-первых, соотнести деятельность с другими проявлениями человеческой активности;
- во-вторых, выявить существенные признаки человеческой деятельности и показать ее качественные отличия от деятельности животных, что необходимо для построения сравнительно простых, но достаточно адекватных теоретических моделей общества;
- в-третьих, определить наиболее простые и фундаментальные разновидности деятельности, на основе которых существует общество.

Решению этих задач будут посвящены ближайшие разделы монографии.

1.4. Деятельность человека: признаки, свойства, основные разновидности

В разделе 1.1. сказано, что деятельность понимается как целесообразное инициативное поведение субъекта, направленное на преобразование и познание объекта. Оно противостоит общению, означающему взаимосвязь субъекта с субъектом. Однако, чтобы сделать это первичное определение деятельности более содержательным, нужно указать признаки и свойства человеческой деятельности, отличающей ее от деятельности животных, и выявить ее основные разновидности, наиболее пригодные при теоретическом рассмотрении общественных процессов и явлений. Иначе говоря, необходимо перейти от определения понятия к понятию. В качестве предварительного условия требуется проанализировать трактовки деятельности, имеющиеся в обществоведческой литературе.

О понятии «деятельность в обществоведческой литературе. Деятельность – удивительное и трудно постижимое явление. При попытке составить ясное и четкое представление о ней в голове невольно всплывает образ древнегреческого бога Протея, отличительным свойством которого была способность мгновенно менять свой облик и превращаться во все что угодно. Эта текучесть, изменчивость деятельности, ее «протеизм», вкупе с непосредственной данностью для любого из нас делают ее чрезвычайно трудной для теоретического описания. Утверждалось даже, что в какой-то момент человечество оказалось в ситуации, когда «оно не только не знало, что такое деятельность, но и не знало, какими средствами это можно узнать» [Щедровицкий. 1995, с.241]. Но поскольку все наши победы и беды – результат нашей собственной деятельности, необходимо научиться управлять ею. А для этого нужно составить пусть грубое, но, в главном, истинное представление о ней.

Одна из проблем познания деятельности состоит в том, что в настоящее время категории, отражающие различные проявления человеческой активности, например, такие, как «жизнедеятельность», «поведение», «деятельность», «общение» в научной литературе не соотнесены между собой. Они употребляются в обществоведении и науках о человеческом поведении либо как интуитивно ясные, либо метафорически поясняются друг через друга.

Так, встречаются утверждения, где активность поясняется через деятельность, а деятельность через активность. В первом случае утверждается, что «активность – энергичная, усиленная деятельность» [Современный словарь иностранных... 1993, с.28]. В другом же утверждают, что «деятельность специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру», причем целостность деятельности «синтезируется в марксистском понятии практики, включающем многообразные формы человеческой активности» [Огурцов, Юдин. 1983, с.151–152]. Иначе говоря, деятельность поясняется через практику, а практика через активность.

Имеются принципиально неприемлемые попытки определить понятие «деятельность» через понятие единичного акта или действия [Соколова. 2003, с.272], опирающиеся на схему М. Вебера, включающую понятия «поведение», «действие», «социальное действие». Но в этой цепочке веберовских понятий допущена смысловая несообразность, ибо в ней стоят в логической последовательности понятия разного смыслового уровня.

Так, по Веберу, «поведение» ... всегда являет собой для нас действие одного или нескольких отдельных лиц [Вебер. 2006, с. 461], а социальное действие – это «такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом ... смыслу соотносится действием других людей...» [Вебер. 2006, с. 453]. Но ведь значение слова «поведение» соотносится со значениями слов «деятельность», «общение», «речь», отражающими активность человека как процесс, не имеющий четко определенного завершения. Слова же «действие», «социальное действие» соотносятся со словами «поступок», «акт», «высказывание» и пр. Они означают завершенное в определенный момент времени проявление активности.

Логично предполагать, что поведение состоит из цепочки поступков, речь – из высказываний, деятельность – из действий. Поскольку отдельное высказывание или действие проще, нежели их последовательность, то в качестве отправных точек в теории логичнее использовать единовременные, завершенные проявления человеческой активности, строя из них соответствующие процессы, нежели наоборот.

Встречается странное мнение, согласно которому речь может рассматриваться в качестве деятельности [Щедровицкий. 1995, с.237, 238 и др.] или даже социальной деятельности [Штомпка. 2005, с.50–51]. Видимо, авторы подобных утверждений либо не знают, либо не принимают во внимание принципиальную позицию П.А. Сорокина о качественно различных типах взаимодействия между людьми. Метафорично утверждение, что деятельность является «системой и полиструктурой» [Щедровицкий. 1995, с.245], поскольку неясно о каких системе и полиструктуре идет речь.

Логичнее, на первый взгляд, кажется трактовка деятельности и поведения как двух способов взаимодействия человека с миром, причем смысл поведения оказывается в приспособлении человека к миру, а деятельности – в творческо-преобразовательном отношении к нему [Петушкова. 2003, с.734–735]. Но сомнительным в этой трактовке оказывается равенство обеих категорий (как видов взаимодействия) с точки зрения их объемов. Удобнее, все же, считать, поведение более широкой категорией по сравнению с деятельностью. Поведение включает в себя деятельность (преобразование и познание) и общение (ознакомление и понимание). Кроме того, как назвать строительство жилья или изготовление одежды? Поведением или деятельностью? Познание есть «творчески-преобразовательная деятельность» или «способ приспособления»? Ответов на эти вопросы в рамках данной трактовки анализируемых понятий не найти.

Разной в определении понятий, описывающих активность человека, связан, вероятно, с тем, что исследователи, как правило, пытаются дать определение конкретному (отдельному) виду человеческой активности, не обращая внимания на остальные и опираясь на тексты, представляющиеся им наиболее убедительными. Однако попытки определить отдельный вид активности, взятый сам по себе, неперспективны для развития теоретической мысли в науках о человеческом поведении. Предпочтительнее строить упорядоченную совокупность категорий, отражающих разные формы человеческой активности, на основе категории «существование», которые вкратце рассмотрены в разделе 1.1.

В обобщенном виде совокупность основных категорий, отражающих виды человеческой активности, представлена в Схеме 1. Заметим лишь, что выражение «типы взаимодействия», употреблявшееся ранее в изложении содержания монографии, заменено в схеме выражением «виды общения». Понятие «взаимодействие» является общенаучным, его можно использовать в естественных науках и в обществоведении. Но, учитывая особенности взаимодействия между людьми (субъектами), предпочтительнее называть типы взаимодействия между ними *видами общения*. Кроме того, в схеме представлены разновидности деятельности, названные основными, которые ранее не упоминались и которых речь впереди.

Специфика человеческой деятельности. Указав основные формы деятельности, свойственные субъекту вообще: преобразование и познание (см. схему), мы, тем самым, совершили

некое углубление в содержание представления о деятельности. Но для дальнейшего углубления в него необходимо решить несколько задач: 1) определить особенности деятельности человека по сравнению с деятельностью других живых существ, 2) описать основные регуляторы деятельности, 3) выявить основные разновидности деятельности.

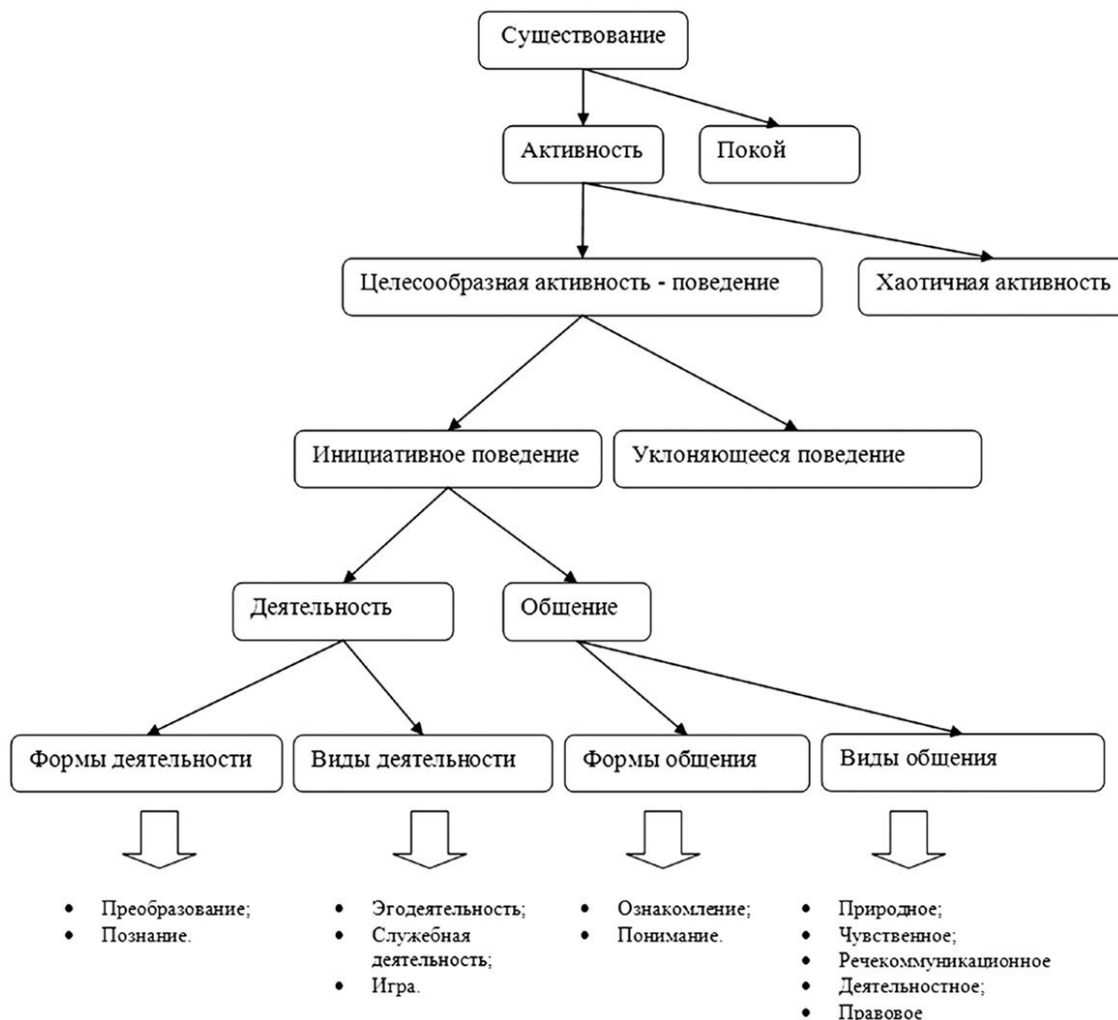

Схема 1. Совокупность основных проявлений человеческой активности

Первая задача (о специфике человеческой деятельности) определена тем, что признание деятельностного взаимодействия (общения) в качестве сущностного признака человеческого общества требует ответа на два новых теоретических вопроса.

Во-первых, можно ли построить достаточно адекватную теоретическую модель общества, используя только представление о деятельностном общении, не прибегая к дополнительным (рече-коммуникационному, правовому и пр.) видам?

Во-вторых, можно ли теоретически отличить человеческое общество от объединения общественных насекомых или других существ, если не подключать другие виды общения? Иначе говоря, можно ли отказаться от решения, неявно предложенного Аристотелем, который ввел речь в качестве признака, отличающего человеческое общество от любых объединений живых организмов?

Что касается адекватности теоретической модели общества, построенной на представлении о деятельностном общении, то ее можно оценить лишь в результате проверки следствий, вытекающих из нее. Но можно обосновать осмысленность подобной попытки, сославшись на аналогию относительно способов теоретического познания, в котором для построения теоре-

тических моделей выбирают один из типов взаимодействия между естественными объектами, изучаемый отдельно (раздел 1.1). Эта аналогия уже использовалась при построении совокупности абстрактных человеческих объединений, возникающих на основе различных видов общения.

Что же касается вопроса о признаках теоретического отличия человеческого общества от объединений других живых организмов, то можно пойти разными путями.

Проще всего пойти вслед за Аристотелем, который видя, что человеческое общество напоминает улей, ввел представление о речевом взаимодействии в качестве отличительного признака первого от второго. Подобное решение кажется самым простым и логичным на первый взгляд. Однако оно явно приводит к усложнению теоретической модели, что противоречит исходному принципу простоты ее построения.

Можно также указать в качестве отличительного признака, что упомянутые объединения составлены из разных биологических организмов. Несколько иронично подобный признак использован в выражении «человейники» по отношению к объединениям людей [Зиновьев. 2006, с.199 и др.] Но теоретически это не слишком удачный выход. Ибо можно представить (как делают фантасты) сложноорганизованное общество с высоким уровнем развития, состоящее из гигантских муравьев или каких-то других существ. У этого общества могут оказаться те же самые проблемы, что и у нашего.

Однако существует возможность отличить человеческое общество от любого другого объединения насекомых или животных, не привлекая представление о дополнительном виде общения и не ссылаясь на морфологические особенности живых существ. Это можно сделать, если найдутся принципиальные отличия человеческой деятельности от деятельности общественных животных. Если эта деятельность, на обмене результатами которой существует общество, принципиально отличается от деятельности любых живых существ, то и наше общество принципиально отличается от любых объединений животных. Поэтому нужно найти признаки, которыми деятельность человека принципиально отличается от деятельности животных. Каковы же эти признаки?

Первым таким признаком можно считать наличие в голове человека представления о возможном результате деятельности. На него указывал К. Маркс, отличая человеческий труд от деятельности животных и предварительно отказавшись от рассмотрения «первых животноеобразных инстинктивных форм труда». Он предполагал «труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается тем, что прежде, чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [Маркс К. Т.23, с.189]. Намного раньше эту же мысль в менее развитой форме высказал А. Блаженный, упоминая о способности человека «наперед обнимать мыслию то, что предполагает он произвести» [Августин. 1969, с.585].

Строго говоря, Маркс (как и мы) не знает точно, есть ли в голове пчелы некий образ будущего результата деятельности или нет. Но ясно, что, если он даже есть, пчела неспособна изменить его. Пчелиная ячейка из воска всегда будет похожа на шестигранник. А вот идеальная модель будущего результата деятельности в человеческой голове всегда свободно сотворена самим человеком. Каждый архитектор способен построить собственный образ будущего дома. Поэтому уже на этапе формирования идеальной модели в человеческой деятельности появляется один из ее существеннейших признаков – свобода.

Идеальная модель будущего результата является, может быть, главным отличительным признаком собственно человеческой деятельности. Но у последней есть и другие отличитель-

ные признаки, имеющие конкретный («социологический», а не философский) характер, которые выявляются при рассмотрении регуляторов деятельности.

Предположив, что любая деятельность как-то регулируется, можно выделить, как минимум, три вида ее регуляторов: *стимулы, оформители и ограничители*. Очевидно, для осуществления деятельности должны иметься некие ее стимулы. Кроме того, деятельность, при всей своей изменчивости, всегда упорядочена, оформлена, т.е. существуют какие-то оформители ее. Наконец, она всегда чем-то ограничена, подобно воде или газу в сосуде, т.е. существуют какие-то ограничители ее (см. Табл. 3).

В первом столбце таблицы указаны виды регуляторов, которые можно условно разделить на два класса: *природные и социальные*. Назовем природными регуляторами те, что свойственны и человеку, и животным, а социальными те, что свойственны только человеку.

Во втором столбце таблицы названы два класса ограничителей.

Природными ограничителями деятельности являются свойства внешнего мира (природы), осваиваемые с помощью органов тела.

Таблица 3

Природные и социальные регуляторы деятельности

Класс Регуляторов	Виды регуляторов		
	<i>Ограничители</i>	<i>Оформители</i>	<i>Стимулы</i>
ПРИРОДНЫЕ (присущи и животным, и человеку)	Свойства внешнего мира, осваиваемые с помощью органов тела	инстинкты, рефлексы	потребности
СОЦИАЛЬНЫЕ (присущи только человеку)	Свойства внешнего мира, осваиваемые с помощью технических средств	социальные нормы	Ценности

Природное существо способно познавать и преобразовывать внешний мир лишь в той мере, в какой возможности его тела сопряжены с условиями внешнего мира. Тигр способен существовать лишь в условиях тайги или джунглей, для «кита всегда нужна вода» и т.д. Жизнедеятельность любых живых существ немыслима без наличия особых для каждого вида природных условий. Деятельности человека как природного существа также свойственны подобные ограничители.

Социальные ограничители – свойства внешнего мира, осваиваемые с помощью технических средств. Благодаря им человек способен познавать и осваивать характеристики природной среды, которые недоступны ему как живому существу. Он далеко отодвинул пределы своей деятельности, предметом которой стала едва ли не вся вселенная (по крайней мере, как предмет познания). Но люди не могут осуществлять свою деятельность, если природные явления слишком мощны по сравнению с возможностями технических средств или исчезло природное условие, за счет которого она была ранее возможна. Едва ли мы будем способны управлять процессами на солнце. Изменение же или разрушение каких-то природных условий влечет прекращение определенной разновидности деятельности, что может влиять на изменение структуры общества и даже на изменение человеческих свойств и качеств.

Так, во время палеолита, когда по территории Евразии бродили стада мамонтов и шерстистых носорогов, основным видом деятельности людей в зоне тундровой степи была коллективная облавная охота. Зверей загоняли в ловушки – ямы, топкие места, естественные овраги, а потом добывали. Подобная охота требовала от людей немалого мужества и слаженных действий. Позже, во время мезолита, после таяния ледника, гигантские животные исчезли. Людям пришлось заняться охотой на оленей, лосей, птиц, а также ловлей рыбы. Коллективная облавная охота уступила место индивидуальной охоте и ловле с помощью лука и сетей. Исчезновение гигантских животных вынудило людей изменить форму деятельности и потребовало от них новых психических свойств и качеств. Ведь «если палеолит был для человека школой мужества и организованности, то мезолит стал школой находчивости и личной инициативы» [Рыбаков. 1997, с.167].

Расширяя границы человеческой деятельности, технические устройства придают ей новые, по сравнению с деятельностью животных, свойства, резко повышая насыщенность ее энергией, информацией и веществом. Человек способен использовать намного больше энергии, нежели поглощаемой с пищей, и количество этой энергии несоизмеримо с энергией животных. Объем информации, которой пользуется человек, несопоставим с тем, который он может приобрести из индивидуального опыта (доступного животному). В простейших вещах (авторучка или кнопка выключателя), зашифровано знание всех естественных наук, а использование и перемещение человеком объемов вещества по нашей планете давно стало геологическим процессом.

Деятельность упорядочивается не только извне, а также и изнутри в соответствии с некими образцами, цепочки которых формируют определенные ее технологии. Эти образцы названы в таблице (третий столбец) *оформителями деятельности*.

Природные оформители – инстинкты и рефлексy, а *социальные* – нормы. Без них, задающих определенные алгоритмы конкретных действий, целесообразная деятельность невозможна.

Стимулы деятельности, благодаря которым она осуществляется и развивается, это *потребности и ценности* (четвертый столбец таблицы).

Важнейшая характеристика потребностей в том, что они заданы объективно, т.е. самой структурой деятеля. Это касается даже высших, духовных потребностей человека, ибо, если их не удовлетворять, он в каком-то отношении будет постепенно деградировать. Поэтому деятельность в соответствии с потребностями несвободна, а ее смысл задан не свободной волей деятеля, а самим процессом его существования.

Напротив, ценности названы социальными стимулами, ибо свойственны именно человеку и кардинально отличаются от потребностей по признакам свободы и смысла деятельности: человек свободен в выборе ценностей и, выбрав которые, он сам задает себе смысл собственной деятельности.

Наличие идеальной модели будущего результата деятельности и ценностей как стимулов деятельности оказываются предпосылками формирования еще одного качественного признака, отличающего деятельность человека от деятельности животных – *устойчивой целеустремленности*. Это свойство деятельности человека приобретает при условии наличия еще одной предпосылки, связанной с природой человека – *человеческой воли*. Воплотить идеальную модель в результат или достичь какой-либо ценности можно лишь при способности человека свободно принимать решения и достаточно долго удерживать их. Целеустремленность поведения животных определена силой потребности. Но человек способен подавлять потребности, связанные с существованием, и даже жертвовать своим существованием во имя свободно выбранной ценности.

Итак, в число признаков и свойств, отличающих деятельность человека от деятельности животных, входят:

- 1) идеальная модель будущего результата деятельности,
 - 2) наличие дополнительного (социального) класса регуляторов – ограничителей, оформителей и стимулов,
 - 3) неизмеримо большая мощь (насыщенность энергией, информацией и веществом), обусловленная наличием технических средств,
 - 4) свобода (человек свободен в построении идеальной модели будущего результата деятельности и в выборе ценностей),
 - 5) субъективно заданный смысл, определяемый наличием ценностей как стимулов деятельности,
- б) устойчивая целеустремленность.

Можно указать другие признаки, отличающие человеческую деятельность от деятельности живых организмов (отложенность во времени, когда результат деятельности проявляется после некоторого временного промежутка, трансформация видов энергии из одного вида в другой и т.д., но далее они не рассматриваются).

Принципиальное отличие деятельности человека от деятельности животных определяет отличие человеческого общества от любого объединения животных, что позволяет строить теоретические модели общества, опираясь исключительно на деятельностное общение (взаимодействие).

Рассмотрение регуляторов деятельности привело к трем базовым понятиям социологии: *потребности, нормы и ценности*. Их анализ будет сделан позже, после решения проблемы основных разновидностей деятельности, на основе которых существует общество.

Основные разновидности деятельности: их важнейшие признаки и свойства. Деятельность имеет множество признаков, позволяющих построить разнообразные типологии ее разновидностей. Различают деятельности творческую и рутинную, индивидуальную и массовую, производящую и присваивающую и пр., а также экономическую, политическую, религиозную, научную, художественную и т.д. Важно определить, какие из разновидностей лежат в основе существования общества, точнее, нужно определить, какие из них удобнее всего использовать для построения теоретических моделей общества и других социальных явлений и процессов.

Уточнить поставленную задачу позволяет краткий анализ учения Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, в основу которых положены важнейшие, с его точки зрения, разновидности деятельности.

Для описания названных типов Н.Я. Данилевский использовал в качестве основных четыре разновидности деятельности: религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую. В зависимости от преобладания той или иной разновидности или их комбинации возможны одноосновные, двухосновные, трехосновные и четырехосновные культурно-исторические типы. Одноосновными типами являются Древняя Иудея (религиозная деятельность), Древняя Греция (культурная деятельность) и Древний Рим (политическая деятельность). Современную ему Европу Данилевский считает двухосновным культурно-историческим типом (культурная и политическая деятельности) и выражает надежду, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом [Данилевский. 1995, с.400–430].

В методологическом отношении положение о том, что преобладающая разновидность деятельности определяет тип общества, следует считать крайне перспективным в теоретических исследованиях общества. Если деятельностное взаимодействие есть основа общества, то свойства преобладающей деятельности определяют важнейшие свойства общества.

Однако набор конкретных разновидностей деятельности, предложенный Данилевским не совсем удачен для построения теоретических моделей общества, поскольку конкретные раз-

новидности, выбираемые в качестве исходных элементов теории, должны, по возможности, удовлетворять трем условиям.

Во-первых, эти разновидности должны быть как можно проще, элементарнее, в теоретическом отношении. Во-вторых, они должны быть наиболее важными для существования общества в целом. В-третьих, эти разновидности должны быть самым тесным образом связаны с существованием человека, фактически быть проявлениями его жизнедеятельности, выполняя важнейшие функции в его существовании.

Что касается простоты, то почти очевидно, что разновидности деятельности, предложенные Данилевским (религиозная, культурная и т.д.), слишком сложны и неоднородны, чтобы их можно было класть в основу построения теоретических моделей общества. Зачастую трудно отличить религиозную деятельность от культурной, экономическую деятельность от политической и т.д. Религиозные войны – это проявления религиозной деятельности или политической? Говорят также, что политика есть концентрированное выражение экономики, война есть продолжение политики другими средствами и пр.

Сложно также соотнести с упомянутыми разновидностями конкретную профессиональную деятельность. Является ли древнерусская иконопись религиозной, культурной или экономической деятельностью? Очевидно, что в ней есть черты и первой, и второй, и даже третьей.

Наконец, существуют правила, регулирующие одновременно религиозную, экономическую и политическую деятельность людей. Их содержание не позволяет понять, идет ли речь об экономической, политической или религиозной деятельности, поскольку эти правила установлены пророками от имени высшей силы и включены в священные тексты. Деятельность людей в соответствии с ними ведет к крайне важным в социальном отношении следствиям.

В свое время М. Вебер заметил, что богатство распределено крайне неравномерно между представителями разных религий. По его сведениям, в Бадене в 1895 году «на 1000 евангелических христиан приходилось подлежащего обложению капитала в 954 060 марок капитала, на 1000 католиков 589 000 марок. Евреи с их 4 000 000 марок обложения на тысячу человек идут далеко впереди» [Вебер М. 1928, с.43]. Нетрудно подсчитать, что каждый иудей был примерно в четыре раза богаче протестанта и в шесть-семь раз богаче католика.

Вебер, занимаясь исследованием этических основ католицизма и протестантизма, показал, что капитализм как социальное явление имеет духовные корни в протестантской этике. Накопление богатства иудеями также можно объяснить религиозной этикой иудаизма. В «Ветхом завете» сказано: «Не отдавай в рост брату твоему (т.е. иудею – П.С.) ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост. Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь, Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» [Второзаконие. 23.19–20].

Казалось бы, отдавать что-то в рост является экономическим правилом. Но является ли деятельность в соответствии с ним сугубо экономической? Думается, нет, ибо в ней одновременно преследуются и политические цели (овладеть землей, в которую ты идешь), что предписано «священным писанием», а значит, эта деятельность имеет религиозную струю.

В целом, разновидности деятельности, которые предложил Данилевский, излишне сложны, чтобы их можно было класть в основу теоретических моделей общества. Нужны более простые разновидности. Например, деятельность *творческая* (получение принципиально нового результата, продукта) и деятельность *рутинная* (тиражирование по имеющемуся образцу продукта и пр.), деятельность *присваивающая* (присвоение готовых продуктов природы или произведенных другими людьми) и деятельность *производящая* (изготовление продуктов) и т.д.

Но признаки, которыми отличаются эти относительно простые разновидности деятельности, не связаны непосредственно с жизнедеятельностью человека. Так, деятельности творческая и рутинная отличаются по признаку *произведенного продукта* («новый» и «скопиро-

ванный»). В деятельности производящей и деятельности присваивающей отражена *специфика отношений*, возникающих между человеком и природой или между людьми. В одном случае человек сам что-то изготавливает, в другом присваивает что-то готовое. В таких разновидностях сам деятель и его жизнедеятельность «не видны», они лишь «подразумеваются».

Абстрактно простые разновидности деятельности, связанные с существованием человека, выявляются при рассмотрении простейшей ситуации, когда в наличии имеются: 1) деятель, 2) нечто «другое» (человек, общество, природа, Бог и т.д.) и 3) сам процесс деятельности. С учетом того, что деятельность всегда совершается для (ради) кого-то или для (ради) чего-то, простой перебор вариантов позволяет выявить три разновидности деятельности, выполняющие в жизнедеятельности деятеля важнейшие функции.

Во-первых, деятельность может совершаться деятелем для себя (назовем ее «*эгодеятельность*»), с ее помощью деятель обеспечивает свое существование, присваивая из окружающего мира все необходимое.

Во-вторых, деятель может совершать деятельность в пользу «другого». Это *служебная деятельность*, способная придать смысл существованию деятеля. Перед большинством людей встает вопрос, даже если они его не сознают: «Если я один и для себя, то зачем я»? В служебной деятельности деятель расходует накопленный запас жизненных сил.

В-третьих, он может совершать деятельности ради самой деятельности. Эту разновидность удобно назвать «*игра*». Она приносит в существование субъекта радость, веселье [Борноев и др. 1996 с.86–87]. Игра возможна в минуты самодостаточности субъекта, когда он, освободившись от потребления мира или служения ему, свободно расходует свои жизненные силы в особом, сотворенном для себя, мире. В игре деятель отчасти подобен Богу, свободно играющему в собственном мире (в индийской мифологии существует образ вечно юного Вишну, играющего мирами).

Очевидно, что выявленные разновидности деятельности самым тесным образом связаны с жизнедеятельностью субъекта, деятеля, выполняя важнейшие функции: обеспечивая существование, придавая смысл существованию и привнося в существование веселье, радость, что делает полноценной жизнедеятельность деятеля. В случае же невыполнения одной из функций его жизнедеятельность оказывается явно ущербной.

Общество существует на сочетании эго- и служебной деятельности. Они объективно необходимы для его существования, причем преобладание одной из разновидностей определяет тип общества. Игра же субъективно необходима для деятеля и призвана, помимо придания ему радости существования, израсходовать излишек его энергии.

Ясно, что названные разновидности являются абстракциями, они выступают в качестве неких «струй» в общем потоке любой конкретной деятельности. Тем не менее, какая-то из этих «струй» может занимать господствующее положение, благодаря чему данная конкретная деятельность оказывается эмпирическим выражением соответствующей абстракции.

Рассматриваемые разновидности обладают важными и во многом противоположными признаками и свойствами (**Табл. 4**).

В первом столбце таблицы даны краткие описания отдельных признаков и свойств разновидностей деятельности, а в последующих столбцах наличие или выраженность этих признаков и свойств.

Таблица 4

Признаки и свойства основных разновидностей деятельности

Содержание признака или свойства	Разновидности деятельности		
	Эгодея-тельность	Служебная деятельность	Игра
Функция в жизнедеятельности человека	Обеспечивает существование	Придает смысл существованию	Привносит в существование веселье
Отношение к инстинкту самосохранения	В согласии с инстинктом самосохранения	С этим инстинктом часто в противоречии	Отношение с инстинктом неопределенное
Рациональность для деятеля	Всегда субъективно рациональна	Часто субъективно иррациональна для исполнителя	Проблемы рациональности не существует
Наличие внешнего контроля	Внешний контроль не требуется	Внешний контроль обязателен	Внешний контроль часто необходим
Наличие норм, правил	Общие, «рабочие», правила (нормы)	Жесткие, детальные правила (нормы)	Строгие правила (нормы)
Наличие системы наград и наказаний	Ее наличие не требуется	Ее наличие обязательно	Наличие часто необходимо
Наличие торжественной клятвы, присяги	Торжественная клятва не требуется	Наличие клятвы обязательно	Наличие клятвы возможно
Скорость развития	Развивается быстро	Развивается медленно	Не развивается, но меняется
Стоимость результата	Относительно низкая	Относительно высокая	Не имеет значения

В первой содержательной строке таблицы названы функции разновидностей деятельности в жизнедеятельности деятеля. О них ранее сказано достаточно. Отдельное замечание касается лишь игры, на которую часто налагают дополнительные функции, связанные с биологическими (выход избыточной энергии, компенсация агрессивных побуждений) и с социальными потребностями (обучение, воспитание, социализация). Но важнее то, что «игра ... поддерживается сознанием радостного отдыха за рамками требований «обыденной жизни» [Хейзинга, 1992, с. 229], а «подлинная игра ... содержит цель в самой себе» [Хейзинга, 1992, с. 238].

Во второй содержательной строке таблицы дано соотношение разновидностей деятельности и инстинкта самосохранения. Очевидно, что эгодеятельность находится с ним в согласии, ибо этот инстинкт также направлен на обеспечение существования. Понятно также, что служебная деятельность часто находится с ним в противоречии. Служение имеет своей целью существование некоего «другого» и требует от деятеля самоумаления, вплоть до самопожертвования. Что касается игры, то ее отношение к инстинкту самосохранения является неопре-

деленным, ибо игра иногда принимает форму состязания, проигрыш в котором влечет смерть [Хейзинга, 1992, с. 87–92 и др.].

В следующей строке рассматривается рациональность той или иной разновидности с точки зрения деятеля. При этом возникает любопытный парадокс: эгодеятельность, лишь обеспечивающая существование деятеля, оказывается для него всегда субъективно рациональной, а служебная деятельность, придающая существованию смысл, часто субъективно иррациональна для конкретного исполнителя.

Парадокс объясним, если учесть, что рациональность или иррациональность деятельности для деятеля зависит от степени его самостоятельности в принятии решений.

В эгодеятельности деятель сам принимает решение, поэтому цель и дальнейшие действия для него рациональны, хотя со стороны они могут казаться полной глупостью (поведение персонажа в романе Фаулза «Коллекционер», который пытается завоевать любовь девушки, заточив ее в подземелье, но забыв, что «любовь свободна»).

Напротив, в служебной деятельности рядовой исполнитель, не сам принимавший решение о тех или иных действиях, часто склонен рассматривать их как бессмысленную трату сил из-за «дурацких указаний начальства». Поэтому в армейской среде вырабатываются правила поведения, направленные на уклонение от «лишних» усилий («солдат спит – служба идет», «не спеши выполнять приказ, поскольку вскоре может последовать другой приказ, отменяющий предыдущий» и т.д.).

В игре вопрос о ее рациональности не стоит, поскольку цель игры в самой игре. Ее возможная дополнительная цель (приз) служит средством повысить напряженность игры, ее воодушевленность, азарт, но не задает смысл игры.

Последующие строки, в которых речь идет о наличии внешнего контроля, норм, системы наград и наказаний и торжественной клятвы, обусловлены предыдущими признаками – отношением к инстинкту самосохранения и субъективной рациональностью деятельности. Особенно сильно эта обусловленность проявляется в эгодеятельности и служебной деятельности.

Ясно, когда деятель действует в собственных интересах и сам себе ставит цели, его не нужно контролировать извне и жестко предписывать ему правила достижения собственных целей. Нужны лишь общие рамки, не позволяющие деятелю причинять ущерб другим. Кроме того, в эгодеятельности не нужны награды и наказания, поскольку таковыми в ней являются достижение или недостижение результата. Деятелю также не нужно клясться перед другими, что он постарается достичь поставленной для себя цели.

Что касается служебной деятельности, то, поскольку она часто противоречит инстинкту самосохранения, а деятелю представляется иррациональной, необходимы дополнительные меры, побуждающие его выполнять свои обязанности надлежащим образом.

Во-первых, нужны четкие правила, соблюдение которых должно привести к цели служебной деятельности, а их наличие позволит оценить качество ее выполнения.

Во-вторых, нужен внешний контроль, чтобы правила служебной деятельности строго соблюдались, иначе чрезмерно распространятся нормы, нарушающие ее надлежащее исполнение (например, коррупция).

В-третьих, наличие системы наград и наказаний «учитывает» инстинкт самосохранения и субъективную иррациональность служебной деятельности (страх наказания «приглушает» инстинкт, а награда придает ей субъективную рациональность).

Наконец, торжественная клятва отчасти гарантирует, что деятель, получивший дополнительные полномочия, связанные с обязанностями служебной деятельности, будет использовать их лишь для блага того, кому деятель обязан служить. Поэтому исполнение служебной деятельности часто начинается с клятвы, в которой деятель клянется выполнять свой долг честно и добросовестно, невзирая на возможные неудобства или опасности для себя лично. Нарушение присяги пагубно сказывается на процессе деятельности, а если деятель занимает высокое поло-

жение, то и на обществе в целом. В частности, катастрофическое развитие событий в недавней российской истории в немалой степени вызвано клятвопреступлениями Горбачева и Ельцина. Первый нарушил присягу, не защитив Конституцию СССР, быть гарантом которой он клялся. Второй – совершил государственный переворот, грубейшим образом нарушив Конституцию РСФСР и расстреляв законно избранный Верховный Совет.

Что касается игры, то поскольку нет четкого и определенного ее соотношения с инстинктом самосохранения и признаком рациональности, нет и жесткой необходимости во внешнем контроле, торжественной клятве, системе наград и наказаний, хотя иногда они возможны и востребованы. Однако абсолютно необходимы строгие и точные правила игры, поскольку их нарушение разрушает игру, превращая ее в разновидность мошенничества. В случае выявления мошенничества деятель наказывается игровым сообществом.

Наличие норм сближает служебную деятельность и игру, что позволяет зачастую превращать первую во вторую, главным условием чего оказывается забвение цели, а, значит, и смысла служебной деятельности. Таков был путь превращения языческих культовых ритуалов в современные народные праздники, связанные с ритуалами, переодеваниями и пр., а также в некоторые детские игры [Рыбаков. 1997, с.710]. В настоящее время таким же путем служебная деятельность иногда переходит в «бюрократические игры»: реальный смысл ее выхолащивается, а чиновник превращается в аппарат написания и передачи никому не нужных справок, отчетов, и пр.

Следующие далее признаки – скорость развития и стоимость результата – связаны с наличием (отсутствием) строгих норм и органов контроля в обеих разновидностях деятельности.

Эгодеятельность способна быстро развиваться, поскольку деятель свободно выбирает методы и средства достижения цели. Достигнутый же на ее основе результат относительно дешев, ибо в стоимость его входят только затраты самого деятеля.

Служебная деятельность консервативна и развивается крайне медленно, поскольку она выполняется на основе образцов (правил) деятельности, закрепленных в документе (инструкции) или в обычае. Изменить эти образцы крайне сложно. Ведь сначала кто-то должен понять, что образцы устарели и не соответствуют изменившейся реальности. Затем кто-то должен взять на себя инициативу по отмене устаревших и разработке новых образцов (правил), а инициатива, как известно, наказуема. Наконец, нужно научить работать по новым образцам всю основную массу исполнителей, что также требует времени.

Кроме того, служебная деятельность для своего точного и чистого исполнения требует наличия контрольных органов, что приводит к дополнительным расходам и обуславливает «дороговизну» результата служебной деятельности.

К игре понятие «развитие» практически неприменимо. Правила игры устанавливаются свободно либо самим игроком, либо игровым сообществом, но в течение игры соблюдаются жестко. Они могут быть изменены в дальнейшем, но тогда меняется и сама игра (хотя она может носить прежнее название). Игра в чистом виде не предполагает также стоимостной оценки. Она – проявление избыточной энергии участников. Так называемые «профессиональные игры» играми уже не являются. Для участников они могут являться эгодеятельностью или служебной деятельностью, а результат – приз или награда – платой за демонстрацию своих физических или умственных способностей и мастерства.

Признание названных разновидностей деятельности основными и элементарными вновь приводит к проблеме о соотношении абстрактно выделенных разновидностей деятельности с конкретными разновидностями, возникшей при рассмотрении концепции Н.Я. Данилевского. Как определить, является ли данная профессиональная деятельность эгодеятельностью, служебной деятельностью или игрой?

Ответ на этот вопрос зависит от соотношения точек зрения на нее самого деятеля и общества.

Во-первых, деятель сам способен счесть данную деятельность эгодеятельностью, службой или игрой, определив для себя ее смысл, если ничто ему не мешает. Деятельность такова, каковой ее считает деятель. Том Сойер сумел превратить побелку забора из служебной (по отношению к нему) деятельности в игру для других, а, в конечном счете, в эгодеятельность для себя.

Во-вторых, общество традиционно рассматривает в качестве служебной деятельности такие профессиональные разновидности, как воинская, административная, политическая и др., что подтверждается наличием системы наград и наказаний, торжественной клятвы, инструкций.

Формально точка зрения общества сильнее точки зрения деятеля. В реальности же ситуация может быть обратной. Деятель нередко способен превратить конкретную служебную деятельность в эгодеятельность (коррупция и пр.), избежав контроля и используя служебные полномочия в личных целях. У общества остается механизм санкций для приведения служебной деятельности в «нормальное» состояние, но он срабатывает не всегда.

В-третьих, возможен благоприятный случай, когда точки зрения деятеля и общества на отдельные разновидности совпадают. Так, обе стороны склонны считать эгодеятельностью хозяйственную деятельность или торговлю, которые обеспечивают существование деятеля и общества в целом. В служебной деятельности подобное совпадение возможно в случае «призвания», когда деятель полностью отдается служебному долгу. Нередко совпадают точки зрения общества и деятеля относительно игры.

Особый случай представляет соотношение точек зрения на конкретную деятельность у сравнительно равных по правовой силе участников. Например, работа по найму может рассматриваться нанятым работником как работа на себя (способ обеспечить себя и семью средствами существования), тогда как наниматель склонен считать ее служебной деятельностью. В этом случае, «доли» этих разновидностей в конкретной деятельности определяются договором, а в случае спора между сторонами эти «доли» определяет суд, выясняя взаимные обязательства сторон.

Итак, в дальнейшем основными разновидностями деятельности, пригодными для построения теоретических моделей общественных процессов, будут считаться эгодеятельность, служебная деятельность и игра, поскольку они относительно просты и непосредственно связаны с существованием деятеля, обеспечивая это существование, придавая ему смысл и привнося в него радость. Эгодеятельность и служебная деятельность являются объективно необходимыми разновидностями: на их сочетании существует любое общество, а игра – субъективно необходимой.

Среди других свойств, которыми различаются объективно необходимые разновидности, особенно важна способность к развитию, от которой во многом зависит скорость развития общества.

Конкретную разновидность деятельности можно соотнести с абстрактно выделенной в зависимости от 1) точки зрения общества, 2) точки зрения деятеля, 3) соглашения между участниками взаимодействия.

1.5. Основные понятия социологии: потребности и нормы

В разделе, посвященном специфике человеческой деятельности, были введены представления о регуляторах деятельности – ограничителях, оформителях и стимулах. Что касается ограничителей деятельности, то сейчас сложно дать хотя бы приблизительную их типологию, указать их важнейшие свойства, включить в конкретную теоретическую модель общества или его отдельных явлений и процессов. В перспективе есть возможность связать их с уровнями

материи, хотя сейчас неясно, как это сделать. Но бесспорно, что имеются ограничители человеческой деятельности.

Более содержательно разработаны представления о других регуляторах деятельности: оформителях и стимулах. С точки зрения социологии интерес представляют *потребности* и *ценности* как стимулы деятельности, а *нормы* как ее оформители. Понятия, их отражающие, являются *основными понятиями социологии* в рамках предложенной теоретической конструкции. Ведь если в основе общества лежит деятельностное взаимодействие, то понятия о регуляторах деятельности оказываются основными понятиями социологии. Целью настоящего раздела является краткое освещение представлений в современной науке и изложение авторской позиции относительно индивидуальных и общественных потребностях. Ценности и нормы будут рассмотрены позже.

Потребность: стимул деятельности и одно из основных понятий социологии.

Общее представление о потребностях подробнее изложено ранее [Смирнов. 2010. № 4. С.165–183]. Ниже будут высказаны лишь отдельные положения авторской позиции и критические замечания относительно трактовки потребностей в обществоведческой литературе.

Слово «потребность» означает нужду или надобность в чем-либо «потребу» [Даль. 2003, с.515–516] и в обычном языке не нуждается в особом пояснении. В научных работах понятие «потребность» также понимается как «нужда или недостаток в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, личности, социальной группы, общества в целом; внутренний побудитель активности» [Ядов. 1983, с.518]. В этой трактовке потребность понимается как побудитель активности, что равнозначно ее пониманию как стимула деятельности.

Ключевая роль понятия «потребность» в теоретической социологии подкрепляется тем, что известные обществоведы также связывают с потребностями возникновение и существование общества [Платон. Т.3. Ч.1., 1971, с.145; Маркс, Энгельс. Т. 3. с.12 и др.; Т. 23. с.98–99 и др.],

Потребности общества объективны, как объективны потребности любых субъектов, независимо от уровня их развития, поскольку наличие потребностей обусловлено несамодостаточностью субъектов [Смирнов, 2010. № 2, с.70–71 и др.]. Поэтому не вполне корректна точка зрения, согласно которой биологические потребности (в том числе, и у человека) обусловлены обменом веществ [Ядов. 1983, с.518]. Напротив, обмен веществ между субъектом и средой и внутри субъекта вызван наличием потребностей у последнего.

С оговорками можно принять точку зрения, что потребности социальных субъектов (личности, социальных групп) и общества в целом зависят от уровня развития данного общества, а также особых социальных условий их деятельности. Источником развития этих потребностей является взаимосвязь между производством и потреблением материальных и духовных благ, причем удовлетворение относительно элементарных (витальных) потребностей ведет к зарождению новых [Ядов. 1983, с.518–519]. Порождение новых потребностей, являясь, «первым историческим актом», отличает человека как субъекта своего исторического процесса, преобразующего природную и социальную среду, от животного, приспособляющегося к среде. При этом, «...размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны» [Ядов. 1983, с.518].

В психологии рассматривают потребность как особое психическое состояние индивида, ощущаемое или осознаваемое им «напряжение», «неудовлетворенность», «дискомфорт», т.е. отражение в психике человека несоответствия между внутренними и внешними условиями деятельности. Поэтому потребности и являются побудителями активности, цель которой устранение такого несоответствия [Ядов.1983, с.518].

Это не совсем верно. Потребности – объективная нехватка чего-то у любых субъектов. У живых существ она может отражаться в психике, становясь знанием о ней в форме ощущения,

чувства и осознанного знания. Возникают потребности не в результате «несоответствия между внутренними и внешними условиями *деятельности*», а по причине несоответствия между внутренними и внешними условиями *существования*. Поэтому механизм замещения потребностей не может относиться к витальным потребностям, неудовлетворение которых ведет к смерти организма.

Сложной является проблема классификации (типологии) потребностей. Она известна еще со времени Аристотеля. Ей уделяли внимание В. Гегель и Ф. Достоевский, К. Маркс и А. Маршалл и т.д. Сложность проблемы связана с многообразием признаков, которые могут быть положены в основу классификации [Ядов.1983, с.518–519], причем нельзя сказать, что предлагаемые типологии вполне безупречны. Критике можно подвергнуть любые из них, в том числе, касающиеся двух типов потребностей – *индивидуальных и общественных*.

Для критического рассмотрения проблемы индивидуальных потребностей выбрана концепция А. Маслоу как одна из самых популярных. Концепция неоднократно излагалась, ниже будут подвергнуты критике лишь ее самые общие принципы.

Маслоу рассматривал человека как «желающее существо», который редко достигает состояния полного, завершеного удовлетворения. Полное отсутствие желаний и потребностей, когда (и если) оно существует недолговечно. Если одна потребность удовлетворена, другая всплывает на поверхность и направляет внимание и усилия человека. Когда человек удовлетворяет и ее, еще одна требует удовлетворения [Хьелл, Зиглер. 1997, с.487].

Маслоу предположил, что все потребности *врожденные* и организованы в иерархическую систему приоритета или доминирования в виде пирамиды. В основе пирамиды лежат физиологические потребности, далее идут потребности безопасности и защиты и т.д. Завершается пирамида потребностями самореализации или потребностями личного совершенствования.

Построение пирамиды базируется на допущении, что доминирующие потребности, расположенные внизу, должны быть более или менее удовлетворены до того, как человек сможет осознать наличие и быть мотивированным потребностями, расположенными вверху. Последовательное расположение основных нужд в иерархии является главным принципом, лежащим в основе организации мотивации человека. Маслоу исходил из того, что иерархия потребностей распространяется на всех людей и что чем выше человек может подняться в этой иерархии, тем большую индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье он продемонстрирует.

Маслоу допускал, что могут быть исключения из этой иерархии мотивов. Отдельные творческие люди могут развивать и выражать свой талант, несмотря на серьезные трудности и социальные проблемы, а у некоторых людей ценности и идеалы настолько сильны, что они готовы скорее переносить голод и жажду или даже умереть, чем отказаться от них. Кроме того, отдельные люди могут создавать собственную иерархию потребностей благодаря особенностям своей биографии. Но в целом, потребности, расположенные ниже в иерархии, сильнее и приоритетнее.

Ключевым моментом в концепции Маслоу является то, что потребности не удовлетворяются по принципу «все или ничего». Потребности частично совпадают, и человек одновременно может быть мотивирован на двух и более уровнях потребностей. Кроме того, потребности, появляющиеся в иерархии, возникают постепенно. Люди не просто удовлетворяют одну потребность за другой, но одновременно частично удовлетворяют и частично не удовлетворяют их. При этом неважно, насколько высоко продвинулся человек в иерархии потребностей: если потребности более низкого уровня перестанут удовлетворяться, человек вернется на данный уровень и останется там, пока эти потребности не будут в достаточной степени удовлетворены [Хьелл, Зиглер. 1997, с.487–489].

Завершают пирамиду Маслоу *потребности самоактуализации*, которые выступают на передний план, если предыдущие потребности достаточно удовлетворены. Масло понимает

самоактуализацию как желание человека стать тем, кем он может стать. Человек, достигший этого высшего уровня, добивается полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности. Если бы большое число людей достигло самоактуализации, могли бы измениться потребности человечества в целом [Хьелл, Зиглер. 1997, с.489–496].

Некоторые психологи считают, что концепция Маслоу волнующа и нова, потому что она заставляет человека обращать взор на то, чем он может быть, и, следовательно, придает его жизни интерес и цель [Хьелл, Зиглер. 1997, с.494–495].

Со столь высокой оценкой этой концепции трудно согласиться полностью. В ней отражены, конечно, в достаточно осмысленном виде некоторые существенные аспекты человеческого поведения, связанные с потребностями. Можно счесть приемлемой на уровне здравого смысла и саму типологию потребностей, хотя таких типологий можно насчитать не менее десятка. Однако в названной концепции есть множество моментов, вызывающих несогласие или недоумение, что во многом обусловлено теоретической скудостью и неясностью исходных представлений Маслоу.

Во-первых, представляется теоретически необоснованным основополагающий принцип его типологии, а именно, принцип «возвышения потребностей». Речь не о том, что сам по себе принцип неверен: возвышение потребностей возможно и иногда происходит. Проблема заключается в том, что этот принцип просто-напросто постулируется, но, опираясь на базовые представления Маслоу о природе человека, невозможно понять механизм (или способ) его воплощения.

Его трактовка человека как «существа желающего», которое редко достигает состояния полного, завершеного удовлетворения, не выдерживает критики в силу чрезмерной односторонности.

Во-первых, она является шагом назад даже по сравнению с платоновским пониманием природы человека. Платон, напомним, выделял в душе человека три начала – вожделеющее, яростное и разумное, полагая, что разумное начало должно быть верховным, а яростное и вожделеющее должны ему подчиняться. Если некоторые моменты концепции Маслоу свидетельствуют о признании разумного начала (он считал, что человек по природе разумен и способен руководствоваться разумом в своем поведении), то яростное он совсем выпускает из виду (видимо, вслед за Фрейдом, допустившим эту ошибку). А ведь именно яростное начало позволяет, по Платону, переносить стужу и голод, подвергать себя опасности и бороться с врагом. Наличие подобного начала (его можно было бы отчасти охарактеризовать словами воля и гордость) позволяет понять, почему человек способен стремиться к чему-то иному, кроме удовлетворения потребностей, например, к победе над врагом. При его отсутствии едва ли возможен переход к удовлетворению потребностей более высокого уровня, часто требующий дополнительной затраты душевных сил.

Во-вторых, переход к самоактуализации, невозможный без яростного начала, невозможен без наличия в душе человека нравственного чувства, а также без его способности к нравственному суждению. Человек, чтобы брать на себя дополнительную нагрузку, риск и т.п., должен иметь в душе ясно осознаваемую или бессознательно усвоенную шкалу хорошего и дурного, достойного и недостойного и пр. Проще говоря, человек должен быть не только желающим, но волевым и нравственным существом. Возможно, Маслоу, подразумевает наличие подобных начал в природе человека, когда говорит о ценностях, идеалах и стилях жизни, связанных с переживанием различных чувств. Но любая концепция должна строиться не на подразумеваемых, а на ясно и четко названных предпосылках.

В целом же, концепция Маслоу о возвышении потребностей «не работает» без предварительного и ясного ввода представлений о волевом и нравственном началах в природе человека. Без них возвышение потребностей возможно, но не обязательно. В частности, удовлетворение витальных потребностей не влечет с необходимостью появления новых, высших потребностей.

Вполне возможно, что удовлетворение этих потребностей на первичном, грубом уровне будет стимулировать не появление более высоких потребностей, а удовлетворение прежних потребностей на более высоком или на более утонченном, изощренном уровне.

Элементарно голодному человеку нужен просто кусок хлеба. Человеку, в общем-то, сытому нужны мясо и фрукты, рыба и пр., прошедшие специальную кулинарную обработку. Пресыщенному человеку требуется икра и осетрина, тонкие вина и соусы, изготовленные по сложным рецептам. Точно также обстоит дело с удовлетворением остальных витальных потребностей.

Западная цивилизация, что очевидно, достаточно преуспела в удовлетворении самых разнообразных потребностей человеческого тела. Но насколько это способствовало появлению более высоких потребностей, в том числе, в самореализации и творчестве – большой вопрос. Напротив, в культуре Востока есть практики, когда ограничение потребностей тела, аскетизм стимулирует активную духовную жизнь. Вообще практика всех народов мира свидетельствует, что полноценной духовной жизнью живут те, кто свои витальные потребности ограничивает самым необходимым. В противном случае, удовлетворение витальных потребностей вполне может способствовать превращению человека в «сладострастное животное». Описания «чревоугодников», «сладострастников» и пр. содержатся в русской и зарубежной литературе¹⁴.

Наконец, неясность исходных позиций (склонность к «фигуре умолчания») приводит к некоторым спорным, если не сказать вздорным утверждениям Маслоу. Он утверждал, что «Музыканты должны играть музыку, художники должны рисовать, поэты должны сочинять стихи, если они, в конце концов, хотят быть в мире с самими собой. Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» [Хьелл, Зиглер. 1997, с.489–496].

Выше сказано, что концепция Маслоу считается некоторыми «волнующей» и «новой», но едва ли подобная оценка справедлива.

Во-первых, сомнительна «новизна» мысли о том, что человек должен быть верен своему подлинному «я», своему призванию, своей судьбе, если вспомнить призыв на фронто́не храма Аполлага в Дельфах: «Познай самого себя» (автором его считается Фалес). Призыв этот предназначался, надо полагать, и для того, чтобы человек мог жить в согласии со своей природой. Быть самим собой всю жизнь хотел Пер Гюнт, персонаж Ибсена, но, с точки зрения тролля, персонажа из той же пьесы, «быть самим собой» равнозначно «быть довольным собой». Не уподобляется ли человек троллю, если пытается быть довольным собой, удовлетворяя свои потребности? Наконец, Ортега-и-Гассет прямо считал, что наше «я» – это наше призвание, и если мы более или менее верны своему призванию, наша жизнь является более или менее подлинной, а самым трагичным уделом человека является возможность подменить самого себя, сфальсифицировать свою жизнь [Ортега-и-Гассет Х. 2003, с.427–428 и др.].

Соответственно, заслуживает критики и представление о природе человека, свойственное Ортеге-и-Гассету и Маслоу. Они, видимо, предполагают, что все люди по своей природе «хорошие» и что не может быть убийц, воров и насильников по природе, что едва ли доказуемо. Поэтому тезис о том, что люди должны быть верны своей природе, требующий столь сильных оговорок, не может приниматься во внимание.

Кроме того, явно недостаточно проработаны логически понятия «потребность» и «ценность» в концепции Маслоу. Он, по-видимому, чувствует разницу между потребностями и ценностями как стимулами деятельности, но не может ясно указать принципиальные отличия одних от других. В его концепции некие «метапотребности» одновременно именуется «бытийными ценностями». Иначе говоря, ценности как стимулы деятельности оказываются в ряду потребностей, что логически неприемлемо. Нельзя называть одним и тем же словом каче-

¹⁴ Император Вителлий – известный в истории реальный чревоугодник, Федор Павлович Карамазов, персонаж Достоевского, – сладострастник.

ственно отличающиеся разряды типологии или классификации, нарушая правила построения типологий. Это обязательно приведет к путанице и недоразумениям.

Наконец, имеются ошибочные утверждения, логика которых вообще непонятна. С ними нельзя согласиться в принципе. Например, утверждается, что адвокат может искать справедливость как некую конечную ценность, а не добиваться власти или богатства, просто потому, что любит преследовать недостижимую цель [Хьелл, Зиглер. 1997, с.497]. Во-первых, адвокат, если он хороший адвокат, вовсе не ищет справедливости, это не его задача. Он защищает интересы клиента всеми законными способами, а циничный адвокат и незаконными. Искать справедливость (меру между преступлением и наказанием) – дело судьи. Во-вторых, защита интересов клиента или общества, поиск справедливости – это выполнение профессионального долга юристами, а не побочный продукт их стремления к совершенству.

Популярность концепции потребностей Маслоу, в которой есть и другие недостатков, показывает, что научный уровень рассмотрения индивидуальных потребностей в современной науке нельзя назвать вполне удовлетворительным.

Общественные потребности. Общество, являясь системой субъектного типа, имеет определенные потребности, аналогичные индивидуальным. Их понимание мало изменилось со времени Платона, поскольку его типологии потребностей, которую можно воссоздать, соответствуют, в целом, типологии более поздних исследователей.

Платон не употреблял выражение «общественные потребности», но явно имел их в виду, формируя социально-профессиональную структуру своего государства. Функции, которые выполняют в нем основные слои, направлены на удовлетворение этих потребностей. Производительный слой обеспечивает существование общества путем производства и обмена материальных предметов потребления. Стражи-воины защищают общество от врагов и поддерживают порядок. Философы-правители управляют обществом и заботятся о духовном и физическом воспитании подрастающего поколения. Иначе говоря, деятельность этих трех групп удовлетворяет: 1) потребность в материальных средствах существования путем производства и обмена, 2) потребность в безопасности, 3) потребность в координации различных видов деятельности, 4) потребность в биологическом и культурном воспроизводстве населения.

Не удивительно, что весьма похожую на платоновскую типологию общественных потребностей предложил Г. Спенсер поскольку оба мыслителя уподобляли общество живому существу (человеку – Платон, живому организму вообще – Спенсер).

Спенсеровская типология особенно интересна тем, что он связывал удовлетворение общественных потребностей с функционированием и развитием социальных институтов.

Так, удовлетворению первой потребности в воспроизводстве населения и социализации (воспитании) подрастающего поколения служат домашние институты. Потребность «в активной обороне», вызванная необходимостью борьбы «с окружающими врагами и грабителями», стимулирует появление политических институтов (в частности, армии). Для удовлетворения потребностей в средствах существования и в обмене этими средствами возникают профессиональные промышленные институты (хозяйство, рынок и пр.). Церковные и обрядовые институты служат удовлетворению потребности в стабилизации, упорядочивании взаимодействия между людьми на основе определенных норм (обычаев, традиций). Наконец, потребность в координации различных видов деятельности, порождает государство (хотя государство выполняет и другие функции) [Лимаренко. 2003, с.1081–1085; Смелзер. 1994, с.80].

Похожую типологию потребностей, необходимых для существования общества, предлагали американские исследователи прошлого века [Смелзер. 1994, с.80], которые добавили лишь потребность в коммуникации между членами общества (на основе общего разговорного языка). По-видимому, эта потребность связана со спецификой американского общества, которое складывалось из представителей разных расовых, культурных и языковых групп. Для Пла-

тона и Спенсера подобная потребность не проявилась как значимая. Вероятно, она предполагалась ими удовлетворенной изначально.

В целом, обществоведы разных эпох не указали принципиально новых общественных потребностей по сравнению с теми, которые подразумевал Платон. Ныне, однако, стоит добавить к числу этих потребностей потребность в охране окружающей среды, о которой Платон и Спенсер не упомянули и о которой, кстати, забыли американские исследователи. Во времена Платона и Спенсера человек, видимо, еще не проявил себя как «новая геологическая сила». В настоящее время потребность в охране окружающей среды становится приоритетной, поскольку результаты человеческой деятельности вполне сопоставимы по масштабам с результатами геологических процессов.

Беглый обзор проблемы индивидуальных и общественных потребностей можно завершить рядом принципиальных выводов:

1) для понимания слова «потребность» вполне достаточно его толкования, данного в словаре Даля;

2) потребности есть следствие несамодостаточности различного рода существ (субъектов), а не обмена веществ, как иногда утверждается;

3) деятельность по удовлетворению потребностей объективно необходима и обеспечивает существование деятеля (субъекта);

4) предлагаемые в литературе перечни индивидуальных и общественных потребностей вполне пригодны для их описания и могут быть использованы в разных научных целях;

5) нельзя создать перечень потребностей, построенный по принципу «возвышения потребностей», если не использовать дополнительные теоретические средства – представления о ценностях как стимулах деятельности и основах нравственности и о наличии яростного (волевого) начала в человеческой природе.

Норма: регулятор поведения и одно из основных понятий социологии. Ниже рассматриваются подходы к определению понятия «норма», уточняются свойства и структуру нормы, выявляются ее основные функции, а также важнейшие виды норм.

Слово «норма» весьма многозначно. Отмечено не менее шести его основных значений [БСЭ. Т. 18, с.123], что обусловлено множественностью объектов, для описания которых оно употребляется. Ими могут быть природные и общественные явления и процессы, включая поведение человека [Rey. 1972, p.5].

Представление о том, что поведение человека регулируется определенными нормами, разделяется многими авторами [Бобнева. 1978, с.5; Плахов.,1982, с.25]. Для наук, описывающих поведение человека, понятие «норма» является ключевым или базовым. Нельзя представить правоведение, этику, языкознание, социологию без словосочетаний «правовая норма», «норма языка», «моральная норма», «социальная норма». Широко употребляются выражения «технологическая норма», «норма этикета», «культурная норма» и т.п. Поэтому не случайно понятие «норма» оказывается базовым понятием социологии наряду с потребностями и ценностями.

Смысл различных трактовок поведенческих норм обычно понимается интуитивно в соответствующем контексте. Однако для построения строгих теоретических описаний социальных систем и социальных процессов необходимо строгое и четкое понятие нормы поведения, которое могло бы стать базовым для обществоведческих наук. В качестве такового предлагается универсальное определение любой нормы поведения как идеального по природе, усвоенного субъектом, императивного и устойчивого образца поведения. А социальной нормой следует считать идеальный по природе, усвоенный субъектами, императивный, устойчивый и относительно распространенный образец поведения [Смирнов. 2011. № 3. С.97–115.].

Данные определения нормы и социальной нормы можно считать определениями понятий ближайшего рода по отношению, соответственно, к индивидуальным и социальным нор-

мам. Что же касается выявления видовых отличий к понятию «норма», то они могут быть получены путем указания на конкретный тип взаимодействия, разновидности деятельности и формы общения, сферы распространения норм и т.д. Иначе говоря, проблема видовых отличий упирается в проблему типологии норм, которая будет рассмотрена ниже.

Для построения более полного понятия (идеальной модели) нормы необходимо, помимо свойств, указанных в определении, рассмотреть ее структуру, которая включает в себя: 1) *цель* (*ценность* или *потребность*), 2) *алгоритм* (подчеркивающий технологическую сторону нормы) и 3) *санкцию* (поощрение – наказание за соблюдение или несоблюдение нормы).

В целом, структура нормы аналогична структуре любого поведенческого акта, но структурные элементы нормы отличаются от элементов обычного акта рядом свойств.

В частности, более устойчивы цель и алгоритм нормы, что определяет и устойчивость самой нормы.

Цель нормы представляет собой некую потребность или ценность, ради достижения которых существует норма. Цель обычного акта снимается по мере ее достижения, но цель нормы существует неопределенно долго, пока для человека или общества значима ее цель.

Алгоритм нормы также более устойчив, более общ и жестче фиксирован по сравнению с протеканием обычного акта. Процесс конкретного акта часто уточняется под влиянием внешних преходящих причин. Алгоритм нормы не меняется существенным образом длительное время.

Кроме того, санкция социальной нормы более социализована по сравнению с санкцией обычного акта или индивидуальной нормы. Санкция индивидуальных норм и обычных актов сводится к субъективному чувству удовлетворенности (неудовлетворенности), хорошему (плохому) самочувствию, успешности (неуспешности) в достижении результата. Санкция социальной нормы предполагает реакцию других людей на соблюдение или несоблюдение нормы. И даже если действия индивида совершаются втайне, санкция полностью неустраима, воплощаясь в чувстве исполненного долга или в угрызаниях совести.

Наличие трех элементов социальной нормы объективно обусловлено.

Цель – потребность или ценность – отражает структуру потребностей и ценностей общества, характеризуя его экономику, мораль и общую направленность развития.

В алгоритме представлена объективная сторона природы и общества, преломленная через человеческое знание о свойствах вещей и социальных явлений. В нем отражается также сторона деятельности, подлежащая оценке с точки зрения эффективности и рациональности.

Санкция служит средством контроля общества за деятельностью человека, чтобы последний служил благу общества или хотя бы не вредил ему [Смирнов. 2007, с.180]. Связь структурных элементов нормы с важнейшими социальными явлениями – экономикой, моралью, правом и технологией, – позволяет уточнить специфику названных явлений, в особенности, морали и права.

Со структурой нормы и ее свойствами связаны и важнейшие функции норм в обществе, в число которых обычно включаются:

Регулятивная функция, отмечаемая большинством исследователей [Левада. 1967, с.98; Плахов. 1985, с.39; Бобнева. 1978, с.68; Абушенко. 2003, с.643, и др.], основана на императивности нормы и поддерживается санкцией как структурным элементом нормы. Норма в этой функции оказывается средством управления деятелем, направлена на него. Она воспринимается деятелем как более или менее строгий закон поведения.

Регламентивная функция (функция упорядочения поведения) основана на алгоритме как структурном элементе нормы и направлена на поведение. В результате совместное человеческое поведение (общение и деятельность) оказывается разделенным на согласованные между собой цепочки действий. Объективное значение этой функции не меньше, нежели функции

регулятивной, особенно в случае технологических норм, хотя она реже оказывается в поле зрения исследователей [Плахов. 1985, с.28; Бобнева. 1978, с.68, и др.].

Оценочная функция служит базой для двух упомянутых выше, поскольку предварительно нужно оценить поведение на основе неких образцов, чтобы изменять его алгоритмы или применять санкции. Норма выступает в роли эталона, на основе которого оценивается реальное поведение или деятельность человека [Бобнева. 1978, с.31]. В конечном счете, может получить оценку и сам субъект (как «нормальный» или «ненормальный»).

Воспитательная и обучающая функции основаны на усвоенности как свойстве нормы. Человек изменяется, подчиняя и организуя свое поведение в соответствии с какими-либо нормами. Функция воспитания более тесно связана с ценностью нормы, а обучения – с ее алгоритмом. Отдельные структурные элементы нормы могут усваиваться с разной степенью полноты, что заметно сказывается на типе личности. Например, усвоение ценностей, содержащихся в нормах, без усвоения необходимых алгоритмов может породить тип «прекраснодушного мечтателя», а усвоение алгоритмов без усвоения соответствующих ценностей – тип «равнодушного формалиста».

Терапевтическая (иногда, *психотерапевтическая*) *функция* базируется на усвоенности как свойстве нормы и санкции как ее структурном элементе. Она близка к воспитательной функции, а разница между ними определяется начальным состоянием человека. Воспитательная функция направлена на «социально здорового», а терапевтическая – на «социально больного» человека, т.е. склонного к отклоняющемуся поведению. Усваивая нормы, человек обретает способность менять свое поведение, а претерпевая санкции он «душевно выздоравливает». Если получает поощрение, формирует положительную самооценку, а претерпевая наказание, освобождается от чувства вины.

Функция контроля. Это сложная функция, и в отличие от вышеуказанных, включает в себя две функции разом и складывается из функции оценочной и либо регулятивной, либо регламентивной. Контроль необходимо включает в себя оценку ситуации и изменения ее в нужном направлении.

У норм имеются и другие сложные функции в жизнедеятельности общества [Плахов. 1985, с.39, 60–61 и др.], но их описание не входит в задачи данной монографии.

С учетом многообразия признаков, которые присущи нормам, можно строить разные типологии норм.

Во-первых, в зависимости от распространенности норм можно выделять *индивидуальные и социальные* нормы, включая в число последних нормы отдельных групп и коллективов.

Во-вторых, учитывая фиксированность в документе и наличие органов контроля, можно выделять *формальные и неформальные* нормы. Формальными нормами нужно считать закрепленные в документе и контролируемые особыми органами (нормы писаного права). Неформальными нормами являются те, когда отсутствует закрепленность в документе, орган контроля или оба признака одновременно (этические и индивидуальные нормы, обычаи и пр.).

В-третьих, поскольку структурные элементы нормы могут иметь разное функциональное предназначение в жизни общества, можно говорить об *экономических, нравственных, правовых и технологических* нормах.

Наконец, нормы могут различаться по степени абстрактности-конкретности (норма-принцип и норма-операция), по их направленности (норма-запрет и норма-побуждение), по временному признаку (нормы настоящего, прошлого и будущего) и т.д. Большинство признаков не являются взаимоисключающими, и можно строить сложные типологии норм в зависимости от исследовательских целей.

Итак, в науках о поведении нормой следует считать идеальный по природе, императивный, устойчивый и усвоенный носителем нормы образец поведения. Социальная норма содержит дополнительный признак – относительно распространенность в обществе.

Выделенные структурные элементы нормы позволяют уточнить специфику таких культурных явлений, как экономика, мораль, право, технология. Экономика и мораль связаны с целями нормы (с потребностями и ценностями). Право связано с санкциями, а технология – с алгоритмом. Структурные компоненты и свойства нормы определяют ее важнейшие функции – регулятивную, регламентивную, воспитательную и т.п., а также позволяют построить одну из основных типологий норм, включающую экономические, нравственные, технологические и правовые нормы.

1.6. Основные понятия социологии: ценность

Ценность стимул поведения и одно из основных понятий социологии. В данном разделе предполагается: 1) обосновать утверждение, что ценности можно класть в основу теоретических моделей социальных систем, 2) изложить авторское понимание понятия «ценность», 3) рассмотреть методологию выявления основных ценностей общества.

Аксиологическая проблематика, актуальная в современном обществоведении, имеет давнюю и богатую историю, но *аксиология* как особая ветвь познания отпочковалась от философии относительно недавно. Большую роль в этом сыграла баденская школа неокантианства, работы представителей которой (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) способствовали переходу к научному рассмотрению ценностей. Их особенно крупной заслугой является введение ценностной проблематики в сферу научного исследования человека и общества. Ибо категория «ценность» позволяет уйти в познании этих явлений от плоского биологизма (физиологизма) и примитивного экономизма, опирающихся на понятие «потребность».

Уточнение понятия «ценность». В обычном языке слово «ценность» имеет два основных значения: 1) ценность – любое материальное или идеальное явление, имеющее значение для человека, ради которого тот прилагает усилия; 2) ценность – свойство, признак явления, характеристика его значимости для человека (в этих случаях говорят о ценности любви, дружбы и т.п.). Этих двух значений слова «ценность» достаточно для понимания смысла текста, в котором оно употребляется. Однако в философской и социологической литературе имеется масса разных определений этого понятия, которые критически уже рассмотрены [Смирнов. 2011. № 1. С.139-157]. Ниже дается лишь авторская трактовка понятия «ценность», совпадающая, в целом, с трактовкой слова «благо», данной Аристотелем.

Рассуждая о благах, Аристотель имеет ввиду явления, имеющие значение для человека: здоровье, богатство, счастье и пр. При этом он вводит представление о двух классах благ: *благах-средствах* и *благах совершенных, конечных, являющихся целями сами по себе*, например, счастье (в современной литературе эти классы ценностей называются *инструментальные* и *терминальные*).

Кроме того, занимаясь проблемой, что такое благо само по себе, он делает предположение-вопрос: «*Может быть, то, ради чего все делается?*». И поясняет далее на примерах: «Для врачевания – это здоровье, для военачалия – победа, для строительства – дом и т.д., а для всякого поступка и сознательного выбора – это цель, потому что именно ради нее все делают все остальное» [Аристотель. 1983, с.62 и др.]. Тем самым, он вводит эмпирический признак – *деятельность*, которую совершает деятель ради достижения блага, в качестве видового отличия. В результате, ценность оказывается стимулом деятельности, что согласуется и с нашей теоретической схемой.

Итак, следует понимать ценность как любое материальное или идеальное явление, имеющее значение для человека, ради которого тот прилагает усилия (первое значение слова ценность в обычном языке). Это определение понятия «ценность» можно использовать в теоретических описаниях общества, отличая при этом ценности от благ. Хотя и те, и другие имеют значение для человека, но ради ценностей человек прилагает усилия, а благами пользуется

даром (например, всеми природными ресурсами, которые постепенно становятся ценностями в силу их нехватки).

Крайне важным является вопрос об источнике появления ценностей, относительно которого существуют разные точки зрения. Согласно одной из них, ценности существуют на основе сверхмирового начала, которое есть Бог и абсолютная полнота бытия, данная в нем [Лосский. 1994, с.277]. Согласно другой, близкой к первой, ценности творятся в недрах религий, оплодотворяющих ими человеческую культуру [Кургинян. 1992, с.9]. Согласно третьей, «ценности порождены всей социально-исторической практикой человечества [Выжлецов. 1984, с.18]. Последняя точка зрения представляется наиболее целесообразной для теоретической социологии. Опираясь на нее, можно сделать вывод, что механизм замещения потребностей, предложенный Маслоу, нуждается в уточнении в связи с теми функциями, которые ценности выполняют в обществе.

Во-первых, всемирно-историческая практика есть воплощение жизнедеятельности людей, которые имеют материальные и духовные потребности, удовлетворяемые с помощью определенных средств. Средства существования людей и общества, выполняющие утилитарную функцию, оказываются исходным видом ценностей. Но позже эти средства могут, утрачивая свою утилитарную функцию, выполнять функции эстетическую, хранения и передачи информации, накопления богатства и пр.

Во-вторых, люди, в связи с наличием у них сознания и свободы поведения, нуждаются не только в обеспечении существования, но и в смысле существования.

Сознание, порождающее представления о смерти и одиночестве, приводит человека к пониманию трагизма своего земного бытия, что порождает вопрос о смысле жизни: «Дар напрасный, дар случайный, для чего ты мне дана?» (Пушкин).

Свобода обостряет проблему смысла жизни, и человек может решить ее, найдя ценности, ради которых «стоит жить». Надежнее всего смысл обретается в служении ценностям, которые считаются абсолютными. Прежде их предлагала религия («Не напрасно, не случайно жизнь от Бога нам дана» – митрополит Филарет, отвечающий Пушкину). Ныне же глобализирующемуся человечеству нужна общая система ценностей, способная придать ему смысл существования.

В-третьих, ценности, придающие смысл поведению человека, можно использовать как средства управления сознанием и массовым поведением людей как для блага людей, так и во вред им вплоть до их самоуничтожения. Причинение вреда возможно потому, что люди не всегда способны отличить подлинные ценности от фальшивых из-за неоднозначности смысла слов, которые обозначают ценности. Кроме того, существует феномен соблазна, когда люди жертвуют высокими ценностями ради ценностей низких (долгом ради личной выгоды, а высокой любовью ради плотских утех).

Гюстав Лебон в самом конце XIX века ясно и четко изложил основы управления толпой с помощью *идей* (так он выражался). Умело используя слова типа *свобода, демократия, социализм* и т.д., можно подвигнуть людей на действия, которыми они нанесут ущерб самим себе.

Теоретически отличить фальшивые ценности от настоящих крайне трудно, но на практике их различают по результатам ввода ценностей в массовое сознание. Если жизнь после ввода «демократии», «свободного рынка», «приватизации и пр. улучшается, значит, введены подлинные ценности, если нет, тогда имеет место не ввод декларируемых ценностей, а нечто иное. Например, вместо демократии введена олигархия, вместо свободного рынка – свобода денежных спекуляций, а вместо приватизации – ограбление народа.

Понятие «ценность» как основа теоретических моделей социальных систем. В философских и социологических концепциях имеются различия относительно понятия «ценность», методов их выявления и источника происхождения. Но нередко общей для них оказывается мысль, четко выраженная в школе структурно-функционального анализа, что любая социальная система, вне зависимости от ее масштаба, функционирует на основе общих, принятых

всеми, ценностей [Parsons, Shils. 1962, p.202–203; Киссель. 1983, с.764]. В неявном виде мысль о ценностях как основе общества высказывал еще Аристотель [Аристотель. 1983, с.379].

Положение, что ценности являются основой общества, теоретически интересно тем, что оно выдвигает альтернативную линию в понимании основ общества. Условно ее можно назвать линией Аристотеля-Парсонса, и она противостоит линии Платона-Маркса, где ключевая роль в возникновении, функционировании и развитии общества отдается потребностям (о чем уже сказано в разделе о потребностях).

Возникает противоречие в понимании основ общества. Ясно, что общество как система субъектного типа, основанное на деятельностном взаимодействии, не может существовать, не удовлетворяя потребности. Но ясно, что и существование отдельных людей и общества в целом не определяется лишь удовлетворением потребностей. Стимулами деятельности являются и ценности. Как разрешить возникшее противоречие относительно основ общества?

Его можно разрешить, если придерживаться следующей точки зрения.

Общество, несомненно, возникает, а далее существует и, отчасти, развивается на основе потребностей. Но со временем мощь человеческой деятельности повышается, растет производительность труда. Появляется свободное время, не занятое производством средств существования, объем которого постоянно увеличивается и которое людям нужно чем-то заполнить. Они решают проблему свободного времени, свободно ставя собственные цели.

Эти цели, имеющие долговременный характер, могут стать ценностями двоякого рода. Первые связаны с повышением качества жизни и находят воплощение в материальных и духовных средствах существования. Вторые связаны с необходимостью иметь смысл и ориентиры существования.

Постепенно все большая доля мощи человеческой деятельности тратится не на удовлетворение потребностей, а на достижение ценностей, которые начинают играть все более заметную роль в стимулировании деятельности. Ее смысл задается субъективно и свободно, и она становится подлинно человеческой. Ценности оказываются в основе общества в качестве стимулов собственно человеческой деятельности.

Итак, общество возникает и существует на основе потребностей, но благодаря всевозрастающей мощи человеческой деятельности, его дальнейшее функционирование и развитие все в большей мере определяют ценности. Возникает возможность строить относительно простые теоретические модели социальных систем, используя понятие «ценность» и временно «забывая» понятие «потребность». В таких моделях, понятию «ценность», действительно, «должно бы принадлежать центральное место во всех науках об обществе» [Rokeach. 1973, p.3].

Методология выявления фундаментальных ценностей общества. Итак, ценности как стимулы человеческой деятельности могут быть положены в основу теоретических моделей социальных систем. Но возникает вопрос о конкретных ценностях, которые можно ввести в эти модели. Выявление их позволит создать достаточно ясную и определенную типологию фундаментальных ценностей общества.

Для выявления названных ценностей можно использовать два принципиально разных пути: эмпирический и теоретический.

Суть эмпирического пути состоит в том, что группы фундаментальных ценностей создаются на основе изучения *мнения людей*. Для этого формируются стандартные перечни ценностей, которые потом используют для массовых опросов. Так изучались *терминальные* и *инструментальные* ценности американского [Rokeach. 1973, p.28] и советского общества [Ядов. 1979, с.298–209].

Суть теоретического пути в том, основные ценности общества можно попытаться выявить, опираясь в качестве исходного принципа на некую абстрактную (и неявную) ценность, рассмотрение которой позволит обнаружить ценности, доступные обыденному сознанию.

Подобным путем шел Н.О. Лосский, строя всеобщее царство ценностей. Он выводил из высшей ценности – «абсолютной полноты бытия», данной в Боге – некие частичные абсолютные ценности как необходимые условия такого бытия.

Главный недостаток эмпирического способа тот, что с его помощью изучаются лишь мнения людей о ценностях. Главный же недостаток теоретического пути заключается в том, что исходная ценность, применяемая в исследовании, не может быть формально доказана. Можно лишь обосновать ее осмысленность. Тем не менее, для теоретических моделей социальных систем целесообразнее использовать теоретический же способ выявления ценностей.

В рамках авторской позиции для выявления фундаментальных ценностей общества в качестве исходной ценности предлагается ценность «социальная значимость» человека, понимаемая как его способность оказывать влияние на ход дел в обществе. Она считается основной ценностью человека как социального существа. Ее противоположность – социальное ничтожество, т.е. полная неспособность влиять на ход общественных дел. В качестве постулата принимается, что большинство людей интуитивно стремятся к социальной значимости, избегая социального ничтожества.

Для аргументации осмысленности подобной позиции можно привести высказывания философов, социологов, психологов, писателей и пр. Мера социальной значимости может быть разной для отдельных людей, значимость с точки зрения общественных интересов может быть положительной и отрицательной, а показателем ее устойчивости является степень свободы действий лиц и социальных групп, обладающих ею. Социальная значимость не существует в «чистом виде» и не выступает для всех как понятная и желанная цель. Она выявляется путем абстракции, а воплощается в виде более привычных для обыденного сознания ценностей, называемых *модусами социальной значимости* [Смирнов. 2011. № 1. С.139–157]. О них речь пойдет ниже при построении типологии основных ценностей общества.

Универсальная типология фундаментальных ценностей общества. Построение названной типологии требует ряда дополнительных уточнений.

Во-первых, общество необходимо понимать в широком смысле, т.е. как объединение людей, возникшее на всей совокупности типов взаимодействия (природном, чувственном и пр.) при ведущем деятельностном взаимодействии.

Во-вторых, необходимо рассмотреть ценность «удовольствие» и показать ее роль в принятии человеком тех или иных ценностей.

В-третьих, типология, включающая основные группы социальных ценностей, требует дополнения в виде *концепции* социальной значимости, в которую входят представления: 1) о процедурах социального признания, посредством которых общество узаконивает притязания человека на социальную значимость, и 2) о средствах ее достижения.

Основные группы фундаментальных ценностей общества.

В первую группу этих ценностей входят *модусы* социальной значимости, т.е. формы ее проявления и существования. Поскольку социальная значимость не существует в «чистом виде» и не выступает для всех как понятная и желанная цель, на уровне обыденного сознания люди более или менее осознанно стремятся к ее модусам. Обретая их, люди обретают искомую социальную значимость. Модусы являются *целевыми общечеловеческими ценностями индивидуального уровня*.

При выявлении модусов следует учесть ряд обстоятельств.

Во-первых, положение о том, что самореализация человека есть системообразующий фактор в науке о человеке. Самореализация же понимается как использование человеческого потенциала путем включения человека в разные социальные структуры [Зобов, Келасьев. 2008, с.109 и др.].

Во-вторых, представление о типах взаимодействия (видах общения) между людьми, на основе которых возникают объединения людей. Человек самореализует себя, достигая определенной меры значимости в этих объединениях.

В-третьих, представление о носителях модусов (значимых фигурах в обществе).

С учетом сказанного, в **таблице 5** соотнесены объединения людей, виды и предметы общения, а также наиболее очевидные модусы социальной значимости и их носители.

В первом столбце таблицы представлены абстрактно выделенные (на основе ведущих видов общения) объединения людей. Во втором – соответствующие виды общения. В третьем столбце указаны предметы общения (обмена). В четвертом приведены модусы социальной значимости в объединениях. В пятом столбце названы носители модусов, присутствие которых служит эмпирическим признаком наличия в обществе тех или иных модусов.

Таблица 5

Значимость человека в различных объединениях людей

Объединение	Вид общения (взаимодействия)	Предмет обмена (общения)	Модусы социальной значимости	Носители модусов
Популяция	Природное	Гены	Потомство (дети)	Мать, отец
Общность	Чувственное	Чувства	Любовь-ненависть, дружба-вражда и т.д. Мастерство в сфере чувств	Любимые, презираемые, друзья, враги и пр.
Сообщество	Рече-коммуникационное	Значения, смыслы	Знание, слава, мастерство в сфере идей	Ученый (мудрец), знаменитость,
Общество (в узком смысле)	Деятельностное	Результаты деятельности (продукты и услуги)	Богатство, хозяйство, мастерство в сфере вещей	Богач, хозяин, мастер в сфере вещей
Государство	Правовое	Решения	Власть, мастерство в сфере властных отношений	Вождь, лидер
Общество в широком смысле, Социум	Все виды на основе деятельности	Все предметы, в основе результаты деятельности	Все перечисленные модусы, к которым добавляется святость	Все перечисленные носители плюс святые

В популяции человек (как мужчина, так и женщина) реализует себя как природное существо, и мера его значимости в ней зависит от количества оставленных им потомков.

В общности модусом значимости является чувство, которое испытывают по отношению к человеку другие люди. Носителем модуса «чувство» является тот человек, на которого направлено чувство. Неважно, является ли оно позитивным или негативным. От ненависти до любви, как известно, один шаг. Незначим человек тогда, когда другие к нему равнодушны. Поскольку чувств много, то много и фигур, являющихся предметом чувств (часть чувств и фигур отражены в таблице).

Во всех видах общения, начиная с чувственного, имеется модус значимости «мастерство», хотя обычно словом «мастерство» называют способность человека что-то делать с вещами. Объясняется широкое значение этого слова тем, что любое мастерство складывается из двух составляющих – природных способностей (таланта) и знаний, умений и навыков, передаваемых путем обучения.

Для мастерства как модуса социальной значимости важна именно «технологическая» сторона (ее можно назвать «профессионализм» или «квалификация»). Любые природные задатки пропадут втуне, если их не развивать с помощью обучения. Напротив, человек с обычными способностями может стать приемлемым мастером в любом деле. Важность квалифицированного, «технологического», подхода в сфере чувств отмечена еще Пушкиным, хотя и в отрицательном контексте: «Разврат, бывало, хладнокровный наукой славился любовной». Мастерами в этой сфере могут оказаться разные деятели – от ловких интриганов и соблазнительей (Яго, Дон Жуан), до вождей и актеров.

В сообществе, где рече-коммуникационное взаимодействие является ведущим, модусами значимости будут: слава (известность, популярность), знание (информация), а также мастерство в хранении и передаче мыслей. Как известно, «кто владеет информацией, тот владеет миром», а слава, очевидно, широко распространенное знание о конкретном человеке. Разные фигуры олицетворяют эти модусы. Носители знания – ученые, мудрецы, учителя. Носители славы – герои, «знаменитости», а мастера слова – писатели, ораторы и т.п.

В деятельностном взаимодействии (обмене результатами деятельности – продуктами и услугами) модусами значимости оказываются хозяйство, богатство, мастерство в сфере вещей. Отдельные из них могут иметь дополнительные наименования и проявления: богатство может пониматься как *капитал, состояние*, а хозяйство выступать как *дело, предприятие*. Носители модусов – богачи, хозяева, мастера в материальной сфере (собственно мастера).

В государстве, основа которого правовое взаимодействие, модусом значимости является власть. Выдающимися носителями ее выступают вожди, политические лидеры, а рядовыми – чиновники-руководители разного уровня. Причастны к власти и чиновники-исполнители, что проявляется в реальной жизни. Во властной сфере мастерами можно считать умелых политиков.

Святость (праведность, духовность) не связана непосредственно с каким-либо конкретным видом общения, однако ее роль в жизни общества велика, а святые – едва ли не самые значимые люди в обществе. Подробнее о святости и ее функциях в обществе будет сказано позже, после завершения типологии ценностей.

Модусы социальной значимости служат основными стимулами деятельности людей в любом обществе¹⁵, хотя не во всяком обществе они равно представлены и равнодоступны, и наличие или отсутствие их во многом определяет тип общества. Они составляют ядро предлагаемой типологии ценностей и служат наиболее тесной точкой соприкосновения («срачивания») личности и общества, являясь целевыми ценностями человека как социального существа. Большинство их носит признаки своего социального происхождения.

Факт, что модусы суть проявления абстрактной ценности «социальная значимость», можно аргументировать двояким образом. Во-первых, это вытекает из ее определения. Ясно, что люди, носители модусов, способны оказывать большее воздействие на ход событий в обществе по сравнению с теми, кто их не имеет. Во-вторых, это подтверждается возможностью превращения модусов друг в друга, хотя и не на взаимной основе. Так, святость может перейти во власть, а слава (популярность) – в богатство, мастерство – в славу, но обратные переходы не всегда возможны или затруднены (что говорит о наличии какой-то иерархии между модусами).

¹⁵ Представление о модусах социальной значимости, вкуче с представлениями об основных разновидностях деятельности, позволяет сформулировать социологическую концепцию счастья как социального результата индивидуальной жизни (см. Приложение 1).

Многие модусы могут иметь отрицательный знак по отношению к деятелю и к интересам общества. Так, знание может быть ложным, известность дурной (плохая репутация или известность преступника), власть незаконной или противозаконной, хозяйство или богатство могут использоваться в преступных целях или получены преступными путями, громадный долг можно считать отрицательным богатством и т.п. Но, в любом случае, с людьми, обладающими этими ценностями, другие люди «считаются», их «принимают во внимание».

Обладание разными модусами сказывается на разных сферах жизнедеятельности общества, что обусловлено видами общения, с которым связаны модусы.

Так, значимость мудреца отлична от значимости богача, художника, хозяина, вождя и т.д. Различна между собой и значимость последних, поскольку деятельность каждого из них имеет особый «продукт». Вождь принимает решения, мудрец хранит и добывает знание, хозяин организует использование природных и социальных ресурсов и т.п. Кроме того, разнятся способы достижения разных модусов. Нельзя с помощью одной и той же деятельности достичь славы, богатства, святости, власти и т.п.

Так, притчу о богаче, которому труднее попасть в царство Божие (обрести святость), чем верблюду пройти сквозь игольное ушко, можно истолковать весьма рациональным образом (особенно, если учесть, что «игольное ушко» есть метафорическое название прохода в иерусалимской стене, через который мог протиснуться лишь человек). Богач не может обрести святость не потому, что он владеет богатством, но потому, он занимается его охраной и приращением и ориентирован в своей деятельности не на дух, а на материю. Самореализация через богатство дает ему смысл и радость жизни. Нельзя одновременно служить духу и самоутверждаться в материальном мире, это разнонаправленные деятельности («Не можете служить Богу и мамоне» [Матф. 6.24]).

Напротив, возможны сочетания модусов, легко совместимых друг с другом. Их естественные соединения возникают на основе одного вида общения. Легко сочетаются между собой знание и слава – рече-коммуникационное общение, богатство и хозяйство – деятельностное общение и т.д. Мастерство и знание хорошо сочетаются с любым модусом, поскольку могут выступать в качестве средства в любом виде общения.

Реальным деятелям полезно обладать сочетанием совместимых ценностей, чтобы добиться устойчивой социальной значимости, Богатство желательно иметь в сочетании с хозяйством, знание – со славой и т.п. Возможно также «сращивания» богатства и власти, когда бюрократия и буржуазия практически сливаются воедино, что отчасти происходит в исламском мире [Ланда, 2006, с.91], да и российским предпринимателям для нормального ведения хозяйства также требуется доля политической власти [Неверов, 1993].

На основании способности модусов социальной значимости переходить друг в друга можно выстроить их иерархию (хотя не строго линейную). Тогда в ней высшей ценностью оказывается святость, низшей – богатство. Отчасти эта иерархия находила отражение в трудах древних мыслителей («идеальное государство» Платона), а также воплощалась на практике в сословнокастовых системах Древнего Египта и Индии.

Для некоторых модусов социальной значимости можно, вероятно, подобрать «антиценность». Так, святости противостоит греховность, богатству – нищета, знанию – невежество и т.п., которые в сознании людей способны соединяться «перекрестным образом».

Взятые из противоположных рядов «позитивная» и «негативная» ценности как бы сливаются одна другую или считаются едва ли не необходимыми взаимными атрибутами. Например, святости часто сопутствует нищета. В средние века «праведник мыслился бедным, ибо бедность – добродетель, каковой ни в коем случае не могло быть богатство» [Гуревич, 1972, с.219], а знание легко сочетается с греховностью – «дьявольская мудрость». Возможно, теоретический анализ сочетаний ценностей из этих двух рядов позволил бы лучше осветить особенности человеческого поведения в разные исторические эпохи.

Можно формировать разные перечни модусов значимости в зависимости от целей исследования. Их наиболее универсальный перечень, учитывающий сложность человеческой природы и виды общения, отражен в таблице 5. В него включены: потомство (дети), чувства, знание, слава, мастерство (в разных сферах), хозяйство, богатство, святость. Но для простоты теоретического описания большинства социальных явлений можно использовать сокращенный перечень, в который следует включить: святость, знание, славу, власть, богатство, хозяйство, мастерство.

Вторую группу типологии составляют инструментальные ценности, имеющие социальное происхождение. Ими являются: *право, свобода, равенство, справедливость, братство, милосердие, долг, дисциплина* и т.д. Их наличие обусловлено: 1) заинтересованностью общества в доступности модусов для людей, ибо человеческое стремление к ним дает ему необходимую энергию для существования и развития; 2) необходимостью упорядочить и смягчить конкуренцию между людьми из-за власти, богатства, славы и т.д. Кроме того, эти ценности играют роль критериев, на основе которых способы и результаты достижения модусов признаются законными, нравственными, справедливыми. Их нарушение ведет к отрицательной социальной значимости конкретного лица. Инструментальные ценности выполняют все эти функции.

Некоторые инструментальные ценности необходимы для нормального протекания двух основных разновидностей деятельности – эгодеятельности и служебной деятельности: эгодеятельность невозможна без свободы и права, а служебная – без дисциплины и долга. Для последней желательна также ценность «призвание», наличие которой позволяет деятелю исполнять служебный долг и подчиняться дисциплине с положительным душевным настроем. Наконец, отдельные инструментальные ценности, по-видимому, защищают связанные с ними высшие общечеловеческие ценности (о которых речь ниже). Количество и иерархия инструментальных ценностей, входящих в эту группу, может меняться в различных культурах.

Третью группу в типологии составляют *инструментальные ценности, природные по происхождению*. Это свойства человека, получаемые при рождении: *жизнь* (понимаемая как природный процесс), *ум, здоровье, красота, сила, ловкость* и т.п. Первоначально их можно считать благами, поскольку достаются даром, однако они поддаются корректировке, защите и пр. Немало выдающихся деятелей и спортсменов, которые, имея слабое от рождения здоровье, укрепили его, достигнув блестящих успехов в жизни. Природные свойства становятся ценностями в зависимости от меры усилий, направленных на их совершенствование, укрепление, поддержание. Их наличие выступает в качестве необходимой предпосылки или облегчает достижение социальной значимости.

Очевидно, что обладание силой, красотой, умом повышает шансы для достижения успеха. Более того, на ранних этапах развития общества природные свойства человека были ведущими для достижения социальной значимости, а ныне, хотя их влияние заметно упало, обладание ими дает преимущество в жизненной борьбе.

Все ценности этой (и любой другой) группы могут отдельным человеком рассматриваться как целевые. В выборе ценностей человек свободен, и он может отказаться от любых модусов социальной значимости, ради покоя, любви и пр. В жизни нередки случаи, когда человек оставляет власть или богатство ради здоровья, силы и т.п. Император Диоклетиан оставил власть, чтобы выращивать капусту. Вронский выбрал любовь женщине вместо карьеры и вращения в светском обществе и т.д.

Четвертую группу составляют *целевые ценности, характеристики природной среды*, поддающиеся контролю со стороны социальных субъектов. Это земля, вода, руды и прочие природные ресурсы. Обобщенно их можно назвать «*вещество*», «*энергия*», «*пространство*». Они являются целевыми потому, что служат предметом конкуренции сами по себе и выступают древнейшими ценностями, из-за которых ведется борьба. Ведь еще животные ревностно охраняют свои территории обитания, столбят гнездовые участки и т.д. Можно считать их зародыше-

выми модусами социальной значимости, поскольку контроль над ними влияет на ход событий в обществе, и, кроме того, они отчасти воспроизводятся. По этим причинам (борьба, контроль и воспроизводство) характеристики природной среды следует считать ценностями, а не благами. Крайне важен факт, имеющий далеко идущие последствия, что они и сейчас являются природным субстратом богатства и хозяйства.

Наконец, в пятую группу входят *высшие общечеловеческие ценности*. К ним относятся: мыслящий дух (Бог или совокупная душа человечества), общество, личность, человечество, человек, природа. Они выступают в качестве безусловных предпосылок существования всех людей, причем в настоящее время для их сохранения требуются все большие усилия каждого по отдельности и всех вместе. Некоторые высшие ценности для отдельных людей или групп могут выступать в виде более конкретных ценностей. Общество может проявляться как отечество (родная страна), человечество как родной народ (нация, раса), мыслящий дух как племенной или групповой бог и т.д.

Видимо, отдельные высшие ценности теснее связаны с некоторыми инструментальными ценностями из второй группы, которые их защищают (право защищает по преимуществу интересы общества, а гуманность – отдельного человека). Возможна ситуация, когда две или три инструментальные ценности призваны защитить одну общечеловеческую (например, справедливость и милосердие защищают человека, а дисциплина и долг – группу или общество). Но пока отношения между высшими общечеловеческими ценностями и ценностями инструментальными не слишком ясны.

В целом, складывается следующая типология ценностей (см. **Табл. 6**).

Таблица 6

Основные группы ценностей

Наименование группы	Наименование ценностей
Целевые общечеловеческие ценности индивидуального уровня, модусы социальной значимости	Святость, знание, мастерство, хозяйство (дело), слава, власть, богатство
Инструментальные ценности, имеющие социальную природу	Свобода, право, дисциплина, долг, равенство, братство, справедливость, гуманность, милосердие, призвание и др.
Инструментальные ценности, природные свойства человека	Жизнь, здоровье, красота, сила, ум, ловкость и пр.
Целевые ценности, характеристики природной среды	Вещество, энергия, пространство.
Высшие общечеловеческие ценности	Мыслящий дух (Бог), общество, личность, человечество, человек, природа,

Смысл слов, обозначающих в таблице основные ценности, более или менее ясен, поэтому нет нужды заниматься их подробным анализом. Уточним лишь представления о мыслящем духе и святости.

Выражение «мыслящий дух» употребил Ф. Энгельс, выразив печальную уверенность, что «материя ... с железной необходимостью ... когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет – мыслящий дух» [Энгельс. Т.20, с.363]. Отчасти это же представление о духе содержится в учении В. Вернадского о ноосфере как новом эволюционном состоянии биосферы [Вернадский. 1991, с.241–242]. Удачное метафорическое описание подразумеваемого явления

дал П. Тейяр де Шарден, который писал о «гармонизированной общности сознаний, эквивалентной своего рода сверхсознанию», когда «Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе» [Тейяр де Шарден. 1987, с.199]. До гармонизированной общности сознаний еще очень далеко, пока не принята общая во всепланетном масштабе система ценностей как основа гармонизации. Но средства массовой информации и Интернет уже создали общность сознаний и технологическую предпосылку ее гармонизации.

Мыслящий дух можно представить как мерцающее сияние, обволакивающее всю планету, причем отдельного человека можно уподобить светочу, поддерживающему сияние, носителю мрака («мракобесу»), сознательно или бессознательно гасящему свет мысли, и кристаллу, способному лишь поглощать и отражать свет. Для простоты понимания большинством людей и конкретизации общей цели их деятельности выражение «мыслящий дух» можно заменить выражением «разумная жизнь, носителем которой является человечество».

Сохранение мыслящего духа на Земле близко, в практическом смысле, к сохранению веры в Бога в душах людей, поскольку поведение людей в обоих случаях должно быть схожим: они должны быть честными, любить друг друга, не грешить, укреплять душевную силу и пр. На почве практических действий по сохранению духа возможно сближение атеистов и верующих.

Соответственно, атеистическая святость может пониматься как причастность к мыслящему духу и служение ему. Святость – это жизнь в духе и для духа.

Святость как модус социальной значимости представляет собой парадоксальное явление. Служение духу (или Богу) означает уход от мира. Святые (праведники), казалось бы, непричастны к мирским делам. Тем не менее, они оказываются очень значимыми, едва ли не самыми значимыми людьми в обществе.

Значимость подобных людей связана с важнейшими функциями святых в мирских делах.

Первая состоит в том, что святые показывают пример образа жизни, не связанного со служением телу и удовлетворением потребностей. И часть людей способна последовать их примеру.

Вторая, более важная, функция, это хранение нравственности в обществе. В ней святые подобны платоновским философам-правителям, главное дело которых не управление государством, а созерцание высших, вечных и совершенных идей (эйдосов). Путем созерцания они получают знание, причем самое важное знание – это знание *блага* или *идеи блага* [Платон. 1971, с.217 и др.]. Говоря нашим языком, платоновское благо – это некая высшая, абсолютная ценность. Знание ее придает философам-правителям мудрость, т.е. способность отличать добро от зла (служение высшей ценности – добро, причинение ей ущерба – зло). Поэтому они знают ответ на самый простой «детский» (в реальности, самый трудный) вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо?», и могут дать «добрый совет» по всем делам государства.

Религиозные святые, созерцающие Бога и служащие ему, также обладают в глазах верующих знанием добра и зла. Обычно люди не хотят быть «злыми», но не знают, как поступать правильно и служить добру. Поэтому они идут к святым (праведникам) за добрым советом, просят «вразумить» себя.

Иногда место святых в обществе занимают великие грешники, люди, мнящие о себе, что они обладают знанием высшей ценности (племенной или групповой бог, избранный народ, высшая раса, бесклассовое общество). Следуя за ними (и думая, что делают доброе дело), миллионы людей могут творить страшные преступления.

Ценность «удовольствие». Она не вошла в типологию, но требует дополнительного рассмотрения по ряду причин.

Во-первых, удовольствие, подобно социальной значимости, может выступить теоретической основой для объяснения человеческого поведения и построения типологии ценностей. Попытки объявить его высшей для человека ценностью предпринимают уже персонажи плато-

новских диалогов [Платон. 1971, с.12 и др.]. С оговорками эту точку зрения поддерживают Дж. Милль и Г. Спенсер, которым возражает [Лосский, 1994, с.258]. Подробную справку по истории вопроса об удовольствии как ценности дает Э. Фромм [Фромм. 1992, с.168–184], поэтому нет нужды останавливаться на этом подробнее. Подчеркнем лишь, что отказ положить эту ценность как исходный принцип для построения системы ценностей общества связан с тем, что удовольствие свойственно и человеку, и животным. А для построения типологии общественных ценностей нужна ценность, свойственная именно человеку.

Во-вторых, удовольствие требует особого внимания, поскольку оно выступает как необходимый компонент для ввода любой ценности в систему личных ценностей человека. Ведь если человек не получает удовольствия от богатства, власти, славы и т.п., они не могут служить действенными стимулами его деятельности. Эта проблема также затронута Платоном, который связывал разумение с удовольствием [Платон, 1971, с.78–79]. Касаясь проблемы связи удовольствия с другим благом, на Платона ссылаются Н. Лосский [Лосский.1994, с.258] и М. Поллани, подчеркивающий связь процесса познания с интеллектуальным наслаждением [Поллани. 1985, с.23–24, 26 и др.].

В-третьих, удовольствие любопытно тем, что оно имеет некие производные, которые можно назвать *модусами* удовольствия. В их число входят: *блаженство, радость, наслаждение, удовлетворение, «кайф»*. Предположительно, если прислушаться к тому, что нам подсказывает язык, виды удовольствия связаны со сторонами человеческой природы. В частности, блаженство связано с духовной стороной, наслаждение – с плотью, а радость – с социальной стороной человеческой природы. Можно получить блаженство в молитве, радость от встречи с другом или совместного успеха (радость победы), а наслаждение от вкусной еды и пр. Удовлетворение связано с завершением деятельности, достижением цели («и увидел бог, что это хорошо»), а «кайф» – суррогатное, полученное не вполне естественным путем удовольствие.

Процедуры социального признания как компонент концепции социальной значимости. Сказано уже, что общество заинтересовано в том, чтобы модусы социальной значимости на определенных условиях были доступны людям, «работая» стимулами деятельности. В то же время оно не может оставить без контроля деятельность личности, направленную на достижение богатства, власти, славы и т.п. Поэтому в нем существуют процедуры, позволяющие обеспечить доступ к этим ценностям «по праву и закону», чтобы конкуренция людей из-за них была введена в определенные рамки и не служила источником постоянного напряжения и хаоса. В обществе под влиянием разных факторов сложилось неопределенное количество эмпирических процедур социального признания, но принципиально отличаются только две подобные процедуры [Смирнов. 1990, с.41].

Первую можно назвать «личная экспертиза». Суть ее в том, что собрание правомочных экспертов узаконивает право конкретного человека на обладание властью, богатством, мастерством и т.п. Таковыми судьями могут быть все правомочные члены данного общества, группа экспертов или один человек. Примерами личной экспертизы являются обряды инициации, выборы, решение суда и пр. Эта процедура может иметь разновидности по степени демократичности – недемократичности в зависимости от количества экспертов. Экспертиза может быть очень «грубой» (драка за лидерство в шайке), а может подчиняться тщательно разработанным правилам (турниры, соревнования). С ее помощью можно оценивать весь комплекс человеческих свойств.

Вторая – это «безличная» или «рыночная» экспертиза. В ней социальное признание сводится к акту купли-продажи (первоначально – обмена продуктами и услугами). Если продукт или рабочая сила данного человека приняты рынком, то в известной мере признана и его социальная значимость, причем позитивная, поскольку усилия человека по производству товара на законной основе компенсированы обществом. Рыночная процедура называется безличной

потому, что на рынке конкретный человек оценивается лишь как носитель социальной функции (товаровладелец или товаропроизводитель), он «не имеет лица».

Рыночная процедура интересна и важна тем, что, стимулируя активность человека, она одновременно способствует введению в приемлемые для общества рамки конкуренции людей между собой. Обмен товарами и услугами осуществляется (в идеале) на рынке на основе свободной воли товаропроизводителей при неизбежной конкуренции среди владельцев тождественных товаров. Успех любого из них зависит «в конце концов, от шансов рынка, то есть мирной борьбы людей между собой» [Вебер. 1923, с.9].

Свойство рынка переводить борьбу людей между собой в мирные формы способствует непрерывному прогрессу общества рыночного типа (особенно в материальной сфере), ибо обусловливает непрерывное развитие и совершенствование деятельности. Напротив, исключение рынка как способа социального признания, хотя и может на какое-то время обеспечить спокойствие внутри общества, исключив явную конкуренцию, неизбежно будет способствовать консервации или даже регрессу объективно необходимой деятельности и породит неявные, скрытые формы конкуренции. Пользуясь ими, «жулики» всегда возьмут верх над «порядочными людьми».

Рыночный способ социального признания изначально возникал как безличный, поскольку впервые обмен товарами осуществлялся не между отдельными лицами, но между племенами, родами, общинами (коллективами), владевшими продуктами в количестве, допуская возможность обмена [Энгельс. Т.21, с.160; Массон. 1976, с.61].

Обе процедуры (способа) социального признания необходимы обществу, поскольку они тесно связаны с элементарными разновидностями деятельности. Личная экспертиза важнее в сфере служебной деятельности, рыночная пригоднее для эгодеятельности.

Средства достижения социальной значимости как компонент концепции социальной значимости.

Общество существует на деятельностном взаимодействии (обмене результатами деятельности – продуктами и услугами), поэтому труд – основное средство достижения любого модуса значимости. Соответственно, право на труд – неотъемлемое право человека. Общество обязано дать ему возможность реализовать себя в жизни законным путем, поскольку лишить человека права на труд означает исключить его из общества в качестве значимого социального существа.

Многие известные люди прямо или косвенно защищали право человека на труд. Утверждалось, что если человек не будет выполнять свою работу, то «ему и жить не к чему» [Платон, 1971, с.192], а «безработица... пусть обеспеченная ... частными и государственными субсидиями, унижает человека и делает его несчастным. ... Томительное чувство, что «я в жизни не нужен» или что «мир во мне не нуждается», что я выброшен из великого процесса мирового труда и стал социальной пылью, ... – пробуждает в сердце здорового человека всевозможные ощущения личной несостоятельности, приниженности, обиды и горечи». Следствием безработицы является ... мертвая скука от вынужденного ничегонеделания, стремление любым путем заполнить время, а далее отрицание правопорядка и отвращение к труду [Ильин. 1993, с.317–318]. Сказано также, что лишь работа «выводит на верную дорогу к здоровью, богатству и счастью» [Форд. 1992, с.16 и др.].

Общество считает законными и другие (помимо труда) средства приобретения отдельных модусов социальной значимости: творчество, подвиг, жертва, дар, удача. Кроме того, люди используют нечестные и незаконные средства достижения модусов: воровство, мошенничество, грабеж, вымогательство и т.д. Преступные средства основаны на «комплексе превосходства», свойственного преступнику по убеждению, который исходит из установки (сознательной или бессознательной), что он много лучше своих братьев (не «тварь дрожащая, а право имею») и поэтому может поступать с ними по своей воле и разумению.

Особым средством получения социальной значимости оказывается посредничество между заинтересованными сторонами, основанное, как правило, на контроле над информацией. Посредник «знает» реальные нужды и возможности обеих сторон, тогда как сами стороны этой информацией не обладают. Посредничество трудно назвать честным или нечестным, ибо неясны критерии, согласно которым можно отличить «честное посредничество» от «наглой спекуляции».

Итак, опираясь на представление о социальной значимости, а также типах взаимодействия между людьми, можно построить типологию фундаментальных ценностей общества, включающую целевые (терминальные) и инструментальные ценности и состоящую из пяти групп. В конкретных обществах наборы ценностей из всех групп могут отличаться, что определит своеобразие каждого из обществ. Важную роль в усвоении любых ценностей личностью играет удовольствие.

Общество контролирует доступ к модусам социальной значимости с помощью двух принципиально отличных процедур социального признания – личной и безличной экспертизы. Основным законным средством достижения социальной значимости является труд. Имеются и другие честные и нечестные средства достижения социальной значимости. Нечестные основаны на комплексе превосходства, присущему настоящему преступнику (по убеждению). Посредничество занимает промежуточное положение между этими средствами достижения значимости.

Итоговое замечание к разделу 1. Исходная познавательная установка, а также совокупность разработанных на ее основе теоретических средств дают возможность описывать в едином ключе важнейшие социальные процессы и явления, чему будет посвящен следующий раздел. В случае недостаточности введенных средств для описания конкретного явления или процесса будут вводиться дополнительные представления и понятия, но основа описания будет сохраняться.

Глава 2. Основные социальные явления и процессы

Необходимость этого раздела для постижения России носит вторичный, дополнительный, характер. Читатель, стремящийся к пониманию основного содержания книги, может частично пропустить его содержание. Но ему нужно усвоить материал о типах государства в разделе 2.1., просмотреть текст о функциях культуры в подразделе 2.2., а также изучить подраздел 2.3., где речь идет о личности как социальном явлении. Описание социальных типов личности, данное в нем, пригодится при рассмотрении особенностей развития российского общества. Желательно также ознакомление с частью подраздела 2.4., где описаны основные и специфические интересы крупных социальных групп. Раздел же в целом может быть полезен для тех, кто интересуется теоретической социологией вообще.

2.1. Социальные институты. Понятие и основные функции

Понятие «социальный институт». Общество, являясь системой субъектного типа, имеет потребности, для удовлетворения которых возникли особые структуры, именуемые *социальными институтами*. Количество общественных потребностей ограничено, поэтому невелико и количество основных социальных институтов, часть из которых будет рассмотрена ниже.

Выражение «социальный институт» (от *лат. institute* – установление, учреждение) многозначно. В настоящее время им обозначают:

1) определенную форму организации, регулирования и упорядочения общественной жизни, деятельности и поведения людей, включающую совокупность социальных норм, образцов поведения и деятельности [Современный словарь... . 1993, с.239];

2) устойчивый комплекс социальных норм, образцов поведения и деятельности, регулирующих взаимодействие в определенной сфере жизнедеятельности и превращающих эту сферу в систему социальных ролей [Социология. 2005, с.225],

3) совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности [Смелзер. 1994, С.79],

4) группу людей, объединенных какими-либо идеями для выполнения каких-то функций [Образование взрослых 1999, с.51].

5) определенную структуру учреждений, соответствующих социальной структуре общества;

6) устойчивые формы социального поведения и действия в соответствии с социальными нормами и культурными образцами. Подразумевается при этом, что институты являются элементами социальной структуры. Считается также, понятие социального института заимствовано из юридической науки, где оно обозначало совокупность юридических норм, регулирующих социально-правовые отношения [ФЭС. 1983, с.209].

Беглый обзор трактовок понятия «социальный институт» позволяет сделать вывод, что оно отражает два принципиально разных социальных явления:

во-первых, оно отражает реальные структуры, удовлетворяющие какие-то общественные потребности (государство, армия, фирма, семья и т.д.). В этой трактовке, идущей от Г. Спенсера, социальные институты рассматриваются по аналогии с органами живого тела. Присутствие людей в них предполагается;

во-вторых, оно несет следы своего происхождения из юриспруденции и сводит социальные институты к неким близким устойчивым комплексам правил, норм, статусов, ролей и т.п. (институт частной собственности, институт наследования и т.п.).

Думается, употребление понятия «социальный институт» в последнем значении основано на недостаточно осмысленном заимствовании понятия «институт» из юридической науки, и в социологии неправомерно. Необходимо различать *институты* и *социальные институты*, оставив первые правоведению, а в вторые – социологии. Никакие «устойчивые комплексы норм» или «совокупности социальных статусов и ролей» сами по себе не могут удовлетворить ни одну общественную потребность.

Представление о человеке принципиально неустранимо в собственно социологическом понятии «социальный институт», в котором должна быть отражена их важнейшая функция – удовлетворение потребностей. Поэтому исходное определение этого понятия должно быть примерно следующее: «Социальный институт есть объединение людей (деятелей), чья деятельность предназначена для удовлетворения общественной потребности и упорядочена на основе устойчивого комплекса норм». Более полное определение понятия «социальный институт» может быть дано после рассмотрения функций социальных институтов.

Функции социальных институтов и общественные потребности.

Специализированные и общие функции социальных институтов. Специализированной функцией определенного института является его целевая деятельность по удовлетворению той или иной общественной потребности. Общественные институты могут иметь несколько специализированных функций, среди которых можно выделить одну основную. Так, основной функцией семьи является биологическое воспроизводство населения, но одновременно в ней происходит приобщение детей к определенной культуре, воспитание, первичное образование, формирование чувства принадлежности к какой-либо группе (национальной, социальной, языковой и пр.). В школе детей обучают, но одновременно заботятся об их физическом развитии и безопасности и т.д.

Помимо специализированных функций институты выполняют и две общие, в той или иной мере свойственные любому институту.

Первой из них является *распоряжение ресурсами*, которыми люди владеют совместно или в отдельности. Например, семье как институту необходимы: материальные ресурсы, определенный уровень физического здоровья родителей (способность родить и воспитать детей), ресурсы духовного плана – чувства любви и долга для создания надлежащей духовной атмосферы в семье, наличие властного центра, организующего семейную жизнь. Нужны различные ресурсы и для других социальных институтов, причем материальные ресурсы нужны им всем.

Второй функцией является *упорядочение совместной деятельности* людей, придание ей сравнительно устойчивых форм с тем, чтобы эту деятельность (и ее результаты) можно было прогнозировать. Упорядочение деятельности происходит на основе социальных норм, благодаря чему она приобретает организованный характер. Нарушение норм дезорганизует совместную деятельность.

В целом, социальный институт можно определить как объединение людей (деятелей), совместная деятельность которых, предназначенная для удовлетворения общественной потребности, упорядочена на основе устойчивого комплекса норм и социальных ролей и обеспечена необходимыми материальными и духовными ресурсами.

Государство как социальный институт. Важнейшими социальными институтами являются семья, государство, институт образования, хозяйственные предприятия и культурные учреждения и др. Описывать их все в данной монографии нет ни нужды, ни возможности, поэтому ниже будет кратко описано лишь государство.

Государство представляет особый интерес потому, что оно регулирует правовое взаимодействие людей, определяя меру их свободы (или несвободы). Кроме этой функции и в тесной связи с ней государство призвано (согласно идеалу Спенсера) обеспечивать личные права, свободу и безопасность граждан. Однако как основной институт политической системы классового общества государство осуществляет управление обществом, охрану его экономической

и социальной структуры. В социальной системе рыночного типа государство находится, как правило, в распоряжении наиболее сильного в экономическом отношении класса¹⁶. Но возможно обладание государственным аппаратом и наиболее сильным в идеологическом отношении слоем (ислам, коммунизм).

Основными признаками государства являются: 1) наличие формального права, закрепляющих систему определенных норм, санкционированных государством, 2) наличие особой системы органов и учреждений, осуществляющих функции государственной власти, 3) наличие определенной территории, на которую распространяется юрисдикция государства.

Государство обладает: 1) исключительной монополией на принуждение всего населения в рамках определенной территории, 2) правом осуществлять от имени всего населения внутреннюю и внешнюю политику, 3) исключительным правом издавать законы и правила обязательные для всего населения, 4) правом взимания налогов и сборов.

Многообразие видов государственного устройства обусловлено множественностью признаков, которыми может обладать государство, а также с тем, какой признак признается ведущим. Известны шесть основных видов государства Аристотеля, отличающихся по числу носителей власти и целью властвования. Сегодня, имея в виду режимы и формы правления, говорят о парламентских и президентских республиках, абсолютных и конституционных монархиях, унитарных и федеративных государствах [Бабосов. 2003, с.236–239] и т.п.

Однако, если признать, что государство возникает на основе правового взаимодействия, возможны два фундаментальных (и идеальных) типа государства, выявленных русским философом и правоведом И.А. Ильиным. Государство как носитель и хранитель права может быть построено: 1) по типу корпорации, кооператива и 2) по типу учреждения.

Корпорация строится снизу вверх и состоит из активных полномочных и равноправных деятелей, объединенных в единую организацию по своей свободной воле на основе общего интереса, признав который они входят в корпорацию и получают полномочия действовать для его удовлетворения. Они полномочны сформулировать общую цель, ограничить или заменить ее, избрать голосованием необходимые органы, упразднить их, принять и отменить решения. В корпорации все основано на изъявлении воли индивида, учитываемой в свободном голосовании. В результате возможен идеал формальной демократии, выражающийся в лозунге: «Все через народ!».

Учреждение (школа, больница) строится сверху вниз по принципу опеки над заинтересованными в нем людьми, которые удовлетворяют в нем свой интерес, но не формулируют сами этот интерес. Опекаемые лица не имеют полномочий строить учреждение, не входят в его состав. Учреждение само решает, на каких условиях и до каких пор они могут быть допущены в него. Учреждение имеет права и обязанности, устав, руководящие органы, но все это получает не от опекаемых и не отчитывается перед ними, органы его не выбираются, а назначаются.

В разных государствах сочетаются в разной пропорции как элементы корпорации, так и элементы учреждения. Элементами корпорации являются выборы, референдумы, соборы (учредительные собрания), где выражается воля граждан (или подданных). Элементы учреждения заметны в защите государством жизни, безопасности, имущества своих граждан, а также в требованиях, предъявляемых гражданам со стороны государства: об уплате налогов, прохождении воинской службы, законопослушании и т.д. Кроме того, само гражданство большинство людей получают независимо от своей воли.

Последовательно проведенный принцип учреждения ведет к установлению в стране тоталитарного строя, где опека над гражданами возведена в принцип, а государство стре-

¹⁶ В частности, перед началом Английской революции палата общин в английском парламенте стала в три раза богаче палаты лордов. Но большее количество благ требует большей безопасности [Guizot. 1841, p.11–12]. Для этого общинам потребовалось взять на себя всю полноту политической власти, что и послужило главной причиной революции

мится регламентировать всю деятельность людей. Но полная регламентация – это, в сущности, казарма или даже каторга.

Полное же господство корпоративного принципа ведет к анархии, к чему вольно ли невольно стремятся сторонники формальной демократии. Кроме того, корпоративный строй требует от граждан некоторых важных качеств, которые должны быть сформированы у них. В частности, гражданин должен: 1) уметь управлять самим собой, 2) понимать сущность государства, его задачи и цели, 3) понимать значение и смысл свободы, 4) иметь представление о законах политики и хозяйства, 5) разбираться в технике социального управления. Иначе говоря, гражданин должен обладать зрелым правосознанием.

Если эти условия не соблюдены, то общий интерес подменяется частной корыстью, солидарность между гражданами превращается в пустой звук, а властные полномочия становятся чем-то вроде кулачного права. «Сила права» подменяется «правом силы». Государство или гибнет или движется в сторону диктатуры.

Принцип самоуправления нельзя исключить, но сфера его применения ограничена целым рядом обстоятельств:

- принудительным характером государственного союза вообще,
- техникой принятия решений в важных сферах (требование сохранения государственной тайны и пр.),
- наличным уровнем правосознания в стране и др.

Определяя наилучшее сочетание принципов корпорации и учреждения при формировании государственного устройства, необходимо учитывать множество условий, важнейшие из которых:

- размеры территории (чем больше территория, тем нужнее сильная власть и труднее проводить принцип корпорации),
- высшие государственные задачи (чем грандиознее эти задачи, тем меньшему числу граждан они доступны, тем труднее корпоративный строй),
- религиозную принадлежность народа, (однородная религиозная масса облегчает управление)¹⁷,
- национальный состав страны (чем он однороднее, тем легче ввести начало самоуправления) и др.

Единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может. Крайние лозунги – «все сверху» и «все снизу», – соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, одинаково несостоятельны и опасны. Государство есть организация не частноправовая, а общественно-правовая, властно-повелительная. Оно никогда не перестанет быть учреждением и никогда не превратится в кооперацию чистой воды [Ильин, 1992, с.84–89]¹⁸.

2.2. Культура: понятие, элементы, основные явления, функции, конфликты

Понятие культуры. Слово «культура» (лат. cultura – возделывание, воспитание, образование) происходит от латинского глагола «colere», который означает «обрабатывать» или «возделывать» почву. В средние века это слово послужило основой термина «агрикультура», понимаемого как «искусство земледелия». Позже оно стало распространяться на все более широкие сферы жизнедеятельности человека и общества. Так, в произведениях Ш.Л. Монте-

¹⁷ Точнее было бы говорить об общей идентичности, в которой религиозная однородность может играть важную роль.

¹⁸ Эти мысли Ильина надо бы усвоить современным российским либералам, сторонникам полной и бескомпромиссной демократии.

сье, И.Г. Гердера, Дж.Б. Вико и др. слово «культура» стало обнимать и иные процессы взаимодействия человека с природой и общения людей между собой.

В связи с массовой экспансией европейцев в заморские страны возникло представление о множественности культур отдельных человеческих групп как целостных, своеобразных и самодостаточных комплексов подобного взаимодействия и общения. Однако в XIX веке в кругу европейской аристократии понятие «культура» стало приобретать оценочный смысл, ассоциируясь с оперным театром, изящной словесностью, хорошим воспитанием и вкусом. Культурным называли человека, обладавшего изяществом манер, начитанного, разбиравшегося в изобразительном искусстве и музыке. Тем самым слой таких людей отделялся от простого, «некультурного» народа.

В настоящее время в науке понятие «культура» употребляется без аристократического оценочного оттенка этого слова. Существует множество определений этого понятия, суть которых, в целом, сводится к тому, что *культура является совокупностью или системой, используемых обществом собственно человеческих регуляторов поведения, деятельности и общения, которые генетически не запрограммированы*. В конкретных обществах эти системы регуляторов поведения существенно различаются [Степин. 2003, с. 478–481; Смелзер. 1994, с.41–42]. Культура также является средством сохранения и передачи социального опыта взаимодействия людей между собой и природой.

Частью культурных регуляторов являются регуляторы деятельности, описанные выше. Среди них особый интерес представляют ценности и нормы как элементы культуры, обеспечивающие ее важные функции. Существуют также другие ее элементы, придающие культуре устойчивость и последовательность.

Основные элементы культуры, связанные с ее важнейшими функциями, можно выявить, критически рассмотрев концепцию культуры, предложенную У. Гуденау, по мнению которого культура содержит четыре элемента:

1) Понятия (концепты), содержащиеся по преимуществу в языке. С их помощью люди упорядочивают свой опыт и ориентируются в мире в рамках определенной культуры. Воспринимая форму, цвет и вкус предметов окружающего мира, люди организуют мир по-разному. Например, в немецком языке слово «essen» обозначает прием пищи людьми, а слово «fressen» – приме пищи животными. В русском языке оба приема пищи обозначаются словом «есть». Для обозначения жадного и неаккуратного процесса еды русский употребляет слово «жрать». В некоторых языках отсутствуют слова, обозначающие абстрактные понятия, в частности, в эскимосском языке нет особого слова для обозначения снега как такового (есть слова для обозначения свежеснеженного, влажного, покрытого корочкой льда и т.п.).

2) Отношения. Культуры не только выявляют с помощью понятий отдельные части мира, но также определяют, как эти части мира связаны между собой: во времени, в пространстве, по значению (качеству), по причинной зависимости. Предполагая ту или иную связь между вещами, люди могут заниматься магией или наукой (приносить в жертву солнцу человеческие сердца, чтобы оно не утратило силы, или на основе баллистических расчетов запускать спутники в космос).

3) Ценности понимаются Гуденау как общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов. В разных культурах предпочтение отдается разным принципам.

4) Правила (нормы) регулируют поведение людей в соответствии с ценностями определенной культуры. Нормы понимаются как некие стандарты поведения [Смелзер. 1994, с.48–51; Смирнов, Смирнов. 2007, с.14–22].

Эта концепция полезна для выявления основных элементов культуры, однако ее отдельные элементы необходимо назвать иначе, сохранив отчасти их содержание, другие уточнить, придав им иной смысл. Кроме того, перечень элементов следует дополнить.

Во-первых, в языке, с помощью которого упорядочивается опыт людей, содержатся не столько понятия, сколько слова и символы. Значения слов отнюдь не сводятся к понятиям. В словах содержатся представления (чувственно наглядные образы вещей и явлений), и в обыденном общении люди понимают друг друга, опираясь на них, а не на понятия, которые используются в науке. Кроме того, в языках народов мира могут содержаться средства для выражения субъективного, человеческого отношения к тому или иному явлению. В частности, в русском языке с помощью суффиксов можно выразить чувства ласки и нежности, равно как страха и отвращения («конек-горбунок» – ласковое отношение, «грязища», «скучища» – отвращение). Словами также обозначаются символы, т.е. реальные вещи, выступающие в качестве своеобразных заместителей других реальных вещей или явлений (герб и флаг как символы государства). Поэтому элементами культуры следует считать значения слов и символы, но не понятия.

Во-вторых, совершенно неприемлемо понимание ценностей как общепринятых убеждений относительно целей, к которым должен стремиться человек. Критика этого определения изложена в разделе о ценностях.

В-третьих, правила и нормы как элементы культуры предпочтительнее не пояснять их друг через друга, но для понимания их роли в жизни общества, нужно опираться на исходное понятие «образец (стандарт) поведения или деятельности», как это предложено выше. Чтобы стать социальной нормой образец поведения должен обладать рядом свойств: императивностью, устойчивостью, усвоенностью субъектом (носителем нормы), относительной распространенностью. Осознание этих свойств нормы способствует лучшему пониманию течения социальных событий.

В число дополнительных элементов культуры, служащих регуляторами поведения и средствами передачи опыта следует внести: 1) *вещи*, 2) *изображения*, 3) *напевы (мелодии) и ритмы*.

Так, вещи (в частности, орудия труда) являются исторически первыми средствами передачи накопленного опыта. Уже изготовление каменных орудий требовало накопления и передачи знаний, умений и навыков, которые передавались, вероятно, путем подражания младших старшим. Именно по вещам или их остаткам современные археологи изучают предшествующие культуры, воссоздавая на их основе образ жизни конкретных объединений людей в различные исторические периоды. Стремительный прогресс в изготовлении вещей за последние 300–400 лет во многом определяет перспективы существования человечества (не обязательно благоприятные, мир вещей в буквально смысле может подавить человеческий мир).

Изображения разного рода (в частности, предметы искусства) также сыграли, в качестве средств передачи опыта, важнейшую роль в эволюции человечества. До изобретения письменной речи (не случайно первым возникло иероглифическое письмо, построенное на рисунке), они служили главным средством закрепления мировоззренческих представлений людей в ранние эпохи существования человечества. Первоначально в них изображалось строение мира, религиозные верования, магические и религиозные ритуалы, властные взаимоотношения, героические (часто мифические) события. Позже предметом изображения все чаще становилась обычная жизнь людей. Изображения вещей в виде чертежей и планов проникли в науку и технику. Они же в виде географических карт стали непременным условием военного дела и мореплавания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.